

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА
РИСКОВ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
ОЧЕВИДНОЕ И ВЕРОЯТНОЕ**

Монография

Под научной редакцией
кандидата психологических наук, доцента, профессора НГПУ
О. А. Белобрыкиной

НОВОСИБИРСК
2017

УДК 159.923+316.6
ББК 88.5+88.35
С692

Печатается по решению
Редакционно-издательского
совета ФГБОУ ВО «НГПУ»

*Подготовлено и издано в рамках реализации
Программы стратегического развития
ФГБОУ ВО «НГПУ» на 2012–2017 гг.*

А в т о р с к и й к о л л е к т и в :

А. Л. Журавлев, д-р психол. наук, проф., академик РАН, член-корреспондент РАО (раздел 1.1.), *Т. П. Емельянова*, д-р психол. наук, проф. (раздел 3.1); *О. О. Андронникова* канд. психол. наук, доц., проф. НГПУ (раздел 1.3); *О. А. Белобрыкина*, канд. психол. наук, доц., проф. НГПУ (разделы 1.2; 2.3); *Ю. В. Ковалева*, канд. психол. наук, доц. (разделы 1.1; 2.1); *М. И. Кошенова*, канд. психол. наук, доц. (разделы 2.2; 3.2); *В. И. Волохова*, ст. преподаватель (раздел 3.3)

Р е ц е н з е н т ы :

д-р психол. наук, доц. ФГБОУ ВО «СПбГУ»
О. В. Защиринская;
д-р пед. наук, доц., проф. ФГБОУ ВО «НГПУ»
И. А. Федосеева

С692

Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное : монография / А. Л. Журавлев [и др.] ; под науч. ред. О. А. Белобрыкиной ; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2017. – 113 с.
ISBN 978-5-00104-168-9

Монография представляет результаты социально-психологической верификации научного понятия «риск». Профессиональная рефлексия причин, механизмов, особенностей содержания и индикаторов рисков современной реальности, характеристик субъектов позволяет выявить «точки бифуркации», прогнозировать варианты развития общества и личности с целью минимизации и устранения опасностей, как уже состоявшихся, так и вероятных.

Издание адресуется преподавателям вузов, научным сотрудникам, студентам высшей школы и послевузовского образования, специалистам социально-психологического, психолого-педагогического и социально-педагогического профиля профессиональной деятельности.

УДК 159.923+316.6
ББК 88.5+88.35

ISBN 978-5-00104-168-9

© Оформление. ФГБОУ ВО «НГПУ», 2017

SOCIAL-PSYCHOLOGICAL EVALUATION OF RISKS OF MODERN REALITY: OBVIOUS AND PROBABLE

Monograph

Under scientific editorship of
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of NSPU *O.A. Belobrykina*

The monograph presents the results of social-psychological verification of scientific concept of «risk». Professional reflection of causes, mechanisms, features of content and indicators of risks of modern reality, characteristics of subjects allows us to identify «bifurcation points», to predict options for development of society and personality in order to minimize and eliminate dangers, both already taken place and probable.

Writing team: *A.L. Zhuravlev*, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Academician of RAS, Corresponding Member RAE, (Section 1.1.), *T.P. Emelyanova*, Doctor of Psychological Sciences, Professor (Section 3.1); *O.O. Andronnikova*, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor NSPU (Section 1.3); *O.A. Belobrykina*, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor NSPU (Sections 1.2; 2.3); *Yu.V. Kovaleva*, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor (Sections 1.1; 2.1); *M.I. Koshenova*, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor (Sections 2.2; 3.2); *V.I. Volokhova*, Senior Lecturer (Section 3.3)

The book is addressed to teachers of universities, researchers, students of higher education and post-graduate education, specialists of social-psychological, psychological-pedagogical and social-pedagogical professional activity profiles.

ВСЯКИЙ ЛИ РИСК – БЛАГОРОДНОЕ ДЕЛО? ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Народная мудрость богата пословицами и поговорками о риске:

- Риск – благородное дело.
- Не рискуя, не добудешь.
- Не рисковать, так и боя не выиграть.
- Без риска и жизнь пресна.
- Кто не рискует, тот не выигрывает.

Как видим, большая часть пословиц задает слову «риск» позитивный смысл. Однако история цивилизации представляет множество примеров того, что не каждый риск – благо для человечества, страны (государства) и личности. Соответственно, не всякий риск может безоговорочно приветствоваться и предполагать только положительный результат.

В обобщенном виде риск трактуется как возможность возникновения неблагоприятной ситуации, вероятная опасность или неудачный исход какой-либо деятельности. В психологическом словаре риск (англ. *risk*) рассматривается как «действие, направленное на привлекательную цель, достижение которой сопряжено с элементом опасности, угрозой потери, неуспеха. Ситуация риска предполагает возможность выбора из двух альтернативных вариантов поведения – рискованного и надежного, т.е. гарантирующего сохранение достигнутого»¹. В социально-психологическом контексте понятие риска определяется как состояние, связанное с необходимостью совершать некоторые действия, поступки в ситуации с неоднозначным исходом. Риск – это ситуативная характеристика поведения и деятельности, но всегда сопряженная с фактором угрозы безопасности системы, объекта, личности². Можно полагать, что чем выше риск, тем выше вероятность неудачного развития событий. Однако принципиально важным в данном аспекте являются субъективные оценки и ожидания человека («на свой страх и риск»), определенным образом соотносящиеся с реальностью.

Видимо, не случайно категория риска стала сегодня одной из центральных в широкой социальной практике: политике, экономике, производстве, бизнесе,

¹ Большой психологический словарь / Сост. и общ. Ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. С. 430

² Парыгин Б.Д. Социальная психология. Истоки и перспективы. СПб.: СПбГУП, 2010. 533 с.

науке, медицине, образовании, поскольку современные условия общественного развития характеризуются наличием хронического кризиса, что увеличивает и зоны распространения, и вариации рисков.

По мысли российского летчика-испытателя А. Ю. Гарнаева, риск имеет право на существование только тогда, когда он действительно необходим обществу. Всякий другой риск он считал бессмысленным и аморальным³. По сути, автор обозначает критерий, определяющий грань между оправданным и неоправданным риском: оправдан лишь тот риск, который соотносится с общественно значимыми целями деятельности и поведения в ситуациях неопределенности, а не тот, который порождается индивидуалистическими стремлениями. Однако такой подход к оценке и типологии риска довольно формален в силу распространенности явления подмены понятий общественной значимости государственной необходимостью, что не одно и то же. Подобные ситуации стали распространены в период внедрения инновационных процессов и реализации интеграционно-унификационных (глобализационных) функций и механизмов во многих социальных системах. Ряд «новшеств» как раз и был спущен «сверху» с обоснованием их общественной целесообразности – «во благо», тогда как на деле многие решения либо кардинально не изменяли качественную составляющую исходной ситуации (например, реформы в системе МВД (включая переименование милиции в полицию), медицине, образовании), либо имели обратный эффект и не вполне благоприятные последствия (например, создание ювенальной юстиции, модернизация ЖКХ, строительные реинновации, реформация науки и пр.).

Примечательно и то, что, с одной стороны, теория и методология категории «риск» достаточно разработаны и широко представлены в научной и методической литературе (по рискологии, риск-менеджменту, частично кризисологии и ряду других направлений), тогда как, с другой, – применительно к прогнозированию развития отдельных социальных систем (институтов, структур и пр.) социально-психологическая оценка реальных и вероятностных рисков не стала пока разработанным инструментом и устоявшейся практикой, даже не смотря на необходимость и востребованность.

Именно это и послужило отправной точкой для создания настоящей работы, посвященной рассмотрению социально-психологической проблематики риска в её контекстуальных различиях – и как фактора угрозы для безопасности общества и личности, и как дескриптивной характеристики при анализе кон-

³ Гарнаев А.Ю. Аэроузел–2. М.: Авико Пресс, 1999. 316 с.

кретной ситуации, и как прогностического инструмента деятельности, поведения, процесса и их вероятностных результатов.

В монографии представлены результаты теоретического анализа и эмпирических исследований московских и новосибирских ученых, что позволяет увидеть масштабность проблемы становления общества рисков, выделить значимые предикторы позитивной или негативной логики социального развития.

Монография подготовлена коллективом авторов:

Журавлев Анатолий Лактионович, доктор психологических наук, профессор, академик РАН, член-корреспондент РАО, директор ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук», главный редактор «Психологического журнала» РАН и журнала «Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология», член редколлегии журналов «Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир», «Институт психологии Российской Академии Наук. Организационная психология и психология труда», член Президиума Российского психологического общества, Вице-президент Федерации психологов образования России, член Президиума научно-методического совета по психологии УМО университетов РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Емельянова Татьяна Петровна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук», член редакционной коллегии «Психологического журнала» РАН и журнала «Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология», эксперт Российского гуманитарного научного фонда.

Андроникова Ольга Олеговна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры практической и специальной психологии, декан факультета психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», Председатель Новосибирского отделения Общероссийской общественной организации «Федерация психологов образования России», Член American Psychological Association (APA), Член Российской академии естествознания (РАЕ), Член Профессиональной психотерапевтической лиги (ППЛ), сертифицированный гештальт-терапевт.

Белобрыкина Ольга Альфонсасовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», академик «Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека», научный сотрудник НИЛ социально-психологических иссле-

дований НГПУ, руководитель проблемно-исследовательской группы «Психологическая экспертиза в образовании», член редакционной коллегии электронного научного журнала (ЭНЖ) «Наука. Мысль: электронный периодический журнал» (серия «Психологические науки»), член рецензионной коллегии научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири», Член Российского психологического общества (РПО), Почетный работник высшего профессионального образования РФ, детский практический психолог.

Ковалева Юлия Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук», заместитель главного редактора журнала «Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология» (г.Москва).

Кошенова Марина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии и виктимологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», заведующая НИЛ социально-психологических исследований НГПУ.

Волохова Валентина Игоревна, старший преподаватель кафедры социальной психологии и виктимологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», заместитель декана факультета психологии по учебно-методической работе.

Авторы полагают, что монографическое издание окажется востребованным и полезным для научных работников, преподавателей психологии, аспирантов, магистрантов и студентов, а также специалистов, работающих в области социальной и молодежной политики, образования, здравоохранения, как нынешних, так и будущих.

Научный редактор
профессор О. А. Белобрыкина

РАЗДЕЛ 1

ДИЛЕММЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РИСКА

1.1. СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ЗАДАЧИ ГЛОБАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ⁴

Масштаб и темп социальных изменений, а подчас их необратимый характер, вынуждают современные гуманитарные науки пересматривать собственные теоретические основания и вырабатывать новые методы анализа общественных изменений. Так, в последнее десятилетие уверенно заявил о себе *макропсихологический подход*, в рамках которого стали рассматриваться явления, имеющие отношение и существенное значение для развития всего общества в целом [6; 14].

Однако новизна и масштаб событий, происходящих в мире, их универсальный для различных государств и общественных устоев характер, создают условия и ставят задачу перехода на такой уровень анализа, который можно назвать глобальным, а психологическое направление, решающее такие задачи, *глобальной психологией*.

Этот термин не является новым, о нем было заявлено еще в середине 90-х годов прошлого века, когда зарубежная, в частности, американская психология столкнулась со сложностями в понимании результатов психологических исследований, проводимых в так называемом 3-м мире – развивающихся странах Африки, Азии и Южной Америки. Тогда было предложено опираться не на понятия психологии индивидуальных различий, а на такие феномены, как *коллективные смыслы, время, правила и договоренности*. С тех пор эти положения получили достаточное развитие в русле различных научных направлений, однако движение в сторону глобального уровня продолжает быть актуальным в настоящее время в плане осознания психологией, в частности, социальной психологией, как современных, так и потенциальных предметов и объектов исследований.

В последние годы в социально-политический дискурс прочно вошли понятия – *глобализация, глобальные проблемы, глобальные вызовы и угрозы* [12].

⁴ Работа выполнена в соответствии с Госзаданием ФАНО РФ № 0159-2016-0008

Глобализация как разнонаправленное и многофакторное явление, с одной стороны, проявляется через *интеграцию*, отражающую потребность экономического развития современного мирового сообщества, но, с другой стороны, зачастую сопровождается *насаждением* новых политических и культурных установок более сильным и активным участником этого процесса. Глобализация, на первый взгляд, подразумевает трансформацию экономических и культурных границ без видимого нарушения границ политических и тем более территориальных, но она, как правило, сопровождается *геополитической динамикой*, активизирующей различные социальные процессы, в том числе связанные с психологическим состоянием общества и возможными рисками для его благополучия [9; 10]. Обе стороны глобализации стимулируются и обеспечиваются бурным развитием средств коммуникации, благодаря которым обеспечивается ее информационное воздействие [8; 11].

Основными «бенефициарами» процессов глобализации являются различные транснациональные структуры, в первую очередь экономические, имеющие в качестве обеспечения своей деятельности информационные ресурсы. Информационное воздействие – необходимое условие реализации любых глобальных интересов. В этом проявляется сущность современного противостояния политических и экономических интересов, поскольку переформатирование геополитического пространства-мишени требует изменения ценностных установок и отношений его представителей в соответствии с теми или иными глобальными интересами. Основная проблема глобализации – поиск средств регулирования массового сознания и поведения людей.

Таким образом, анализ процессов глобализации требует профессиональной рефлексии и осмысления проблематики информационно-психологического взаимодействия в грядущей исторической перспективе.

Ведущими критериями выделения *глобальных проблем* являются следующие: их повсеместное распространение фактически затрагивает интересы человечества в целом; не разрешение таких проблем может привести к серьезным рискам и угрозам и даже, как минимум, трансформации человечества в современном его виде; разрешить их возможно только совместными усилиями, т.е. они не могут быть принципиально и тем более полностью разрешены в рамках отдельного государства или региона мира. Глобальные проблемы сводятся к трем *основным*: уничтожение человечества в мировой термоядерной войне; всемирная экологическая катастрофа; духовно-нравственный кризис человечества. Помимо этих масштабных явлений выделяются также более конкретные, так называемые, *глобальные вызовы*, нередко представляющие собой *глобаль-*

ные угрозы, среди которых – выраженное экономическое неравенство населения, массовая бедность, демографические и миграционные проблемы, межнациональные и межконфессиональные конфликты, международный терроризм, нарастающий дефицит природных ресурсов, в частности пресной воды, и др.

Как процесс глобализации в целом, так и глобальные вызовы, которые обращены ко всему человечеству и могут быть устранены только общими, причем согласованными действиями, являются вызовами и для психологической науки, представляя собой также и *актуальные психологические проблемы*, поскольку, с одной стороны, они могут быть обусловлены различными социально-психологическими факторами, как например, угроза и риск распространения и применения ядерного оружия [3; 5; 7], а с другой стороны, влиять на психологию больших социальных групп - наций, этносов, гражданского общества в целом, что ставит задачу их изучения, а также практического психологического сопровождения, поддержки и коррекции [4].

Объекты влияния и последствия процессов глобализации, а также способы противодействия нежелательным явлениям, могут быть рассмотрены в рамках глобальной психологии с позиций, в частности, психологии больших социальных групп как коллективных субъектов [1; 2]. В качестве направления исследования может выступать анализ приемов психологического воздействия, используемых идеологами глобализации для продвижения своих интересов, подрывающих основы национальной идентификации, самосознания и психологического благополучия оппонента [8; 11].

В качестве *уровней* такого глобального воздействия могут быть выделены три основных – информационный, концептуальный, метафизический (смысловой):

- на информационном уровне происходит искажение тех или иных значимых фактов, событий, включая исторических;
- на концептуальном уровне осуществляется новая интерпретация информации – замена фактов, которые в случае ложного объяснения превращаются в фальшь-факты, при этом ложные концепты навязываются объекту воздействия в выгодном субъекту воздействию *видении*;
- на метафизическом уровне происходит главное: подавление или полное уничтожение смыслов (социо-культурной идентичности объекта воздействия), характерных для объекта воздействия, а также подмена их чужими ценностями с целью лишения «мишени», (т.е. целевого объекта воздействия) ее воли к сопротивлению, противодействию и т.п.

Таким образом, к основным «мишеням» информационного воздействия, обеспечивающего развитие глобальных явлений, относятся образование, социо-

гуманитарные науки, СМИ, а также другие сферы, существенные для функционирования гражданского общества. Одной из таких форм воздействия является информационно-психологическое противостояние. К другим, более конкретным и частным формам относится, например, «поведенческая война», подрывающая основные поведенческие модели, характерные для конкретного общества, то есть видоизменяющая способы взаимодействия человека с объектами и, самое главное, – с информацией. Необходимо заметить, что в существующей на данный момент литературе рассматриваемые понятия строго не дифференцированы, что объяснимо и вызвано сложными и многоплановыми способами воздействия.

Таким образом, в настоящее время *глобальной психологией* можно считать направление психологической науки, акцентирующее свое внимание на психологических причинах, механизмах функционирования и развития, а также последствиях глобальных явлений, вызовов и угроз современного мира.

В качестве одного из основных процессов, обеспечивающих интересы глобализации, может выступать потеря *исторической субъектности* геополитического оппонента. Таким образом, конкретными «мишенями» глобальных вызовов становятся большие социальные группы, объединенные на основе общности национальных, этнических, территориальных, половозрастных, профессиональных, культурных и других признаков.

Однако представляется, что исчезновение с политической арены того или иного исторического субъекта не означает его исчезновение как субъекта психологического или коллективного [1; 2], чему есть очевидные подтверждения в общественной жизни ряда стран, но пока это не стало предметом научного анализа.

Психологические исследования больших социальных групп открывают возможности анализа уровня их социальной активности, появления новых групповых феноменов, изменений в осознания ими своего места, а также новых функций и ролей в обществе, то есть такой динамики, которая отражает их способность быть субъектами, и, следовательно, влиять на состояния всего общества в целом. Можно заметить, что в различные исторические эпохи, а также в различных социально-экономических условиях на первый план могут выходить те или иные факторы, влияющие на *субъектность* больших социальных групп. При этом характеристики больших групп-«мишеней» также будут различаться в зависимости от таких обстоятельств.

На настоящем этапе, как уже отмечалось ранее, в связи с бурным развитием интернета, массовой информатизацией, широким доступом к различным

СМИ, возможностями компьютерной графики и цифровых технологий на первый план по воздействию на субъектность больших социальных групп выходит *фактор внедрения* систем взглядов, идей или целостных концепций.

Так называемая «историческая политика», или политическая история и идеологизация истории, с конца XX в. становятся глобальной тенденцией, а по отношению к России она принимает характер особой враждебности [13]. Однако информационное воздействие на российское общество как целостный глобальный субъект, например, в отношении событий Великой Отечественной войны, породило очень разные, как негативные, так и позитивные процессы. В обществе стали ярко проявляться различные явления, несущие символический смысл и направленные на восстановление и укрепление национальной идентичности.

Глобальная психология, совместно со смежными социо-гуманитарными науками, способна продемонстрировать возможности общества по обладанию собственными ресурсами противодействия нежелательным процессам, поступающим извне. Эти ресурсы проявляются в различных групповых психологических процессах, направленных на защиту большой социальной группой собственной субъектности. В связи с этим могут быть поставлены следующие *перспективные вопросы*. Каков ресурс субъектности общества, в целом, и той или иной большой социальной группы, его составляющей, в частности? Какая социальная группа способна становиться ведущей при реализации сопротивления информационному воздействию или нейтрализации его последствий? Какой признак субъектности наиболее подвержен тому или иному информационному влиянию? Какие способы противодействия специфичны для групп и отдельных групповых свойств, характеризующих ее субъектность? Перечисленные и многие другие вопросы ожидают дальнейших специальных исследований.

Глобальная психология как научное направление имеет существенные отличия от близких ей направлений – геополитической психологии и психологии международных отношений. Эти две научные дисциплины в большей степени отвечают на вопросы, поставленные в рамках политологии и политической психологии, и изучают психологические явления и закономерности различных политических и геополитических процессов, а также специфики международных взаимодействий – коммуникаций, интеракций и др. Предметом исследований психологических основ геополитических процессов и международных отношений становятся психологические характеристики и особенности факторов мировой политики, имеющие свою специфику для различных стран и народов.

Важной отличительной особенностью глобальной психологии становится ее направленность не на специфику того или иного явления, а на поиск психологических универсалий, лежащих в основе актуальных мировых событий, происходящих в различных геополитических условиях, и имеющих различные способы реализации и проявления в культурной, общественной и экономической активности, а также политических взаимодействиях тех или иных стран и их лидеров.

Представляется, что глобальная психология может стать новым научным направлением, интегрирующим усилия профессионального сообщества в поиске ответов на актуальные вопросы современности.

Список литературы

1. Журавлев А.Л. Большие социальные группы как субъекты: возможности исследования // *Личность и бытие: субъектный подход. Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 315.
2. Журавлев А.Л., Емельянова Т.П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // *Психологический журнал*. 2009. Том 30. № 3. С. 5-15.
3. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке: Монография. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 122 с.
4. Ковалева Ю.В., Соснин В.А. Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты [Электронный ресурс] // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2017. Т. 2. № 1 (5). С. 119-142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document317.pdf> (дата обращения: 06.08.2017)
5. Ковалева Ю.В., Соснин В.А. Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание в XXI веке [Электронный ресурс] // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2016. Т. 1. № 4 (4). С. 119-142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document317.pdf> (дата обращения: 28.07.2017)
6. *Макропсихология современного российского общества* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 352 с.
7. Нестик Т.А. Психологические аспекты распространения ядерного оружия и готовности к его применению [Электронный ресурс] // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2016. Т. 1. № 1. С. 143-173. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document203.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).
8. *Проблемы психологической безопасности* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 439 с.
9. *Психологические исследования проблем современного российского общества* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 502 с.

10. Психологические проблемы современного российского общества /Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 576 с.
11. Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 368 с.
12. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007. 640 с
13. *Серегин А.В.* Противостоять нашествию забвения // Вестник МГИМО. 2012. № 4 (25). С. 57-64.
14. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137-140.

1.2. МНОГООБРАЗИЕ РИСКОВ И ФАКТОРОВ ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ

Современное состояние социума, причем уже в планетарном масштабе, исследователи именуют «обществом риска» (risk society). Данное понятие используется в научно-практическом обиходе при описании обществ, вошедших в стадию позднего (так называемого, «высокого») модернизма (late/high modernity), характеризующегося тем, что процесс производства материальных и социальных благ сопровождается систематическим воспроизводством угроз, опасностей и риска. Это «искусственно созданное состоянием неуверенности» вызвано, прежде всего, стремительным ростом знания человечества и его воздействия на окружающий мир [4; 12]. Любое общество сегодня рискогенно по определению, причем даже бездействие чревато риском.

Слово «риск» исходно употребляется в двух значениях, как: а) угроза, возможность опасности, неудачи, потерь; б) готовность и поведение по преодолению опасности. П.Я.Черных трактует риск как «смелое предприятие, замысел, осуществляемый не столько в силу уверенности в успехе, сколько в надежде на случайность, на счастливый финал» [31, с.116]. Риск, исходя из определения, характеризуется рядом специфических черт:

- *неопределенность* – риск существует только тогда, когда возможно не единственное развитие событий;
- *эмоциональность* – риск всегда представляет собой эмоциональную ситуацию, а невозможность его предотвратить или достичь конструктивного разрешения ситуации еще больше повышает валентность эмоций;

- *ущерб* – риск существует в случае, когда исход может привести к ущербу или другому негативному последствию;

- *аналитичность* – риск существует только в том случае, когда наличествует субъективное мнение «предполагающего» о ситуации и дана качественная и/или количественная оценка негативного события будущего периода (в противном случае – это либо угроза, либо опасность);

- *значимость* – риск существует в случае, когда предполагаемое событие имеет практическое значение и затрагивает интересы хотя бы одного субъекта, так как не существует риска без принадлежности;

- *взаимосвязанность* – никакой риск не существует изолировано, он всегда влечет за собой череду рисков, которые оказывают на отдельный риск существенное влияние. При этом взаимосвязь рисков понимается в самом широком смысле слова, а не только в значении наличия или отсутствия статистической зависимости. Соответственно, анализ и оценка взаимодействия рисков оказывает определенное влияние на понимание опасностей, которым могут быть подвержены значимые объекты (явления, системы, события и пр.).

Э. Гидденс, анализируя процессы социальной модернизации, подчеркивал, что современный мир структурируется главным образом рисками, созданными человеком. Эти риски отличаются рядом признаков. Они, во-первых, обусловлены тотальной глобализацией в контексте режима «дальнего действия» рисков (например, угроза ядерной войны). Во-вторых, глобализация рисков представляет собой функцию возрастания числа взаимозависимых событий (например, международное разделение труда). В-третьих, современный мир – это мир «институционализированных сред рисков», например, рынка инвестиций, от состояния которого зависит благополучие миллионов людей. В-четвертых, производство рисков динамично: осведомленность о риске уже есть риск, поскольку «разрывы» в когнитивных процессах не могут быть конвертированы, как было ранее, в «надежность», приписываемую, в частности, парапсихологическому (религиозному, теософскому и другим подобным) знанию. Соответственно, перенасыщенность современного общества знаниями о рисках уже сама по себе представляет серьезную проблему.

Э. Гидденсом в научный тезаурус было введено чрезвычайно важное понятие – «среда риска» и обозначены три её составляющие: а) опасности и угрозы, порождаемые бессознательностью модернисты; б) угроза насилия над человеком, исходящая от индустриализации войн; в) угроза возникновения чувства бесцельности, бессмысленности человеческого существования, порождаемая попытками человека соотнести свое личное бытие с процессами общественных

модернизаций [12]. Причем последний компонент, о котором как об обостренном переживании современного человека по поводу осмысления своего места в мире и поиска себя рассуждал Э. Фромм, является риском «потери самости» и выступает как ключевой маркер социально-психологического неблагополучия общества, включающий механизм саморазрушения [30].

Не смотря на многообразие рисков, возможных в современной социокультурной реальности, на сегодняшний день отсутствует их единая, унифицированная и общепризнанная классификация. С высокой долей условности можно говорить об *условно обобщенных* (в зависимости от типа науки – технические, социальные, гуманитарные и др.) и *специальных* (в зависимости от отрасли и предмета научных знаний, например, философия, экономика, политология, педагогика, лингвистика и пр.) *классификациях*, которые задают дифференцирование рисков по ряду оснований. Так, **по роду опасности** риски можно подразделить на:

- *техногенные* – риски, связанные с опасностями, исходящими от технических объектов (например, загрязнение окружающей среды) и обусловленные хозяйственной деятельностью человека;

- *природные* – риски, причины возникновения которых не зависят от деятельности человека, а обусловлены проявлением стихийных сил природы: землетрясения, наводнения, ураганы, извержения вулканов и т.п.;

- *смешанные* – риски, представляющие собой явления природного характера, но связанные с хозяйственной деятельностью человека (например, оползень, возникший в связи со строительно-взрывными работами).

Отдельные авторы обозначают самостоятельную группу – риски катастроф, к которым относят, прежде всего, риски террористического акта и информационные риски (включая кибертерроризм), последствия которых могут быть идентичны рискам техногенного или смешанного типа [19; 23]. Как справедливо отмечает К. Л. Лидин, в связи с развитием медиа-(компьютерных) технологий и «расширением социальных сетей контролировать движение информации стало практически невозможно» [20, с. 576], а, следовательно, и труднее предвосхитить информационную опасность.

По сферам проявления риски классифицируют на:

- *политические* – риски, связанные с неблагоприятными изменениями в государственном устройстве или обострением внутривнутриполитической ситуации в стране (смена режима власти, государственный переворот, революция, путч, забастовки, введение моратория на определенный срок или эмбарго из-за отказа нового правительства выполнить принятые предшественниками обязательства,

неблагоприятное изменение в отдельных направлениях законодательства и другие чрезвычайные обстоятельства) или действий (деятельности) местной власти (коррупционированность, рейдерство и пр.);

- *экономические (коммерческие)* – риски экономических потерь, включающие финансовые риски (связанные с осуществлением финансовых операций) и производственные риски (связанные с производством продукции (работ, услуг), осуществлением любых видов производственной деятельности);

- *социальные риски* – риски, обусловленные социальными кризисами, возникновением негативных общественных явлений (таких, например, как преступность, маргинализация отдельных социальных структур и институтов, несоблюдение социально заданных норм отдельными представителями сообщества, социальная дифференциация и стратификация, расширение границ социальных дисфункций);

- *экологические риски* – риски, связанные с нанесением ущерба окружающей среде (например, загрязнение или уничтожение лесных, водных, воздушных и земельных ресурсов, нанесение вреда биосфере и сельскохозяйственным угодьям, аварии, сверхнормативные выбросы и утечки вредных веществ на производственных объектах), в том числе, вреда жизни и здоровью третьих лиц (например, травмы и гибель людей из-за неадекватной эксплуатации производственных и строительных объектов; возникновение заболеваний вследствие загрязнения почвы, водных и других природных ресурсов);

- *юридические (законодательно-правовые)* – риски, обусловленные изменением законодательства или игнорированием его положений в ситуациях де-юре и де-факто; риск рассогласования законодательств разных стран; риск некорректно составленной документации, в результате чего контрагент оказывается в состоянии неспособности выполнять условия договора и пр.; риск правовых коллизий, когда отдельные статьи разных законов вступают в противоречие или даже опровергают друг друга (например, в фильме «Суд» (Россия, 2009 г., реж. А.Силкин, серия 4 «Укол ветеринара») показана ситуация, когда используемые в ветеринарной практике отдельные препараты попадают под статью закона о наркотических средствах); риски ответственности, связанные с наступлением гражданской ответственности за нанесение ущерба;

- *информационные* – риски, возникающие вследствие дисфункционирования информационных ресурсов (например, разрушение баз данных (необратимое изменение и утрата информации), искажение или прерывание информации, её кража, модификации и пр.), а также нарушения психологической безопасности личности в результате применения информационных технологий;

- *организационные (административные)* – риски, связанные с ошибками в принятии организационно-управленческих решений в учреждении, с целенаправленными действиями органов управления, с некомпетентным подходом административного состава к руководству учреждением, к определению стратегии и тактики развития организации (учреждения, компании) её руководителем; риски, обусловленные проблемами системы внутреннего контроля, не качественно или неадекватно разработанными требованиями и алгоритмом выполняемых работ (профессионального функционала, должностных инструкций сотрудников), то есть риски, связанные с внутренней организацией работы учреждения;

- *профессиональные* – риски, обусловленные выполнением профессиональных обязанностей (например, риски, связанные с профессиональной деятельностью медицинских и социальных работников, педагогов, психологов, нотариусов, бухгалтеров и т.д.) [2; 9; 11; 20; 34].

Разновидностью профессиональных рисков можно считать *должностные* риски, зависящие от качества выполнения функциональных обязанностей специалиста в рамках занимаемой должности. Одним из наиболее опасных должностных рисков Лоуренс Дж. Питер считал риск некомпетентности. Исследуя естественное развитие феномена некомпетентности внутри организаций и предприятий, автор пришел к следующим выводам: в любой организации, если какой-либо работник хорошо выполняет свою работу, ему поручают более сложную задачу. Если он и с ней хорошо справляется, то в ближайшее время получает повышение по службе. И так продолжается до тех пор, пока не получит место, превосходящее его возможностям. Примечательно, что там работник будет оставаться бесконечно. У закона Л.Питера имеются два принципиальных следствия. Во-первых, наиболее значимая работа в любой организации выполняется преимущественно теми, кто ещё не достиг своего уровня некомпетентности. Во-вторых, квалифицированный и эффективный сотрудник крайне редко соглашается оставаться на своем уровне компетентности. Он постарается сделать все возможное для того, чтобы достичь уровня, на котором будет совершенно неэффективен. Именно этот аспект исследователь рассматривал как максимальную угрозу и для профессионального развития личности, и для эргатической системы в целом⁵ [37].

По прогностическим возможностям риски дифференцируют на:

- *непрогнозируемые* – риски, отличающиеся полной непредсказуемостью проявления, к числу которых относят так называемые форс-мажорные риски

⁵ Эргатическая система – это схема производства, одним из элементов которой является человек или группа людей. Основными особенностями таких систем выступают социально-психологические аспекты.

(например, резкая смена административно-управляющего состава организации, учреждения, ведомства, государства и т.п.);

- *прогнозируемые* – риски, которые связаны либо с циклическим развитием общества, конкретной социальной системы, организации и пр. (в т.ч. их экономики, кадровой политики и т.п.), либо с очевидной и предсказуемой динамикой развития явления (например, вероятностной конкуренцией и ее спецификой на рынке услуг; передача социальной сферы на обслуживание негосударственным организациям и т.п.).

Следует, однако, отметить, что предсказуемость рисков носит довольно относительный характер, так как прогнозирование со 100 % результатом, с одной стороны, дает возможность исключить рассматриваемое явление из категории рисков, тогда как с другой, – игнорирование такого прогноза или безответственное отношение к вероятностным результатам, не только сохраняет, но и приумножает степень исходного риска. Так, например, прогноз Д.Б.Эльконина о неблагоприятных последствиях реформы образования [35] полностью подтвердился, а отдельные процессуально-результативные составляющие даже усугубились вследствие изменения социально-политической ситуации в стране в конце 80-х годов XX века. Похожая ситуация в первом десятилетии XXI века наблюдалась и в связи с выходом законопроекта о введении предшкольной ступени образования [6; 7]. Сегодня, по сути, полностью предсказуемы последствия предполагаемого государством перевода сферы социальных услуг (включая, уход за инвалидами, пенсионерам, воспитание детей-сирот и т.д.) на рельсы рыночной экономики (в ведение некоммерческих организаций (НКО) – частных предприятий, для которых конечной целью деятельности выступает прибыль, образуемая за счет разницы доходов и расходов. Соответственно, чем больше услуг окажет НКО, тем выше её прибыль, а, значит, и расходов (и по качеству, и по количеству) должно быть значительно меньше.

Соответственно этому классификационному признаку риски можно подразделить на *регулируемые* (управляемые) и *нерегулируемые* (неуправляемые) в рамках организации, учреждения, предприятия, государства, социального института и пр.

По источникам возникновения различают:

- *внешние риски*, возникновение которых не связано с деятельностью данного объекта риска (например, угрозы, обусловленные демографическими проблемами, эпидемиями заболеваний, природными катаклизмами, распространением деятельности тоталитарных сект, различного рода авариями и пр.);

- *внутренние риски*, образование которых находится в прямой зависимости от функционирования объекта (например, от уровня квалификации кадров (известно, в частности, что использование труда низко квалифицированных ра-

ботников (гастарбайтеров) снижает качество результатов деятельности), особенностей организационно-управленческой структуры, специфики внутригрупповых отношений в коллективе, наличия неформальных группировок, специфики внутригрупповых традиций и обычаев, личностных особенностей субъектов деятельности, чрезмерной приверженности и/или увлеченности инновационными технологиями (что в образовательных учреждениях часто приводит к риску функционирования в режиме гипертрофированного («вечного») эксперимента [5; 18], недооценки или переоценки собственных (кадровых, методических и иных) ресурсов и других факторов, отрицательные последствия которых в значительной мере возможно предотвратить за счёт эффективного управления рисками);

- *риски, связанные с человеческим фактором* – ошибки конкретных лиц, обусловленные спецификой выполнения профессиональных задач (диспетчеры, операторы, водители, проектировщики, врачи, педагоги и т.д.).

Близкая типология, в основу которой положен **критерий объективности**, подразделяет риски на:

- *субъективные* – риски, обусловленные личностными особенностями субъекта деятельности и поведения (например, недостаточным уровнем образования и/или профессионализма, сформированностью чувства опасности, психологической устойчивостью и готовностью к риску (как способности к принятию верных решений в ситуациях риска и опасности), необоснованными амбициями и пр.);

- *объективные* – риски, связанные с многообразием внешних для субъекта и объекта (ситуации) факторов (например, недостатком информации, стихийными бедствиями, изменениями законодательства или конъюнктуры рынка и пр.) [20].

По параметру **проявления во времени** различают:

- *постоянный риск*, характерный для всего периода осуществления деятельности и связанный с действием постоянных факторов (например, кадровый, педагогический);

- *временный (ситуационный) риск*, который носит перманентный характер, возникающий лишь на отдельных этапах осуществления конкретной деятельности или действия (например, риск банкротства предприятия; риски переходного периода в процессе реформирования системы образования и внедрения инновационной политики и т.п.);

- *периодический риск*, возникающий время от времени (например, при освоении новых образовательных стандартов; при выходе из строя оборудования, компьютерных систем и пр.);

- *единичный риск*, появляющийся при возникновении нестандартной ситуации (например, при апробации педагогических, психологических, медицинских и пр. технологий, авторских программ и/или методов).

По **частоте реализации** рассматривают следующие виды рисков:

- *высокие* – риски, для которых характерна высокая частота возникновения опасности, наступления ущерба (как, например, это произошло при создании коллекторских агентств, приведшем к увеличению риска нанесения материального ущерба и психического, физического вреда жизни и здоровью многих «должников» (заемщиков) и членов их семей; или как при подушевом финансировании детских приютов и семейного устройства сирот, которое привело к экспансии органов опеки в семью (так называемому «разгулу» ювенальной юстиции), напрямую или косвенно заинтересованных в новых клиентах);

- *средние* – риски, характеризующиеся средней частотой возникновения опасности и/или нанесения ущерба.

- *малые* – риски с низкой вероятностью возникновения опасности, наступления ущерба [23].

По **характеру последствий** риски подразделяют на:

- *чистые* (простые, статические), характеризующиеся тем, что они практически всегда несут в себе потери для процесса реализуемой деятельности (причинами этой группы рисков могут являться стихийные бедствия, войны, несчастные случаи, террористические акты, преступные действия, недееспособность (банкротство) организации и др.);

- *спекулятивные*, отличающиеся тем, что могут нести в себе не только потери, но и определенные бонусы (в том числе, дополнительную прибыль) по отношению к ожидаемому результату. Причинами спекулятивных рисков могут быть изменения кадровой политики, конъюнктуры рынка труда, законодательства и т.д. Например, в системе образования в условиях тотального внедрения инновационных технологий в качестве своеобразного «бонуса» многими образовательными учреждениями обозначается «режим инноваций (эксперимента, развития)», что, по сути, является ничем иным, как «щитом» («охранной грамотой», «вывеской»), не позволяющим никому извне оценить реальное содержание деятельности. Подобная манипуляция с использованием средств информационного искажения действительного состояния дел позволяет на какое-то время завуалировать низкий профессиональный уровень или бездействие педагогического коллектива, организационно-управленческую некомпетентность администрации учреждения и т.п., а в целом несет угрозу социально-психологической безопасности педагогического процесса [2; 9; 11; 34].

В последние годы неопределенность психологической ситуации в учреждениях образования возросла, так как они приобрели значительную относительную свободу и самостоятельность в вопросах выбора авторских программ, инновационных педагогических технологий и форм организации процесса обучения. Однако наряду с этим фиксируется ярко выраженная тенденция ухудшения показателей здоровья детей, рост детской преступности, увеличение количества детей с различными проблемами (отклонения в развитии и поведении, учебные трудности, дефекты мотивационной сферы и т.д.), включая школьную и социальную дезадаптированность. Соответственно, оценка риска образовательной среды выступает в настоящее время чрезвычайно актуальной задачей, которая должна решаться в реальном времени и в реальной ситуации.

Применительно к образовательной среде исследователи обозначают следующие типы рисков:

1. *Функциональный риск*, обусловленный качеством образования, депривацией потребностей, определяющих его выбор, неразрешением проблем и непредоставлением выгод. Внутренним фактором функционального риска является мотивация выбора учебной деятельности и конкретного учебного заведения. К числу ценностей (выгод) может относиться как сам процесс образования, так и его результат в виде освоения базовых компетенций, новых знаний, умений и навыков, а также получения документов, их подтверждающих.

2. *Финансовый риск* связан с потерей денежных средств и требует адекватной оценки потребителями собственных финансовых ресурсов. Суть проблемы состоит в том, что без вложения субъектом (потребителем) достаточных временных и психологических ресурсов (мотивации, ответственности, работоспособности, познавательной активности и пр.) любые капиталовложения будут малоэффективны. Кроме того, отсутствие предварительной оценки потенциальным потребителем образовательных услуг существующего и перспективного рынка труда приводит к неоправданным затратам: очевидно, что, например, официанту или мастеру маникюра не понадобятся инженерные или экономические знания, потребовавшие немалых финансовых вложений.

3. *Физический риск* обычно связан с физическим ущербом при потреблении услуги. В отдельных случаях процесс получения образования требует превышающей возможности субъекта психологической и физической нагрузки. Однако, как отмечают отдельные авторы, риск физического вреда не превышает объемов, имеющих во многих других сферах деятельности (предоставляемых услугах) [24; 36].

4. *Психологический риск* связан с неблагоприятным влиянием на психологический комфорт и психологическую безопасность личности (группы как совокупного субъекта), определяется как изменение представления человека о се-

бе в негативную сторону, нанесение ущерба идентичности, самооценности субъекта деятельности и поведения [3; 11; 34].

5. *Социальный риск* заключается в возможности неодобрения сделанного субъектом выбора персонального образовательного маршрута окружающими.

6. *Риск, связанный с потерей времени.* Рентабельность вложения временных ресурсов жизни в образование, в одной стороны, не подлежит сомнению. Вместе с тем, для конкретного потребителя образовательной услуги зачастую требуется осознание того, что время является единственным не восполняемым по своей природе ресурсом [3; 22; 24; 34].

7. *Управленческий риск* связан с управленческой некомпетентностью руководителя (администрации) образовательного учреждения, личностными особенностями и авторитаризмом директора (заведующего), отсутствием команды единомышленников в администрации, неадекватностью и/или несоответствием предъявляемых требований возможностям педагогического коллектива [22; 24; 34].

Несмотря на имеющиеся в современной науке вариативные типологии рисков, исследователи едины во мнении, что количество факторов, оказывающих влияние даже на один риск и вероятность его возникновения, может исчисляться несколькими десятками, а, значит и классификация факторов рисков будет несоизмеримо сложнее, что значимо в целях эффективного анализа конкретных ситуаций.

Так, к смыслообразующим факторам риска, требующим учета в широкой социальной практике и, особенно в работе с детьми и подростками, исследователи относят:

1. *Индивидуально-личностные факторы риска*, в число которых входят: мужской пол; повышенный или пониженный уровень активности; особенности темперамента и характера; сниженные умственные способности; вредные привычки матери во время беременности; преждевременное рождение (недоношенный ребенок); маленький вес ребенка при рождении; проблемы со здоровьем; видимые физические недостатки ребенка; наличие психопатологических нарушений; опасные привязанности; внешний локус-контроль; неэффективные системы защиты; низкий уровень самоуважения [29; 32].

2. *Семейные факторы риска*, к которым, прежде всего, относят: нестабильность структуры семьи; нежелательная беременность и рождение ребенка; психосоциальные проблемы во время беременности; ранний возраст матери при первых родах; добровольный отказ матери от грудного вскармливания (без адекватной компенсации телесного контакта); недостаточные социальные отношения (микросоциальная депривация); плохое обращение с ребенком; большое ко-

личество детей в семье; культурно-гигиенические проблемы; низкий материальный уровень семьи; отсутствие или незавершенность среднего уровня (школьного) образования у родителей; проблемы с правосудием; проблемы с психическим здоровьем родителей; употребление наркотиков, алкоголя и иных психоактивных средств; супружеская жестокость, семейное насилие; проблемы с физическим здоровьем одного из членов семьи; потеря работы; ограниченные познавательные способности матери; родительский стресс; неадекватная воспитательная система; неблагоприятный семейный климат; отсутствие позитивного взаимодействия с ребенком; отсутствие положительных прогнозов на развитие ребенка или завышенные требования к нему и пр. [14; 29; 33].

Доказано, что стресс семейной жизни, испытываемый ребенком, оказывает наиболее заметное влияние на возникновение риска деструктивного поведения. Семья представляет собой первичную, безопасную для самооценки ребенка среду, посредством которой он адаптируется к окружающему миру. Родители – это первые агенты социализации, инициирующие ребенку программу адаптивного поведения, создающие ему условия для выбора наиболее оптимального варианта из множества возможных [10; 14; 17; 32; 33].

3. *Факторы риска окружающей среды, включающие* отсутствие средовой безопасности; ограниченное личное пространство; частую смену места жительства; неблагоприятный район проживания семьи; предельно ограниченные социальные связи родителей и/или ребенка [24; 29; 36].

Основным источником риска в образовательной среде ряд авторов считают авторитарный стиль общения педагога, а к факторам его возникновения относят:

- иерархическую организацию большинства государственных и общественных структур;
- персональный опыт педагога, ситуативный успех при использовании авторитарно-подавляющих технологий в педагогическом процессе;
- попытки педагога компенсировать чувство неполноценности и неуверенности;
- добровольное подчинение некоторых учащихся из страха перед учителем;
- существующие мифы и предрассудки о более высокой успеваемости учащихся у педагогов с авторитарным стилем поведения;
- ожидания и поощрение авторитарного поведения педагога со стороны коллег, школьной администрации, родителей;
- исходное превосходство педагога над учащимся в знаниях, опыте, физической силе [3].

Основными факторами риска в образовательной среде И.А.Баева считает:

1. Условия обучения – все те реальные условия учебного процесса (освещение, размеры учебной мебели, вентиляция учебных помещений, полиграфические параметры учебников и т.д.), которые подлежат санитарно-гигиеническому нормированию.

2. Учебную нагрузку – всю информационную сторону учебного процесса и организацию обучения, включая объем заданий, распределение учебной нагрузки в течение учебного дня, недели, четверти, учебного года и пр.

3. Межличностные отношения – общий стиль взаимоотношений педагога и ребенка, включая оценку результатов его деятельности (игровой, учебной и пр.), а также взаимоотношения в педагогическом коллективе и с родителями. Любые нарушения в системе этих отношений непосредственно отражаются на психическом состоянии детей (воспитанников, учащихся) [22].

К факторам риска для здоровья школьников Л.А. Регуш относит уровень требований конкретных учебных предметов к возможностям ученика, трудности контакта ученика и учителя в учебной деятельности, недоступность текстов учебников для понимания отдельными учащимися, сложность при выполнении домашних заданий. Обучение, ориентированное не на личность, а на знания, полагает исследователь, опасно потому, что дети отвлечены от собственных ощущений и потребностей. Соответственно, груз неудовлетворенных детских потребностей впоследствии порождает серьезные проблемы, сопряженные со страхом, неуверенностью и дискомфортом [24].

Довольно высок фактор риска неадекватного оценивания индивидуально-личностных особенностей и способностей ребенка [8], знаний школьников, особенно в выпускных классах, так как в имплицитном сознании родителей и учащихся получаемые отметки по определенным предметам являются своеобразным мерилем соответствующих способностей ребенка, с опорой на которые выбирается конкретное учебное заведение для получения профессионального образования. Следует отметить, что и отсутствие дифференцированного подхода к учащимся в учебном процессе с учетом их типологических особенностей так же создает реальный риск возникновения антропо- и психогений [28], снижения мотивации и успешности обучения ребенка [16].

Г.С. Абрамова предлагает различать возрастные факторы риска, ведущие к проблемам и в образовательной среде, и в широкой социальной практике. В частности, к факторам риска *в дошкольном возрасте* ею были отнесены следующие особенности личности, поведения и деятельности ребенка:

- выраженная психомоторная расторможенность; трудность выработки тормозных реакций и запретов в соответствии с возрастными требованиями; трудности организации поведения, включая игровые ситуации;

- повышенная утомляемость и снижение познавательной мотивации;
- ранние детские акцентуации; инфантильные истероидные проявления с двигательными разрядами, громким настойчивым плачем и криком (сохраняющиеся после кризиса трех лет);
- склонность ребенка к косметической лжи (приукрашиванию ситуации, в которой он находится), к примитивным вымыслам (*не путать с детским фантазированием!* Ложь может объективно фиксироваться только после 5 лет, но очень осторожно), которые он использует как выход из затруднительного положения или конфликта;
- высокая внушаемость к асоциальным, дезадаптивным формам поведения, имитация девиантных форм поведения, которые демонстрируют некоторые сверстники, старшие дети или взрослые;
- импульсивность поведения, эмоциональная заражаемость, вспыльчивость, которые провоцируют возникновение ссор и драк ребенка даже по незначительному поводу;
- реакции упрямого неподчинения и негативизма (как факторы риска негативизм и упрямство классифицируются только после 3,5 лет, то есть после завершения кризиса раннего возраста, для которого подобные формы поведения – норма развития) с озлобленностью, агрессией в ответ на наказания, замечания, запреты, а также энурез, энкопрез, логоневротические и фобические реакции.

В младшем школьном возрасте факторами риска являются следующие индивидуально-личностные особенности ребенка:

- сочетание низкой познавательной активности и личностной незрелости, противоречащее нарастающим требованиям к социальной роли школьника;
- сохранность моторной расторможенности, сочетающейся с эйфорическим фоном настроения;
- повышенная сенсорная жажда в форме стремления к острым ощущениям и бездумным впечатлениям;
- акцентуация компонентов влечений в форме повышенного интереса к ситуациям, включающим агрессию, жестокость;
- наличие немотивированных колебаний настроения, конфликтности, драчливости в ответ на незначительные требования либо запреты; побеги из дома как протестные формы ответного реагирования на требования окружающих; сопровождение таких аффективных вспышек выраженными вегетососудистыми реакциями, их завершение цереброастеническими явлениями;

- отрицательное отношение к учебным занятиям, эпизодические прогулы отдельных «неинтересных» уроков; суицидальный шантаж при угрозе наказания как отражение защитных реакций отказа;

- реакции протеста, связанные с отношениями в микросоциуме и нежеланием заниматься в школе, отказ от самостоятельных занятий; намеренное невыполнение или игнорирование домашних заданий «назло» взрослым; гиперкомпенсаторные реакции со стремлением обратить на себя внимание отрицательными формами поведения: грубость, злобные шалости, невыполнение требований учителя, школьный вандализм;

- выявление к концу обучения в начальной школе стойких пробелов по основным разделам программы; невозможность усвоения дальнейших разделов программы за счет слабых интеллектуальных предпосылок и отсутствия интереса к учебе;

- нарастающее тяготение к асоциальным формам поведения под влиянием более старших детей и взрослых;

- дефекты воспитания в виде бесконтрольности, безнадзорности, грубой авторитарности, асоциального поведения членов семьи [1].

К основному риску во взаимодействии участников образовательного пространства исследователи относят получение психической травмы, в результате которой наносится ущерб позитивному развитию и психическому здоровью субъекта (ребенка, педагога) [15; 16; 28]. Основным источником психотравмы выступает психологическое насилие в процессе взаимодействия, реализуемое формах моббинга, буллинга, сталкинга, боссинга [13; 22; 25].

В последние годы все чаще отмечается, что в современных условиях неадекватной оплаты труда педагогических работников растет соблазн материального стимулирования, а, соответственно, возникновение специфического риска зависимости руководителей образовательных учреждений от родителей учащихся и, следовательно, от самих обучаемых. Такие ситуации приводят к «двойным стандартам»: с одной стороны, декларируется необходимость соблюдения культурно-образовательных ценностей и моральных норм, тогда как, с другой, – они нарушаются. Все чаще отмечается, что коррупция в сфере образования стала системным явлением, вследствие чего происходит деформация ценностей, в частности, оценки учащимся ставятся исходя из материального состояния их родителей, а не за реальную успешность ребенка [21; 25].

Психологический риск, по мнению ряда исследователей, может быть обусловлен и использованием потенциально опасных психолого-педагогических технологий, включая широко тиражируемые в современной образовательной практике [2; 9; 11; 22; 26; 27; 34].

Считается, что для снижения влияния факторов риска необходимы их своевременное прогнозирование, адекватная оценка и квалифицированное управление. Предполагается, что профессионально-этический кодекс сосредотачивается на оценке определенных рисков с целью его уменьшения профессионалом. Однако нестабильность общества постмодерна в последние годы приобретает настолько угрожающие масштабы в связи с интенсификацией социальных процессов (финансовый кризис, миграционные процессы, увеличение очагов локальных войн, террористических актов, кибератак и др.), что восстановление разрушенных структур просто подвергается сомнению.

В целом, краткий абрис типологии рисков и факторов их возникновения показал, что ключевой характеристикой современного этапа общественного развития выступает встроенность рисков в кризисные тенденции и их наложение друг на друга. Когда же общество риска, развиваясь, начинает переживать кризис, то риски от этого не только не исчезают, но становятся все менее управляемыми.

Список литературы

1. *Абрамова Г.С.* Ведение в практическую психологию. Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 237 с.
2. *Ахметова Л.В., Чупров Л.Ф.* Оценка информационно-профессиональных рисков в современном образовании (на примере необходимости психологической экспертизы образовательных электронных материалов) // Инновации в медицине, психологии и педагогике: Материалы VII Международной научно-практической конференции (Вьетнам, Муй Нэ, 27 апреля – 7 мая 2016 г.) / Под науч. ред. М.Г.Чухровой, О.А.Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во ООО «Немо Пресс», 2016. С. 269-273.
3. Безопасность образовательной среды: психологическая оценка и сопровождение: Сборник научных статей / Под ред. И.А. Боевой, О.В. Вихристюк, Л.А. Гаязовой. М.: МГППУ, 2013. 304 с.
4. *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
5. *Белобрыкина О.А.* Итоги и проблемы инновационной деятельности дошкольных образовательных учреждений // Концепция философии образования и современная антропология: Материалы Международного семинара. Новосибирск: ГЦРО, 2001. С. 273-277.
6. *Белобрыкина О.А.* Предшкольное образование: quo vadis (камо грядеши)? // Проблемы современной школы и пути их решения: материалы Всероссийской (с международным участием) конференции / Науч. ред. С.И.Ануфриев, Л.В. Ахметова. Томск: ТЦНТИ, 2007. С. 43-55
7. *Белобрыкина О.А.* Социально-психологическая сущность и смысл предшкольного образования: размышления и прогнозы // XI Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование». В 6 т.: Т. 3. Ч. 4. Томск: Изд-во ТГПУ, 2007. С. 39-51.

8. *Белобрыкина О.А., Валитова И.Е.* Специфика оценки значимыми взрослыми уровня развития детей старшего дошкольного возраста (на материале выборки белорусских и российских испытуемых) [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 706-710. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96053.htm> (дата обращения: 16.07.2017).
9. *Белобрыкина О.А.* Содержательный анализ инструментов социализации, тиражируемых педагогической практикой // Актуальные проблемы социальной психологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Новосибирск, 26 апреля 2017 г.) / под науч. ред. О. А. Белобрыкиной, М. И. Кошеновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. С. 161-170
10. *Валитова И.Е.* Особенности оценки родителями и педагогами уровня развития детей дошкольного возраста [Электронный ресурс] // Наука. Мысль. 2016. № 1-2. С. 22-30. URL: www.esrae.ru/29-265 (дата обращения: 16.07.2017).
11. *Гарифуллин Р.Р.* Психология блефа, манипуляций, иллюзий: монография. М.: АСТ-Сталкер, 2007. 224 с.
12. *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
13. *Иванько Ю.Ю., Белобрыкина О.А.* Психологический моббинг в образовательном учреждении: причины и следствие // Проблемы развития: наследственность и среда: материалы X Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Актуальные проблемы специальной психологии в образовании». Новосибирск: «НГУЭУ – «НИНХ», 2011. С. 87-96.
14. *Ковалева Ю.В.* «Совместная регуляция поведения семьи»: критический анализ разработки конструкта и перспективы исследований семьи как целостной общности // Инновации в медицине, психологии и педагогике: Материалы VII Международной научно-практической конференции (Вьетнам, Муй Нэ, 27 апреля – 7 мая 2016 г.) / Под науч. ред. М.Г. Чухровой, О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во ООО «Немо Пресс», 2016. С. 101-105.
15. *Кошенова М.И.* О проблеме профилактики социально-психологической дезадаптации современных старшеклассников // Психолого-педагогические проблемы в целостном образовательном процессе: сборник научных статей / под ред. Л. Н. Антиловой, М. А. Ларионовой. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2011. Вып. 3. С. 148-154.
16. *Кошенова М.И.* Психологическое здоровье школьников в контексте инновационных процессов в образовании // Двигательная активность подрастающего поколения; адаптивная физическая культура (опыт, проблемы, перспективы): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (11-12 ноября 2009 г.). Новосибирск: Изд-во НИПКиПРО, 2009. – С.66-69.
17. *Кошенова М.И.* К вопросу о формировании лидерских качеств личности в контексте практик родительского воспитания // Парадигма. 2016. № 2. С. 657-667
18. *Кошенова М.И.* Конформизм управленцев организаций разного типа [Электронный ресурс] // Наука. Мысль. 2016. № 6-2. С. 88-97. URL: <http://www.esrae.ru/38-419> (дата обращения: 16.07.2017).
19. *Лидин К.Л.* Поколение сетян // Проект Байкал. 2010. № 25. С. 18-23.

20. *Лидин К.Л.* Вопросы обеспечения безопасности интеллектуальной собственности и интеллектуального капитала // Безопасность регионов – основа устойчивого развития. 2014. Т. 1-2. С. 576-578.
21. *Логунова О.А., Логунова Е.Г.* Проблема коррупции в сфере образования: опыт социологического анализа // Дискуссия: Политематический журнал научных публикаций. 2016. № 5 (68). С. 69-74
22. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении /Под ред. И. А. Баевой. СПб.: Речь, 2006. 288 с.
23. Общая теория рисков: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений /Я.Д. Вишняков, Н.Н. Радаев. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 368 с.
24. Психологическая безопасность, устойчивость, психотравма: Сборник научных статей по материалам Первого Международного форума (Санкт-Петербург, 5-7 июня 2006 г.) / Под общ. ред. И. А. Баевой, Ш. Ионеску, Л. А. Регуш / Пер. Н. Л. Регуш, С. А. Чернышевой. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2006. 302 с.
25. *Римский В.Л.* Коррупция в системе образования России (11.09.14) [Электронный ресурс]. URL: https://imrussia.org/media/pdf/Rsearch/Vladimir_Rimsky__Corruption_of_the_Russian_Education_System.pdf (дата обращения: 21.07.2017).
26. PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 2. 408 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://pem.esrae.ru/12> (дата обращения: 12.07.2017).
27. PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 3. 303 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://pem.esrae.ru/13> (дата обращения: 12.07.2017).
28. *Слободчиков В.И., Шувалов А.В.* Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей //Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 91-105.
29. Травматизм, психологическая безопасность, сопротивляемость и культура: Материалы Международной конференции: В 2 ч. / Под ред. В. В. Латюшина; пер.: Т. А. Обухова, О. В. Юнгерова. Челябинск: Изд-во ЧПГУ, 2007.
30. *Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для себя. Минск: Попурри, 2000. 672 с.
31. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т.2: Панцирь-ящур. М.: Русский язык, 1994. 560 с.
32. *Чухрова М.Г., Белобрыкина О.А.* Возможности метода анкетирования родителей в выявлении предрасположенности ребенка к психосоматическим нарушениям эмоционально-коммуникативного генеза // Психолог в детском саду. 2015. № 1. С. 19-39
33. *Шнейдер Л.Б.* Семья: оглядываясь вперед. СПб, Питер, 2013. 368 с.
34. *Шнейдер Л.Б.* Образовательные инновации: позитивное и негативное // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2014. № 2. С. 6-19.
35. *Эльконин Д.Б.* Размышление над проектом // Коммунист. 1984. № 3. С. 58-66.
36. *Ionescu S., Jourdan-Ionescu C.* Psychopathologies et société. Traumatismes, événements et situations de vie. Paris : Vuibert, 2006. 243 p.
37. *Peter L.J, Hull R.* The Peter Principle: Why Things Always Go Wrong. New York: William Morrow and Company. 1969. 179 p.

1.3. МИРОСИСТЕМНЫЕ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕКА

Рассматривая вопрос специфики процессов виктимизации современных сообществ, необходимо уточнить определение и типологию самих обществ в современной науке. Несомненно, общества различаются по многим признакам, тем не менее, в философии, начиная с Платона и Аристотеля, и на всем протяжении истории социальной науки (О. Конт, К. Маркс, Н. Я. Данилевский и др.) было построено множество типологий обществ. Из существующего многообразия типологий обществ необходимо выбрать ту, которая обладает наиболее значительным познавательным потенциалом при объяснении закономерностей развития человеческого общества и может стать основанием для исследования процессов их виктимизации. Осуществим сравнительный анализ некоторых наиболее широко используемых в российской науке типологий обществ.

В отечественной науке значительным авторитетом пользуется традиция исторического материализма, предполагающая выделение социально-экономических формаций в развитии человеческого общества. В период, предшествовавший распаду СССР, в отечественной науке широко использовалось противопоставление капиталистического типа общества социалистическому, также выделялись страны «третьего мира», которые «выбирали» путь развития, часто совершая скачок в своем развитии, минуя последующую стадию формационного развития, в результате «помощи» извне. Сегодня данная типология не может быть применена для анализа состояний современных обществ. Однако необходимо отметить, что данная типология отражала реальное положение дел в международной системе, описывала противостояние государств и обществ, предлагающих разные типы мироустройства, разные ценности, а, следовательно, и разное содержание побуждающих виктимное поведение причин.

Начиная с 1990-х годов широкое признание в отечественном научном сообществе получила цивилизационная парадигма (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби), появившаяся как антитеза исторического материализма. Основной особенностью и преимуществом данного направления является то, что развитие человеческого общества здесь представлено через развитие совокупности уникальных, а, следовательно, равноценных мировых культур. Типологии цивилизаций в данном направлении строятся на основе содержания базовых ценностей, формирующих смыслы и облик культур, мышление и деятельность их носителей. Использование ценностей в качестве основы типологии культуры делает привлекательным цивилизационный подход для задач ис-

следования процессов виктимизации обществ, поскольку именно базовые ценности определяют содержание и смысл того, во имя чего общество и составляющие его люди готовы жертвовать. Помимо этого, акцент на культурные различия обществ позволил бы увидеть особенности процессов их виктимизации. Однако у цивилизационного подхода существует ряд недостатков, сокращающих его познавательный потенциал. Во-первых, довольно часто культурные ценности, служащие основой типологии обществ, задаются как неизменные характеристики, данные обществу изначально. Этот недостаток присутствует в концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского [6], а также в цивилизационных концепциях О. Шпенглера [15] и А. Тойнби [12]. Иными словами, присущее основоположникам цивилизационного подхода идеалистическое представление о развитии человеческого общества предполагает главенство неизменной, первичной идеи (оснований культурно-исторического типа, души культуры, прафеноменов) в развитии общества. Отсутствие динамики ценностей как методологический недостаток цивилизационного подхода, несомненно, затруднил бы исследование процесса виктимизации общества, поскольку тезис о неизменных базовых ценностях может в результате дать только модель виктимности общества, лишенную всякой динамики. Во-вторых, сосредоточенность цивилизационного подхода на культурных различиях обществ снижает его методологические возможности при объяснении взаимосвязей современных обществ. Эвристический потенциал цивилизационного подхода здесь оказывается недостаточным для объяснения случаев виктимности, проявляющихся при конкуренции различных человеческих сообществ.

Наряду с цивилизационным подходом широкое распространение получили концепции, описывающие реалии постиндустриального общества, это концепции Д. Белла [3], А. Турена [14], Э. Тоффлера [13]. Данные концепции, в сравнении с концепциями цивилизационного подхода, имеют сильные экономические основания, что, можно предположить, способствовало их широкому признанию в отечественном научном сообществе в условиях кризиса многих теоретических построений, разработанных советской наукой. Так, например, концепция Д. Белла [3] предполагает существование трех типов обществ: традиционного, индустриального и постиндустриального. Данная модель содержит линейную логику развития человеческих обществ, которые различаются по уровню сложности системы разделения труда и темпам развития инноваций. При всех положительных моментах данная концепция не предоставляет достаточных оснований для исследования процесса виктимизации обществ, поскольку в её теоретической модели слабо представлены связи и взаимообусловленность процессов

развития обществ разных типов. Так, например, под традиционным обществом Д. Белл понимает аграрное общество. Однако данная теория не обращает внимание, что аграрный тип общества мог быть закреплён в результате экономических взаимосвязей данного общества с индустриальным. Торговля хлебом для Польши (XVII в.) и России (XVIII в.) с интенсивно развивающейся Европой привела не к развитию сельского хозяйства, а к усилению крепостного гнета. В российской истории это привело к нехватке свободной рабочей силы в период создания мануфактур (приписные крестьяне). С другой стороны, развивающаяся автономно от Европы Япония уже в конце XIX в. показывала высокие темпы развития и, как известно, оказалась победительницей в войне с Россией в начале XX века. Казалось бы, приведенные примеры отсутствия взаимосвязей в развитии стран мира в теории постиндустриального общества не имеют особого значения для исследования процессов виктимности, однако это не так. Выбор путей развития общества часто связан с решениями, которые приводят к мощным социальным трансформациям, влекущим за собой человеческие жертвы или ухудшение условий существования больших групп населения.

Модели и типологии обществ разнообразны, и в этой связи закономерен вопрос о том, какие требования к модели и типологии обществ можно назвать, исходя из самого предмета виктимологии – жертвенности. Жертвенность как социальное явление обнаруживается в противоречии выбора высокой цели развития и ценой ее достижения, заложенной в акте насилия. Явление виктимного поведения свойственно также процессам соперничества, протекающим внутри отдельного общества. Соперничество за власть (примерами могут служить классовая борьба, противостояние династических групп и религиозных сообществ) и привилегии, как правило, сопровождается появлением жертв. Следовательно, необходима модель развития социума, включающая в себя механизм вызревания в самом обществе противоречий, ведущих к массовым явлениям виктимного поведения.

Найти уже готовую модель развития социума, которая могла бы обеспечить все необходимые теоретические основания для исследования проблем социальной виктимности затруднительно, однако получить требуемые основания можно через синтез нескольких социальных теорий. Соперничество обществ в производстве и распределении капитала исследует миросистемный подход, на его же основаниях можно рассматривать проблемы виктимности, возникающие внутри обществ на почве столкновения классовых интересов. Соперничество за пространство является предметом геополитической науки, которая, помимо прочего, исследует проблемы мобилизации людских ресурсов в целях ведения

войн, расширения территории влияния и ее преобразования. Следует отметить, что существуют попытки синтеза этих двух направлений социальной науки. Так, А. А. Изгарская проводит синтез наиболее конструктивных положений миросистемного подхода (И. Валлерстайна, Дж. Арриги, А. Г. Франка, Дж. Модельски, Ч. Данна), теории геополитической динамики Р. Коллинза и теории социальных революций Т. Скочпол [8]. Она исследует неравенства и различия в развитии обществ как результат различий миросистемных и геополитических характеристик пространств, в которые данные общества включены. Описывая различные типы пространств социальных отношений, автор базируется на характеристиках территории (малая/большая, окраинность/центральность) и базовых понятиях миросистемного подхода: «ядро», «полупериферия», «периферия». В результате автор выделяет двенадцать идеальных типов пространств социальных отношений, которые наделяются разными возможностями и ограничениями, специфическими характеристиками внутренних и внешних отношений. Построенная А. Изгарской типология пространств социальных отношений может быть использована в качестве теоретической основы для исследования явлений социальной виктимности.

Рассмотрим подробнее концепции миросистемного подхода и теории геополитической динамики Р. Коллинза, исходя из задач исследования проблем виктимности [9]. Теоретические основания работ автора содержатся в неовеберовской парадигме. Известно, что М. Вебер определял государство как систему легитимного насилия на определенной территории [5]. Следует отметить, что онтология государства, допускающая в качестве основы идею насилия, причем более широкую, чем это предполагает марксистская идея классового насилия, делает саму теорию М. Вебера и теорию геополитической динамики Р. Коллинза операциональной для исследования проблем виктимности.

Основное содержание теории Р. Коллинза состоит из пяти гипотез, имеющих форму «если-то» утверждений:

1. Преимущество в размере государства и ресурсах способствуют территориальной экспансии.
2. Окраинное географическое положение благоприятствует территориальному расширению.
3. Государства, расположенные в середине географического региона, имеют тенденцию к распаду.

Результаты первых трех принципов накапливаются и взаимно усиливают друг друга; большое государство становится еще больше и сильнее, маленькое – меньше и слабее.

4. Чрезмерное расширение государства приводит к истощению ресурсов и дезинтеграции.

5. Кумулятивные процессы приводят к периодическим долговременным упрощениям ситуации, сопровождаемым ожесточенными войнами между несколькими государствами [9].

Первый, второй и третий принципы теории геополитической динамики Р. Коллинза достаточно четко указывают, что государства, имеющие преимущество в территории и ресурсах, а также обладающие окраинным положением, будут вести агрессивную политику и расширять свою территорию за счет менее богатых обществ, имеющих меньшую территорию, и чьей геостратегической характеристикой является «центральность». Последний тип обществ описывает общества, которые чаще всего оказываются жертвами в международной политике. Для социальной психологии здесь интерес вызывает виктимность общественного сознания людей, чье общество и государство испытывало длительное доминирующее влияние со стороны расширяющих свою территорию государств-конкурентов. Интересным может стать сравнительное исследование виктимности общественного сознания данного типа обществ и обществ, расширяющих свое влияние с последующим столкновением за глобальное лидерство, обозначенном в пятом принципе теории геополитической динамики Р. Коллинза. Способность обществ идти на массовые жертвы или заключать договор с агрессором может стать предметом исследования социальной психологии.

Если геополитическая теория исследует процесс конкуренции обществ, то миросистемная теория успешно изучает процесс конкуренции за капитал, который может быть направлен на цели расширения территории влияния, то есть может стать геополитическим ресурсом. Сама геополитическая теория не исследует проблему источников ресурсов, но идеи И.Валлерстайна [4; 17], Дж. Арриги [2], А.Г. Франка [16] успешно восполняют данный пробел и позволяют рассматривать различия в процессе производства и распределения мирового капитала в обществах разных уровней иерархии миросистемы.

Явления, которые можно характеризовать как виктимные, здесь связаны, во-первых, с концентрацией капитала в одних обществах и обнищанием других, что, как утверждают теоретики миросистемного подхода, является результатом действия международных механизмов распределения прибавочной стоимости. Выбор стратегии развития общества в отношении установления сетей неравного обмена с ядром или их разрыва. Последний, по мнению Дж. Арриги и А.А. Изгарской, доступен для территориально обширных полупериферий, ка-

кой является и Россия, а также содержит момент проявления виктимного сознания. Если правительство принимает решение принятия стратегии, ведущей к формированию сетей неравного обмена с ядром, то это значит, что общество будет жертвовать или высоко развитым многоотраслевым производством, превращая его и поддерживающие его функционирование структуры (образование, науку, медицинское обслуживание) в условиях узкоспециализированной экономики в нерентабельные (как это произошло в России). Или оно будет жертвовать людским ресурсом, превращая его в дешевую рабочую силу, производящую товары потребления для обществ с более высокой стоимостью труда (как это произошло в современном Китае).

Стратегия разрыва сетей неравного обмена с ядром означает для общества потерю выхода на самые богатые рынки и доступа к самым современным технологиям. Казалось бы, здесь нет процесса виктимизации общественного сознания, так как внешние экономические связи могут быть заменены внутренними, стратегия дает стимул развитию внутренних производств, усложнению системы общественного разделения труда и структуры общества в целом. Однако сам переход к стратегии разрыва с ядром происходит через насилие, во-первых, над национальной и транснациональной экономическими элитами, сформировавшимися на основе сетей неравного обмена, во-вторых, над государственной системой, которую данные элиты формируют, и, в-третьих, над структурами, которые идеологически обосновывают власть господствующего класса. Иными словами, речь идет о социальных революциях и сопровождающих их гражданских войнах, что, несомненно, открывает большое поле для виктимологического исследования. Помимо этого, отсутствие доступа к богатым рынкам и новейшим технологиям заставляют правительства форсированными темпами развивать внутреннюю экономику и собственные технологии, что в условиях нехватки ресурсов включает не только механизмы формирования массового энтузиазма, но и механизмы внеэкономического принуждения, что с необходимостью ведет к возникновению виктимности.

Для исследования процессов виктимизации общества требуется еще один теоретический концепт, который имеется в миросистемном подходе и геополитической теории, но в рамках данных направлений он не является центральным. Речь идет о солидарности. Массовые жертвы, на которые может пойти общество или большая группа людей, оправдывая стоимость и высоту своих целей, невозможны без чувства солидарности. В миросистемном подходе, марксистском по своим философским основаниям, солидарность имеет в большей мере классовую характеристику. Идеи жертв классовых противостояний, социаль-

ных революций и гражданских войн присутствует достаточно отчетливо не только в работах основоположников марксизма и их последователей, они проявляются, и даже гораздо ярче, в речах оппозиционных политических лидеров, в оппозиционной политической прессе и в художественной литературе. В теории геополитической динамики Р. Коллинза солидарность обнаруживается в форме растущего доверия населения правительству, которое выигрывает войны и добивается международного успеха. В ситуации геополитического успеха правительства достигают высшего уровня легитимности, когда большая часть населения одобряет политику государства, не принимая во внимание наличие жертв и рост внутренних противоречий экономического и социального характера, вызванных затратами в военной сфере [10]. Весьма информативные результаты может дать попытка синтеза идей классовой и геополитической солидарности на основе работ Э. Дюркгейма, который в основу своей типологии социальных обществ положил принцип усложнения социальной солидарности [7].

Как отмечалось выше, для исследования проблем виктимности большое значение имеет анализ ценностных оснований культуры. Установив ценности как базовые культурно-психологические императивы поведения представителей того или иного общества, можно получить инструментарий для объяснения как уже принесенных обществом жертв, так и предсказания возможных, на которое согласится или не согласится общество в будущем. Для анализа ценностных оснований культуры можно использовать широко представленное в современной науке деление обществ на демократические и тоталитарные. Необходимо отметить, что такая типология обществ содержит довольно сильный идеологический контекст, обуславливающий идеализацию одних обществ и демонизацию других. Следовательно, выделение соответствующих им ценностных оснований может вести научную теорию к состоянию политической ангажированности, что не позволит на её основе получить достоверные факты. Для анализа процессов виктимизации общественного сознания необходима теория, которая была бы более нейтральна в отношении политико-идеологической оценки современных государств и подконтрольных им обществ. Таковой может быть культурологическая концепция П.А. Сорокина [11].

Типология культур, предложенная П.А. Сорокиным, строится на основании больших посылок, которые описывают: природу реальности (сверхчувственная или воспринимаемая органами чувств); природу целей и потребностей, которые должны быть удовлетворены (духовные, чувственные или плотские, смешанные); степень, в которой эти цели и потребности удовлетворяются (максимальная или минимальная); способ удовлетворения потребностей (изме-

нение окружающей среды, изменение себя, частичное изменение среды и самого себя). В результате ученым дифференцировано три типа культуры: идеациональная, чувственная и смешанная. Два первых типа являются теоретическими обобщениями, которые, как отмечает исследователь, «никогда не существовали в чистом виде» [11, с. 45]. Важным методологическим положением для исследования процессов виктимизации является также утверждение классика социологии о том, что разработанные им культурные «типы и их характеристики не одинаково распределяются среди индивидов, групп и культур» [11, с. 51]. Иными словами, данная типология применима для обобщений на всех социальных уровнях – от микро- до макроуровня.

Важно отметить, что операциональность типологии культур П.А.Сорокина для исследования процессов виктимизации общественного сознания обусловлена таким немаловажным моментом, как выделение в каждом типе культуры различных уровней активности её внешнего проявления субъектом или группой.

Рассмотрим типологию культур П.А.Сорокина детальнее и попытаемся установить взаимосвязи с *моделью типов виктимного поведения*. В идеациональном типе культуры, когда под реальностью понимается нематериальное, непреходящее Бытие и господствующими являются духовные ценности, а также потребности, достижение которых требует от субъекта минимизации большинства физических потребностей (вплоть до отказа от них), П.А. Сорокин выделяет два подвида:

- *аскетический-идеациональный*, здесь по отношению к окружающему миру субъект пассивен, человек или общество спасает только себя;
- *активный-идеациональный*, предполагающий активную позицию человека, который должен спасти не только себя или свою душу, но и души и жизнь других людей.

В противоположном идеациональному, в чувственном типе культуры под реальностью понимается только то, что воспринимается органами чувств, потребности, которые человек стремится максимально удовлетворить путем преобразования и эксплуатации внешнего мира, в основном физические. Здесь П.А. Сорокин выделяет три подвида: активная, пассивная и циничная ментальности. Исследователь поясняет, что активно-чувственная и пассивно-чувственная ментальности гораздо чаще встречается среди богатых и привилегированных классов, чем среди бедных. В период процветания и подъёма доминирует активно-чувственная, а в период упадка - пассивно-чувственная. Циничная ментальность предполагает «своеобразную технику попеременного надевания тех идеациональных масок, которые сулят принести материальную выгоду» [11, с. 50].

Все культуры смешенного типа являются, как отмечал П.А. Сорокин, «эkleктичными, внутренне противоречивыми и логически слабо интегрированными» [11, с. 50]. Классик социологии указывает на существование двух подвидов данной культурной ментальности: идеалистической и псевдоидеалистической, различающихся по уровню активности. В идеалистической культурной ментальности преобладают идеациональные элементы, материальное подчинено духовному, но потребности удовлетворяются несвойственным для идеациональной культуры способом. Для способа удовлетворения потребностей здесь характерно и самосовершенствование, и преобразование окружающего мира, т.е., способ, присущий чувственной культурной ментальности. При псевдоидеалистической ментальности, напротив, превалируют потребности физические, которые удовлетворяются умеренно в силу ограниченности возможностей субъекта, например, в материальном плане. Человек, группа или общество обречены на «пассивное перенесение лишений и ударов, идущих из вне, до тех пор, пока хватает физических сил» [11, с. 50]. В случае получения свободы носитель этого типа легко может увязнуть в пассивной чувственной или даже в циничной ментальностях.

Рассматривая активно-пассивные ментальности культур по П.А.Сорокину, охарактеризуем присущие каждому типу основные установки (таблица 1).

Таблица 1. Установки активно-пассивной ментальности культур

	Идеациональный	Смешанный	Чувственный
Активный (стараюсь для всех)	Счастье нематериально. Спасти души всех во имя высокой божественной идеи. Субъект идет в мир.	Счастье нематериально. Но идет преобразование материального мира вплоть до достижения им совершенства. Задача заключается в том, чтобы счастливы были все в этом мире.	Счастье материально. Надо сделать всех счастливыми. Дать возможность удовлетворить всем свои физические потребности.
Пассивный (стараюсь для себя)	Счастье нематериально. Задача спасти свою душу. Остальные не интересуют. Субъект в одиночестве или в коллективе идет в скит, в пустыню и т.д.	Счастье материально. Материальные потребности выступают основной ценностью, которые в силу судеб человек не имеет возможности удовлетворить, поэтому становится аскетом, выносит удары судьбы и гордится своей стойкостью. Менять что-либо не имеет смысла.	Счастье материально. Но на всех благ не хватит. Основной тезис «на мой век благ достаточно, а после меня хоть потоп».

Соединение модели типов ментальности культур П.А.Сорокина и модели типов виктимного поведения позволяет сконструировать типологию виктимного поведения, возможную в обществах с разной ментальностью, и описать характерные для каждого общества мотивационно-установочные характеристики виктимного поведения.

Для построения типологии виктимного поведения мы опирались на осевые линии распределения таких параметров, как агрессивный/мирный и активный/пассивный [1], применение которых допустимо и при описании специфики виктимного поведения в обществах с разной культурной ментальностью (таблица 2).

Представим развернутую характеристику отдельных из обозначенных типов виктимного поведения.

Так, например, достаточно часто в современном обществе представлен тип виктимного поведения, который в таблице обозначен как «*Идеациональный, Агрессивный, Активный*». Такой тип поведения является одним из подтипов агрессивного виктимного поведения. Специфика данного подтипа заключается в фиксации на какой-либо идее, ради достижения которой человек активно преобразует реальность, достаточно агрессивно реагируя на любое несовпадение или препятствия в достижении цели. Основные потребности такой личности направлены на духовное становление, однако реализация потребности, в зависимости от степени сосредоточения на внешнем или внутреннем пути, может быть различна. Экстравертированный способ сосредоточения задает активную агрессивную позицию преобразования, ради достижения всеобщего блага в контексте которого цель оправдывает любые средства. Примером такого типа виктимного поведения могут выступать крестовые походы, сущностью которых было массовое насильственное приобщение к христианству народных масс.

Крайне активно представлен тип виктимного поведения, обозначенный нами как «*Идеациональный, Агрессивный, Пассивный*». Данный тип виктимного поведения опирается на духовные идеи и потребности. Субъект с таким поведением рассматривает себя как некое духовное существо, включённое в содержание реальности как некое отражение внутреннего «Я» личности. Он стремится к пониманию и развитию духовных знаний и не материальных явлений, через которые может прийти к изменению внутренней жизни.

Таблица 2. Типология и мотивационно-установочные характеристики виктимного поведения в обществах с разной культурной ментальностью

Характеристики виктимного поведения		Типы ментальности культур по П.А. Сорокину		
		Идеациональный	Смешанный	Чувственный
Агрессивный	Активный	<i>Идеациональный</i> <i>Агрессивный</i> <i>Активный</i>	<i>Смешанный</i> <i>Агрессивный</i> <i>Активный</i>	<i>Чувственный</i> <i>Агрессивный</i> <i>Активный</i>
		Готовность жертвовать всеми ради дальнейшего благополучия. Крестовые походы, за веру.	Коммунистическая идеология. Идея преобразования себя и мира для будущего всеобщего блага. Например, И.Сталин.	Реформатор, который исходит из реальности, но никого не пощадит, если кто-то мешает получению задуманного блага. Например, М.Тэтчер.
	Пассивный	<i>Идеациональный</i> <i>Агрессивный</i> <i>Пассивный</i>	<i>Смешанный</i> <i>Агрессивный</i> <i>Пассивный</i>	<i>Чувственный</i> <i>Агрессивный</i> <i>Пассивный</i>
		Способность к самоповреждению, самоистязанию и аутодеструкции ради идеи. Например, старообрядцы, аскеты, отшельники.	Устойчивая жертвенная позиция. Ощущение, что судьба не справедлива. Выстраивание защитных установок типа «мы бедные, зато честные».	Забота только о своем благополучии. Гедонистическая позиция с эгоцентричностью и стремлением ситуативно получить дополнительные блага.
Мирный	Активный	<i>Идеациональный</i> <i>Мирный</i> <i>Активный</i>	<i>Смешанный</i> <i>Мирный</i> <i>Активный</i>	<i>Чувственный</i> <i>Мирный</i> <i>Активный</i>
		Идея спасения других через собственную жертву. Например, Христос, миссионерство.	Просвещение и пропаганда ради достижения материального блага здесь и сейчас. Например, организация «Красный крест».	Идея преобразования материального мира для всех. Например, переговоры.
	Пассивный	<i>Идеациональный</i> <i>Мирный</i> <i>Пассивный</i>	<i>Смешанный</i> <i>Мирный</i> <i>Пассивный</i>	<i>Чувственный</i> <i>Мирный</i> <i>Пассивный</i>
		Не предотвращает опасности в ситуации социальной и культурной агрессии.	Психология раба. Любит материальное, но ничего не делает для его достижения.	Гедонизм с рабской психологией. Использование доступных средств подражания в пороке, при нежелании достигать высокого.

Субъект с обозначенным типом поведения полностью концентрируется на собственной «миссии» как способе изменения всей совокупной реальности. Ориентирован на императивные и неизменные высшие ценности, являющиеся религиозными и лишенными чувственной основы. Как позитивные явления жизни субъект рассматривает: духовное совершенствование и получение внутренней аскезы. Всё остальное осуждается как негативное или неважное. Основным принципом жизни – принцип жертвенности ради достижения абсолютного трансцендентного сущностного познания и достижения. Им активно стимулируется способность к самоповреждению, самоистязанию и аутодеструкции ради идеи. Этот тип виктимного поведения демонстрируют старообрядцы, аскеты, отшельники.

«Смешанный, Агрессивный, Пассивный» тип виктимного поведения связан с чувственной ориентацией на материальный мир и материальные потребности, удовлетворение которых по какой-либо причине невозможно в тех реалиях, в которых человек существует. Невозможность удовлетворения чувственных, но зачастую плохо осмысленных, потребностей компенсируется через привлечение не интегрированных духовных постулатов, на самом деле человеком не принимаемых. Окружающая среда в этой ситуации вытерпливается человеком. При этом отсутствует способность или потребность в организации контроля собственной жизни. Возникает терпимость насилия, производимого с внешней стороны, что сопутствует вынужденной интровертированно-экстровеитированной активности фаталистического толка. Субъекты, характеризующиеся таким типом виктимного поведения, обычно имеют недифференцированное «Я», низкую степень осознанности и диффузную идентичность, в совокупности приводящих к невозможности развития и интеграции. Моральная система плохо дифференцирована и представляет собой, по сути, слепое подчинение судьбе. Такие люди обычно ожидают более лёгких времён и тяжело, но пассивно, переживают удары судьбы, вынашивая идею о несправедливости мира. Они обладают устойчивой жертвенной позицией, ощущением несправедливости судьбы. Для них характерно выстраивание защитных установок типа «мы бедные, зато честные».

Много внимания в литературе и искусстве уделяется такому типу виктимного поведения, как «Идеациональный, Мирный, Активный», основанному на убеждении о первичности нематериального мира и достижении трансценденции через возможные изменения его материальной составляющей, касающейся собственной жизни. Субъекты, характеризующиеся данным типом виктимного поведения, активно реализуют контроль за собственной жизнью, также как

и контроль за окружающей реальностью. Структура «Я» – интегрированная, однако основу её составляет духовное содержание с отвержением чувственной составляющей «Я». Ценностями в данном случае выступают духовные явления и процессы, не связанные с чувственным планом бытия. Достаточно часто отказ от чувственных потребностей выступает для человека способом достижения высокой интегрированности и просветления. Степень его удовлетворённости жизненными процессами связана с наличием духовной идеи и возможности следовать её реализации. Для этого типа виктимного поведения характерна идея спасения других через собственную жертву (например, Христос или миссионерство).

Тип, названный нами «*Чувственный, Мирный, Активный*», характеризуется активным восприятием, направленным на постижение чувственных удовольствий и контроля над внешним миром. Основу этого типа виктимного поведения составляет чувственное восприятие субъектом реальности во всём её многообразии. Человек, обладающий данным типом виктимного поведения, стремится к удовлетворению своих потребностей через изменение окружающей среды таким образом, чтобы все окружающие также были счастливы. Его основная ориентация - на радость жизни и ощущение её полноценности. Обычно человек, обладающий таким типом поведения, имеет интегрированное «Я» с преобладанием чувственных структур. Характеризуется высоким уровнем заботы о собственной физической целостности, чувственным эгоизмом и высокой потребностью в чувственной свободе. Основная идея субъекта – преобразование материального мира для всех. Таким типом поведения обладают, например, переговоришники.

Таким образом, нами были обозначены параметры выбора модели социальной динамики, пригодной для исследования процессов виктимизации обществ. Поскольку готового теоретического инструментария в современной науке для этих целей не существует, была сформулирована идея необходимости проведения синтеза ряда теорий. Сам синтез рассматривается нами как перспективная задача будущих исследований. На данном этапе была показана приоритетность моделей четырех парадигм социологической науки: миросистемного подхода (парадигма неомарксизма), теории геополитической динамики Р. Коллинза (неовеберианская парадигма), теории социальной солидарности Э. Дюркгейма и культурологической концепции П.А.Сорокина. В целях разработки теоретического инструментария социальной виктимологии был проведен синтез модели типов виктимного поведения и типологии культурной ментальности, заданной в концепции П.А.Сорокина. Данный синтез позволил описать ценностные императивы виктимного поведения разного типа, что предоставля-

ет возможность не только прогнозировать риск возникновения конкретного типа поведения при определенных условиях общественного развития, но и своевременно осуществлять возможные меры по их превенции.

Список литературы

1. Андроникова О.О. Виктимное поведение подростков: факторы возникновения и профилактика: Монография. Новосибирск: НГИ, 2005. 300 с.
2. Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006. 472 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. 944 с.
4. Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлугьян Г., Калхун К. Есть ли будущее у капитализма? М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 320 с.
5. Вебер М. Избранные произведения /Пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Прогресс, 1990. 628 с.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Сост. и коммент. А. В. Белова /Отв. ред. О.А.Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии /пер. с франц. А.Б.Гоффмана. М.: Наука, 1990. 575 с.
8. Изгарская А.А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2015. 27 с.
9. Коллинз Р. Предсказание в маркосоциологии: случай Советского коллапса //Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории и макросоциологии. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. С. 285-288.
10. Коллинз Р. Геополитические и экономические миросистемы основанные на родстве и аграрно-принудительных обществ // Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций /под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. Вып. 2: Структуры истории. С. 462-476.
11. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений /пер. с англ., коммент. и ст. В. В. Сапова. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 1056 с.
12. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. М.: Рольф, 2002. 592 с.
13. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 781 с.
14. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
15. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы /пер. с нем. и примеч. И.И.Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.
16. Frank A.G. A plea for world system history //Journal of World History. 1991. Vol. 2. Is. 1. Pp.19.
17. Wallerstein I. After Developmentalism and Globalization, What? // Social Forces. 2005. № 83 (3). Pp. 321-336.

РАЗДЕЛ 2

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ РИСКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

2.1. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В СТРУКТУРЕ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕМЬИ⁶

Совместная жизнедеятельность (СЖ) является актуальным понятием для изучения социально-психологических феноменов, характерных для семьи как малой группы, поскольку для нее, как и для других социальных общностей, стоит проблема определения системообразующих факторов, формирующих ее как целостность. Этот концепт в отличие от более раннего, которым является понятие *совместная деятельность*, расширяет спектр анализируемых процессов, специфичных для различных видов групп. Он определяет специфику ее совместной активности, в свою очередь формирующей группу как коллективный субъект. Так, совместная активность семьи не сводится к совместной деятельности ее членов даже в рамках решения общих задач, а определяется другими групповыми процессами, в первую очередь, особыми межличностными отношениями, характерными для этой социальной общности [1]. СЖ в настоящее время определяется как «любое взаимосвязанное функционирование людей в социальных группах разной численности, то есть в группах, действующих, выполняющих свои функции, реализующих свои социальные роли и назначение, что-то осуществляющих, исполняющих и т.п.» [2].

Семья в последние годы становится все более широко используемым объектом психологических исследований, затрагивающих самые разнообразные стороны семейного функционирования [7]. Проблемами многих работ остаются аспектность определения предмета анализа и фрагментарность описания общности в целом, в том числе существует тенденция приписывать семье собственные, самостоятельные характеристики. Нами также делались попытки в этом направлении при изучении конструкта *совместная регуляция поведения*, которые реализовывались с опорой на психологию коллективного субъекта и столкнулись с определенными проблемами как теоретического, так и методологического порядка, что, собственно, и позволило, сформулировать ближайшие задачи изучения семьи [4; 5; 6].

⁶ Работа выполнена в соответствии с Госзаданием ФАНО РФ № 0159-2016-0008

Так, несмотря на *очевидность* семьи как социального феномена, *семья* как понятие не является определенным, оно взято из практики, и его содержание должно быть раскрыто отдельно. Таким образом, в числе первых может быть сформулирована задача терминологического определения самой семьи как предмета исследования, что должно быть реализовано через описание ее сущностных, неотъемлемых свойств. Основной теоретической гипотезой является предположение, что существует такой вид общности как семья, и он принципиально отличается от других вариантов жизнедеятельности человека. Очевидно, что описание атрибутов семьи предполагается как мультидисциплинарное, затрагивающее все научные и прикладные направления, в которых, так или иначе, рассматриваются вопросы семьи и ее функционирования (социология, культурология, экономика, юриспруденция и др.). Социально-психологическое описание атрибутов семьи может быть осуществлено через описание специфики основных феноменов, характерных для малых групп, выявление их отличий от групп другого типа.

В этой связи представляет интерес изучение характеристик образа жизни семьи как устойчивых способов организации ее СЖ. Основанием такой организации выступают, в том числе, ценностные ориентации членов семьи, определяющие их ориентиры и цели поведения, поскольку в соответствии с определением «ценностные ориентации понимаются <...> как относительно устойчивая, социально обусловленная направленность личности на те или иные цели, имеющие для нее смысложизненное значение, и на определенные способы их достижения, выражающиеся в виде каких-либо личностных качеств, образцов (способов) поведения и являющиеся относительно независимыми от наличных ситуаций. Образую высший уровень диспозиционной иерархии в структуре личности, ценностные ориентации являются основаниями для оценок окружающей действительности и детерминируют предрасположенность личности к той или иной социальной активности» [3, с. 30].

Настоящая работа направлена на изучение ценностных ориентаций (ЦО) мужчин и женщин, состоящих в браке, в соотношении с характеристиками СЖ в их семьях. Представляется, что иерархия ЦО демонстрирует основные значимые сферы жизнедеятельности семьи, что может являться описанием принципиальных, существенных признаков семьи как особой социальной общности, а связь ЦО с другими характеристиками СЖ семьи показывать их поведенческий компонент в конкретной практической реализации в жизнедеятельности семьи.

Данный подход соответствует реализованному в исследовании Н.А.Журавлевой, в котором под структурой ценностных ориентаций личности понималась иерархия ценностей, определяемая через их ранжирование самой личностью [3].

Исследование проводилось в несколько этапов, в нем приняло участие 133 респондента. На первом этапе респондентов (83, из них 39 мужчин и 44 женщины, в возрасте от 28 до 60 лет, имеющих опыт семейной жизни) просили в виде свободного рассказа описать, что является для них самым главным в семейной жизни. На основании контент-анализа текстов были выявлены основные семейные ценности, всего 27, которые легли в основу авторской анкеты «Ценности в семейной жизни». На втором этапе другие участники исследования (50 испытуемых, из них 25 женщин и 25 мужчин, в возрасте от 30 до 55 лет, состоящие в официальном браке и имеющие детей) оценивали по 7-бальной шкале Р. Лайкерта степень важности для их семьи каждой из 27 семейных ценностей. Таким образом, выявлялись ценностные ориентации респондентов и их иерархия, поскольку оценка выражала их субъективное отношение к тем или иным значимым явлениям в семье.

Изучение особенностей СЖ в семье осуществлялось с помощью методики «Шкала семейного окружения» (ШСО) Р.Х. Мус в адаптации С.Ю. Куприянова, направленной на изучение 10 параметров социального климата в семье, отражающих семейные отношения (*сплоченность, экспрессивность, конфликт*); направленность личностного роста (*независимость, ориентация на достижение, интеллектуально-культурная ориентация, ориентация на активный отдых, морально-нравственные аспекты*); способы управления семейной системой (*организация, контроль*) [8].

Респондентам также была предложена авторская анкета «Негативные ситуации в семейной жизни». Поскольку при изучении семейных ценностей респонденты указывали лишь на положительные стороны семейной жизни, то нами была составлена шкала оценки выраженности семейных ситуаций негативного характера. Ее результаты позволили более подробно проанализировать особенности СЖ семьи. Степень проявления негативных ситуаций в семейной жизни измерялась по 5-ти бальной шкале, от постоянно встречающихся в семье (1 балл) до никогда не встречающихся (5 баллов). Респондентам было предложено оценить 19 семейных негативных ситуаций.

По результатам первого этапа исследования было выявлено 27 явлений, значимых для семейной жизни. Наиболее часто упоминались следующие – *взаимопонимание между членами семьи, взаимное уважение, любовь, доверие, взаимная поддержка, дети, забота членов семьи друг и друге, принятие партнера без желания его изменить, интимная жизнь*. Среди наименее редко называемых оказались *материальное благополучие, дружба, семейные традиции и праздники, умение прощать*.

Можно заключить, что если среди явлений наиболее важных для семейной жизни встречаются очевидные и ожидаемые, то среди тех, которые имеют низкую частоту встречаемости, напротив, такие явления, которые, с точки зрения обыденного сознания, также имеют серьезное значение для семейного благополучия – так, и *материальное благополучие*, и *умение прощать* не могут не быть таким важными его составляющими.

Таким образом, ответы на вопросы можно считать в определенной мере социально желательными, что вполне объяснимо высокой личной и социальной значимостью семьи. Для компенсации этого момента респондентам была предложена авторская анкета о негативных ситуациях.

На втором этапе респонденты по шкале Р. Лайкерта оценили 27 явлений семейной жизни сначала выявленные, а потом заданные. Высокие оценки получили такие ценности, как *дети*, *взаимопонимание*, *взаимное уважение*, *доверие*, *любовь*, *взаимная поддержка*, *забота*, *верность*. Низкие оценки даны таким ценностям, как *принятие партнера без желания его изменить*, *совместное развитие*, *желание постигать друг друга*.

Информативно место в иерархии ЦО некоторых явлений. Так *верность*, которая имела низкую частоту встречаемости в номенклатуре явлений семейной жизни, оказалась в числе наиболее высоко оцененных (8 место) и «обогнала» по уровню *интимную жизнь*, которая хоть и осталась на своем 9 месте, но уступила *верности* по значимости. *Материальное благополучие* занимало в номенклатуре последнее место по частоте встречаемости (27 место), при оценке заняло уже более высокое 22 место. *Терпение*, изначально занявшее 23 место, при оценке оказалось на 16-м, *ответственность друг за друга* переместилось с 21 на 10 место. *Желание постигать друг друга* и *совместное развитие* занимали соответственно 18 и 13 место, а оказались на двух последних.

Таким образом, проведенное анкетирование с оценкой выявленных явлений, значимых для семейной жизни, позволило определить отношение к этим явлениям, различия между тем, «о чем говорят, что это важно», и действительно важным, выявить «замалчиваемые», по тем или иным причинам, сферам семейной жизни.

В СЖ семьи по степени значимости выделились следующие сферы – это, прежде всего, родительская – для современных мужчин и женщин, по-прежнему, дети являются наиболее значимой ценностью, что говорит об актуальности традиционной модели семьи. Следующей является сфера личных отношений между супругами, которая имеет тренд от эмоциональной связи к связи партнерской – более высокую значимость имеют ценность любви и связан-

ных с ней отношений, которые постепенно дополняются совместными мировоззренческими ценностями и ценностями дружеских отношений. Ценности, которые, возможно, в силу своей абстрактности и плохой дифференцированности, особенно в сравнении с четкими понятиями любви, ответственности, терпения, показались респондентам наименее значимыми, составили третью сферу и имели отношение к духовным потребностям.

Анкета о негативных ситуациях позволила расширить спектр явлений, с которыми сталкиваются современные семьи, и оценить частоту их встречаемости. Наиболее часто семьи сталкиваются с *денежными проблемами, недостатком эмоциональной поддержки, неравномерным распределением домашних обязанностей, вредными привычками, ревностью, попытками переделать супруга и неудовлетворенностью интимной жизнью*. Реже встречаются *различные подходы к воспитанию детей, ссоры и несовпадение мнений об обязанностях*. Крайне редко в семьях встречаются *насилие и измена, а также потребительское отношение к партнеру, стремление его подчинить и отсутствие доверия*.

Если не считать *денежных проблем*, то семьи чаще всего сталкиваются с проблемами, связанными с неудовлетворенностью таких основных ценностных потребностей членов семьи, как *поддержка, любовь и верность*. Мужчины и женщины отмечают, что все равно сталкиваются с ревностью, а значит недостатком любви, и слабой эмоциональной связью с супругом. В связи с высокой значимостью этих сторон жизни, любой их дефицит воспринимается как существенный и переживается остро.

Интересно, что семьи часто встречаются с *вредными привычками*, хотя *здоровый образ жизни* вообще отсутствует в системе ценностей. Видимо, *взаимная любовь, доверие и уважение*, по мнению людей, должны служить гарантиями «стараний» партнера во имя семьи, в том числе, и в отношении вредных привычек.

Денежные проблемы, которые оказались на первом месте, свидетельствуют, что материальное благополучие, скорее всего, оказалось в конце списка ценностей либо в связи с тем, что их значение для семейной жизни недооценивается, что маловероятно, либо, в связи с тем, что значимость этой сферы просто скрывается, поскольку ее высокая оценка не является вполне социально одобряемой.

Более детально связи семейных ценностей представлены в корреляционных связях (таблица 1).

Таблица 1. Коэффициенты корреляции между переменными, фиксирующими значимость ценностей, и частотой негативных ситуаций

Семейные ценности		Негативные ситуации в семье	Коэф. Спирмена
1	Взаимопонимание	Чувство отчуждения между супругами	-0,29*
		Ревность	0,46**
2	Взаимное уважение	Недостаточная эмоциональная поддержка	-0,35*
3	Любовь	Ревность	0,32*
		Денежные проблемы	0,34*
4	Поддержка	Попытки «переделать супруга»	0,33*
		Потребительское отношение к любви, эгоизм	0,33*
5	Принятие партнера, без желания изменить его	Насилие	0,35*
6	Интимная жизнь	Ревность	0,45**
7	Общие интересы, увлечения	Неумение общаться	-0,41**
		Несовпадение мнений об обязанностях и правах мужа и жены	-0,46**
		Отсутствие доверительного общения	-0,32*
		Вредные привычки	-0,31*
		Чувство отчуждения между супругами	-0,36*
8	Радость общения (время препровождение)	Денежные проблемы	0,30*
		Стремление больше времени проводить вне семьи	-0,30*
		Стремление подчинить себе другого	-0,34*
9	Совместное жилье, быт	Чувство отчуждения между супругами	-0,35*
10	Эмоциональная совместимость	Денежные проблемы	0,35*
		Попытки «переделать супруга»	0,36*
11	Уважение личного пространства партнера	Частые ссоры в семье	0,30*
		Попытки «переделать супруга»	0,39**
		Стремление больше времени проводить вне семьи	0,34*
		Чувство отчуждения между супругами	0,44*
		Неудовлетворенность интимными отношениями	0,44**
		Измена	0,39**
12	Умение уступать	Частые ссоры в семье	0,31*
13	Общие взгляды на жизнь, мировоззрение	Ревность	0,32*
14	Ответственность друг за друга	Неумение общаться	-0,30*
15	Дружба	Вредные привычки	0,33*
16	Умение прощать	Измена	0,32*
17	Материальное благополучие	Денежные проблемы	0,39**
		Частые ссоры в семье	0,31*
		Нетерпимость к партнеру	0,40**
		Стремление подчинить себе другого	0,38*

Условные обозначения к таблице: * - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$.

Например, *взаимопонимание* соотносится с низким уровнем *отчужденности* супругов, что вполне объяснимо, но одновременно имеет прямую связь с ревностью, что, по-видимому, свидетельствует, что в случае недостаточной удовлетворенности во взаимопонимании при его высокой важности для человека, возникают подозрения в наличии у супруга более значимых людей в жизни.

Интересен анализ самой распространенной негативной ситуации – *денежных трудностей*. Она прямо связана с ценностью *любви, радостью общения и эмоциональной совместимостью*. Возможно, в семьях, где во главу угла ставят именно личные отношения, вкладываются в них, недооценивается необходимость вложений в материальное благополучие. Представляется, что эта картина может быть характерна для более молодых семей. Однако информативно, что эта негативная ситуация также положительно связана и с высокой значимостью материального благополучия. Этому соотношению сопутствуют частые ссоры, нетерпимость к партнеру, стремление подчинить его. Здесь, по всей видимости, мы имеем дело с неудовлетворенностью в реализации этой ценностной ориентации и её последствиями.

Отдельные связи могут свидетельствовать и о других семейных процессах, например, о пережитых обстоятельствах или опыте преодоления трудностей. В этом отношении примером могут быть корреляции переменной *уважение личного пространства партнера*. Можно предположить, что она служит индивидуальной стратегией поведения как по отношению к супругу, так к собственным действиям или переживаниям. Также обращают на себя связи таких ЦО, как *принятие партнера и умение прощать и уступать*, которые, возможно сформировались, как способ совладания с острыми переживаниями частых ссор, измены, насилия. Ниже представлены результаты корреляционного анализа между переменными социального климата в семье и семейными ценностями (таблица 2).

Необходимо заметить, что среди полученных корреляционных связей переменных семейного климата и ЦО большинство из них выглядит ожидаемо. Вместе с тем, обращают на себя внимание несколько моментов. Так, ценности «общего», «взаимного», «совместного» коррелируют с *конфликтными отношениями в семье*, что может свидетельствовать о недооценке личного мнения супруга (супруги) и игнорировании возможных различий между партнерами. На это указывает и обратная связь между *уважением к социальным нормам и уважением личного пространства партнера*, а также компенсация недостатка *эмоциональной совместимости организацией, важностью внутрисемейных правил*.

Таблица 2. Коэффициенты корреляций переменных социального климата в семье и семейных ценностей

Показатели социального климата		Семейные ценности	Коэф. Спирмена
1	Сплоченность	Общие интересы, увлечения	0,33*
		Радость общения (время препровождение)	0,33*
		Совместное жилье, быт	0,46***
2	Конфликт	Взаимопонимание	0,30*
		Общие интересы, увлечения	0,46***
		Совместное жилье, быт	0,31*
3	Ориентация на достижения	Взаимопонимание	0,46***
4	Интеллектуально-культурная ориентация	Любовь	0,45**
		Радость общения (время препровождение)	0,36**
5	Ориентация на активный отдых	Общие интересы, увлечения	0,31*
		Материальное благополучие	0,34*
6	Морально-нравственные аспекты	Уважение личного пространства партнера	-0,34*
7	Организация	Эмоциональная совместимость	-0,35*
8	Контроль	Ответственность друг за друга	0,49***
		Семейные традиции, праздники	0,53***

Условные обозначения к таблице: *- $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$; *** - $p \leq 0,001$.

Представляется, что оценки, которые давали респонденты представленным явлениям семейной жизни отражают не столько их абсолютную значимость, сколько значимость относительную, сравнительную. Иными словами, они отражают именно структуру СЖ семьи, где центральное место занимает все, что связано с продолжением рода, воспроизводством семьи как таковой, затем потребностями членов семьи, супругов, которые связаны с их отношениями, и затем с «надстроечными» моментами, которые не игнорируются, а «допускаются» в сознание и реальную жизнь по мере возможности, то есть по мере решения базовых семейных задач. По всей вероятности, для семей на разных этапах жизненного цикла семьи эта иерархия может быть разной.

Образ жизни семьи, определяется не только самими ЦО членов семьи по отношению к различным по важности сферам СЖ. Номенклатура негативных ситуаций, частота их встречаемости и их соотношение с ЦО показывает, что важным фактором семейного благополучия, по-видимому, является степень реализованности этих ориентаций, их достижимость/недостижимость.

Направленность на определенное поведение, установки по отношению к партнеру могут также играть роль стабилизаторов, примиряющих с определенными негативными ситуациями в семейной жизни. Нельзя исключать, что

немаловажное значение имеет и согласованность с ценностными ориентациями партнера.

Семейный климат соотносится с семейными ценностями как напрямую, так и компенсируя их, или показывая «отыгрывание» проблемных моментов, что соотносится с характером связей между ЦО и негативными ситуациями в семье.

Список литературы

1. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под. ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиной. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 51-81.
2. Журавлев А.Л., Шорохова Е.В. Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. М.: Изд-во «Социум»; «Институт психологии РАН», 2001. 288 с.
3. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2006. 317 с.
4. Ковалева Ю.В. «Совместная регуляция поведения семьи»: критический анализ разработки конструкта и перспективы исследований семьи как целостной общности / Инновации в медицине, психологии и педагогике: Материалы VII Международной научно-практической конференции (Вьетнам, Муй Нэ, 27 апреля – 7 мая 2016 г.) / Под науч. ред. М.Г. Чухровой, О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Издательство ООО «Немо Пресс», 2016. С. 101-105.
5. Ковалева Ю.В. Совместная регуляция поведения супругов на различных этапах жизненного цикла семьи // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 50-70.
6. Максимова Н.Е., Александров И.О. Феномен коллективного знания: согласование индивидуальных когнитивных структур или формирование надиндивидуальной психологической структуры // Психология человека в современном мире. Т. 3: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна (15-16 октября 2009 г.) / Отв.ред.: А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, В.В. Знаков, И.О. Александров. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 368-376.
7. Семья, брак и родительство в современной России. Выпуск 2 / Под. ред. А.В. Махнач, К.Б.Зуева. М.: «Институт психологии РАН», 2015. 408 с.
8. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2006. 352 с.

2.2. МОББИНГ КАК МАРКЕР СИСТЕМНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА? ...

Буллинг, моббинг, троллинг, сталкинг, хейзинг, боссинг – еще недавно малознакомые российскому исследователю, а уж тем более обывателю, иноязычные слова, сегодня, к сожалению, достаточно плотно вошли в повседневный

оборот. И в данном случае – это не результат погони за «звучным термином» или возросшей лингвистической компетентности специалистов и населения, это, скорее, индикатор качественных характеристик российской социальной реальности.

Рост числа и популярных, и научных публикаций и анализ их содержания убедительно свидетельствуют, что различные виды насилия – психологического, физического, социального – проникли фактически во все сферы социальной жизни. К давно и хорошо имплицитному в общественном сознании понятию «дедовщины» в армии добавляются все новые маркёры злокачественной (в терминологии Э. Фромма [43]) агрессии, тиражируемой различными социальными институтами и группами. В школе [10; 17; 27], в вузе [5; 13; 42], организациях [18; 40] специфическое «подвижничество», целью которого является нанесение ущерба другому, набирает обороты. Возраст, сфера деятельности, уровень образования, социальный статус – фактически ни что не является препятствием для выбора деструктивной поведенческой стратегии.

Представляется крайне важным понять, почему и школьник, и вузовский профессор легко выбирают вариант жизненной стратегии «жизнь против жизни» (по В. Н. Дружинину [14]), отличаясь лишь выбором практикуемых форм моббинга. На наш взгляд, весьма символичной является даже метаморфоза, которую претерпели два ключевых термина, используемые при изучении проблемы насилия: моббинг и буллинг.

Так, термин *моббинг*, традиционно связываемый многими исследователями [18; 29; 39] с именем Х. Лейманна (Leymann H., 1993, 1994), использовавшего его для описания процессов насилия в организациях, изначально был предложен П. Хайнеманном в 1969 г., изучавшим жестокое групповое поведение детей [13; 35; 36; 40; 42]. Лишь с течением времени термин *моббинг*, образованный от англ. *mobbing* < *mob* – «толпиться, окружать, нападать толпой», приобрёл значение, тиражируемое в том числе и в российской психологической литературе: «целенаправленное преследование работника; нападки, ущемляющие его достоинство, подрыв репутации и профессиональной компетенции» [39]. Вполне закономерно В.А. Чикер и Л.Г. Почебут отмечают: «В современном понимании термин моббинг *чаще* (*курсив наш*) используется применительно к травле кого-либо в организациях и трудовых коллективах» [40, с. 142]. Всего лишь *чаще*, а не *исключительно*.

Термин *буллинг*, который в российской психологии и педагогической практике чаще пытаются «привязать» к школе [7; 8; 10; 19; 20; 31; 38], появился при исследовании взрослых коллективов [7; 40]. В 1990 году термин «workplace

bullying» использовал английский журналист Эндрю Адамс для описания террора на рабочем месте [16]. Яркая метафора, созданная журналистом: *bulling* < to bull – «действовать, воздействовать с грубой силой быка» [50] (аналогия с жаргонным русским «быковать» на наш взгляд, очевидна), оказалась очень точной и запоминающейся. Термин *буллинг* и сегодня активно используется в Великобритании для обозначения ситуации травли в организации.

Значительно позже, в 1993 году, норвежец Д. Ольвеус, опубликовавший работу «*Bullying at School: What We Know what We Can Do*», ввёл этот термин в поле психологических исследований в качестве ключевого для определения «школьной травли» [49], включающей преднамеренный психологический и/или физический террор группы по отношению к сверстникам.

Случившийся «терминологический перевёртыш», на наш взгляд, скорее свидетельствует об очень зыбкой границе между этими двумя дефинициями. Кроме того, Международная организация труда (МОТ), занимающаяся вопросами трудовых отношений, разводит содержательно понятия *моббинг* и *буллинг* (последний – крайняя форма психического терроризма с агрессией и жестокостью) в приложении именно к организации [2; 36; 37], дифференцируя скорее формы и интенсивность травли на рабочем месте.

Как известно, научный (специальный) тезаурус является, или, по крайней мере, должен являться, действенным инструментом для описания отдельных предметных областей, позволяющим осуществлять эффективную корпоративную коммуникацию. Под последней обычно подразумевается понимание в общении и взаимодействии лиц, занимающихся одной дисциплиной или одной профессией. Мы полагаем, что смыслообразующим элементом может являться не только профессиональная принадлежность, но и одно явление социальной реальности. Сегодня вопросами групповой и индивидуальной травли, психологического и физического насилия активно занимаются социологи, психологи, юристы, криминологи, педагоги, – ученые и практики, и одни и те же термины либо используются ими как взаимозаменяемые, либо разводятся как содержательно отличные. Особенно в этом отношении «не повезло» моббингу и буллингу. Настойчивое стремление российских исследователей маркировать буллинг школьным пространством по сути дела не увенчалось успехом, о чем свидетельствует большое количество интернет-контента, выдаваемого и по поисковому запросу «буллинг в школе», и по поисковому запросу «моббинг в школе», а также активное внедрение термина кибербуллинг в психологические и социологические исследования [4; 9; 33; 44]. Кибербуллинг со всеми его многочисленными разновидностями (вклю-

чая флей-минг, харассмент, троллинг, stalking, секстинг, happy slapping – «радостное избиение» случайных прохожих со съемкой и последующим размещением в сети Интернет и т.п.) [9], не ограничен ни школьным пространством, ни даже возрастной когортой. Во всяком случае, российские коллекторы вполне зрелого возраста «прославились» тем, что, преследуя должников, активно использовали технологию denigration – распространения клеветы: публикации и рассылки в социальных сетях ложной унижающей информации о задолжнике, и даже проявили «креативность», добавив фрустрирующих элементов: публикацию траурных фотографий неплатежеспособного заёмщика и членов его семьи. Таким образом, школьники и взрослые – участники травли (будь то травля психологическая или физическая) «обогащают» друг друга новыми технологиями. Так что П.Хайнеманн, позаимствовавший термин «моббинг» у Конрада Лоренца, изучавшего травлю в среде животных (в частности, ситуации нападения стаи травоядных на хищника), видимо, предложил родовое понятие действия стаи (толпы), направленного на преследование одного, пусть даже более сильного, противника. С нашей точки зрения, все привнесенные позже понятия буллинга, боссинга, stalking, троллинга и пр. – это лишь попытка обозначить статус или количество агрессоров, организовавших травлю (боссинг, stalking), используемые методы (их число множится) и меру их разрушительности (буллинг).

Организаторы травли в любой возрастной группе используют схожие методы. Многие российские исследователи организационного моббинга и буллинга ссылаются на типологию агрессоров, представленную А. В. Скавитиным в работе «Проблема притеснений на рабочих местах: по материалам зарубежных исследований» [37]. Автор, опираясь на результаты социологических исследований, описал четыре основных типа мобберов: «двуголовый змей», «прихватчик», «постоянный критик» и «кричащая Мими». Как нам представляется, аналогичные стратегии можно обнаружить и в школьной среде (очевидные аналогии мы представили в таблице 1).

Очевидно, что эта типология, как и любая другая, достаточно условна, моббинг-террорист достаточно часто успешно сочетает несколько стратегий: высокостатусная «кричащая Мими» (кстати, не обязательно женского пола) способна вполне успешно использовать и три другие стратегии, не зависимо от достигнутого ею (им) возраста. Очевидно, что в процессе травли (а травля всегда процесс) стратегии могут варьироваться, интенсифицироваться и «прирастать» комплексностью.

Таблица 1. Аналогии стратегий мобберов-работников
и мобберов-подростков

№	Тип агрессора	Моббер-работник	Моббер-подросток
1	«Двуглавый змей»	Манипуляция общественным мнением (распространение «за спиной» сплетен, слухов для подрыва репутации сотрудника)	Манипуляция общественным мнением (распространение «за спиной» сплетен, слухов для подрыва репутации сверстника или учителя)
2	«Привратник»	Блокировка ресурсов, обеспечивающих успешность трудовой деятельности жертвы (например, время, бюджет, необходимая информация, поддержка в публикациях, пользование оргтехникой)	Блокировка ресурсов, обеспечивающих успешность учебной деятельности (например, сокрытие необходимой информации, ограничения условий физиологического комфорта – доступа к воде, еде, туалету; порча учебных принадлежностей и спортивного инвентаря), табу на участие во внеучебных мероприятиях
3	«Кричащая Мими»	Вербальная агрессия, цель которой – спровоцировать, ввязать сотрудника в скандал, в котором агрессор чувствует себя комфортно. Достаточно часто практикуется женщиной-боссом.	Вербальная агрессия, цель которой – спровоцировать жертву, вызвать аффективную реакцию, за которую жертва будет наказана взрослым или осмеяна сверстниками. Провокатор, как правило, высоко статусный подросток.
4	«Постоянный критик»	Используются нападки, постоянная критика, предвзятость, придирки – у жертвы формируется комплекс неполноценности.	Используются прямые нападки, насмешки, жёсткая критика внешности, одежды, физической формы, учебной деятельности, предвзятость в оценке любого действия или слова – у жертвы формируется комплекс неполноценности

К вертикальному моббингу (со стороны босса или учителя) может зачастую присоединяется моббинг горизонтальный (со стороны коллег или сверстников); или к горизонтальному (со стороны коллег) присоединяется вертикальный «нисходящий» (со стороны начальника) или «восходящий» (со стороны учеников). Но в большей степени интересно другое: схожесть инструментов, практикуемых взрослыми и подростками – мобберами. При этом вопрос о том, кто с кем делится опытом и технологиями, остается открытым. Не случайно П.И.Сидоров констатирует: «Детский социально-психологический опыт моббинг-мишени с возрастом по компенсаторным механизмам может трансформироваться в образ моббинг-террориста» [36, с. 35]. Интересен тот факт, что и

в имплицитных (житейских) теориях моббинга очень популярна идея о том, что жертвы школьной травли часто выбирают во взрослой жизни профессию, которая позволяет самоутвердиться «за чужой счет» (например, профессию полицейского, надзирателя или учителя, априори наделенную властными полномочиями), а особо «изголяющийся босс» мстит за свой опыт унижения.

У психологов не менее популярна идея о том, что потенциальная жертва, обладающая определенными личностными характеристиками и психотравмирующим социальным опытом, сама провоцирует моббинг-процессы [7], подавая ощутимые сигналы о собственной уязвимости, не оказывая достойного сопротивления, в том числе и при переходе из детства во взрослость, меняя статус школьника на статус работника. Безусловно, эти факторы имеют значение, но более важным, на наш взгляд, для запуска и особенно интенсивного развития моббинга являются процессы социальной стигматизации и деструктивность самой организации (будь то школа, армия, кафедра или офис).

«Проклятый вопрос» социальной психологии: «Что важнее – человек или ситуация?» [34] – приобретает особо острое звучание при анализе проблемы моббинга.

В справочнике Г. Лаукса, Х.-Ю.Мёллера «Психиатрия и психотерапия» моббинг на рабочем месте, включающий травлю и оскорбления сотрудника с целью вынуждения к увольнению, описывается как самостоятельный психиатрический синдром [24]. Но судя по лавинообразному росту моббинг-процессов в самых разных возрастных группах, организациях разного типа, появлению всё более жестоких форм преследования и навязчивому желанию подростков тиражировать свои «успехи в гноблении (чмыренье) жертвы» в сети Интернет, число психически нездоровых давно уже не вписывается в кривую нормального распределения.

В.А. Чикер, Л.Г. Почебут резюмируют: «Моббинг представляет собой процесс, возникающий в результате действия многих факторов. Причины его появления могут быть социальными, социально-психологическими, организационными и индивидуально-психологическими, которые в каждом конкретном случае должны быть изучены индивидуально» [40, с. 143]. Это, безусловно, так, но для такого масштабного роста агрессивных действий, вероятно, должны быть объективно существующие причины. Безусловно, несамодостаточность активного моббера, особенно помноженная на институциональную власть, конформность пассивного участника моббинг-процесса или особая чувствительность и уязвимость жертвы играют существенную роль в «процветании» травли, но, мы полагаем, что существуют некие социально задаваемые триггеры неистового желания одного человека причинить ущерб другому.

Ни для кого не секрет, что, в российской армии и многих закрытых учреждениях (не только местах заключения, но достаточно часто и в интернатах, детских домах и т.п.) длительное время процветал (а где-то и сейчас процветает) жесточайший хейзинг (от англ. hazing – ритуализованное жестокое или унижительное обращение с новым членом группы, выполняющее функции инициации и маркирования места в уже сложившейся иерархии), но в настоящее время традиции унижающей достоинство человека «вписки» для «новичков» приобрели генерализованный характер и практикуются в вузах, ссузах, школах.

Моббинг в школах в тех или иных формах практиковался всегда. Но мера дозволенного нарушения границ личности и злокачественности агрессии в последнее время резко возросла. В 2017 году мы провели ретроспективный социологический опрос среди 607 студентов очных и заочных отделений вузов города Новосибирска. В выборку были включены мужчины и женщины с датами рождения с 1976 по 1997 г.г. 95 % респондентов заявили, что сталкивались с явлениями моббинга во время обучения в школе (как со стороны школьников, так и со стороны учителей, причем жертвами выступали либо сами участники опроса, либо их одноклассники, в 42 % в качестве жертвы травли назывался также учитель; 46 % сами были активными мобберами). Отметим, что 34 % опрошенных – это студенты-заочники, в настоящее время работающие в системе дошкольного, школьного или дополнительного образования.

Анализ полученных данных показывает, что в течение двух последних десятилетий в школах:

Ø расширяются и ужесточаются формы моббинга со стороны сверстников (более молодые респонденты перечисляют формы унижения жертвы-сверстника или учителя, «не доступные» воображению опрошенных более старшего возраста; часть практикуемых способов унижения явно «позаимствована» из «высокохудожественных» фильмов-«жизнеописаний» тюремного быта;

Ø снижается число мер физического насилия, к которым прибегают учителя, хотя показатели психологического насилия остаются на прежнем уровне;

Ø и у школьников, и учителей тема секса становится средством осуществления моббинга;

Ø в качестве нового средства преследования «набирает обороты» кибермоббинг;

Ø в целом сохраняется логика определения потенциальной жертвы (представлена в таблице 2).

Учитель – потенциальная жертва моббинга со стороны школьников:

- Очень возрастной или слишком молодой.

- Представитель не титульной национальности.
- Непоследовательный в своих требованиях.
- Практикующий унижительные высказывания в адрес школьников.
- Дистантный в отношениях со школьниками.
- Эмоционально уязвимый.

Таблица 2. Потенциальные жертвы школьного моббинга

Потенциальная жертва сверстников	Потенциальная жертва учителя
Ребенок из асоциальной семьи	Ребенок из асоциальной семьи
Ребенок из семьи с низким материальным достатком	Ребенок из семьи с низким материальным достатком
«Умник», «ботан», «зубрила»	«Много умничающий», «слишком умный»
Плохо обучаемый	Плохо обучаемый, «слишком глупый»
С явно выраженным физическим дефектом или избытком веса, с существенными отклонениями роста от средних показателей	С явно выраженным физическим дефектом или избытком веса с существенными отклонениями роста от средних показателей
Представитель не титульной национальности, особенно отличающийся внешне	Представитель не титульной национальности, особенно отличающийся внешне
Новенький в классе	

Как видим, жертвы, или «люди-мишени» – это, прежде всего, отличающиеся от среднестатистического, «не стандартные», те дети и взрослые, кого легко стигматизировать [45], те, кто имеют проблемы с аффективной сферой. Очевидно, что учитель или ребенок тувинской национальности имеет высокие шансы занять роль жертвы в русской школе, а ребенок или взрослый русской национальности становится потенциально уязвимым в тувинской школе (это подтверждается и данными опроса). В то же время в классе, где по преимуществу представлены русские дети, на роль жертвы с большей долей вероятности будет определен ребёнок не немецкой, а татарской национальности, именно потому, что он внешностью существенно отличается от «стандарта».

Особого внимания, на наш взгляд, требует тот факт, что высокоинтеллектуальный ребенок является мощным раздражителем и для сверстников, и для учителей. Если для школьников явно раздражающим фактором может являться наряду с высоким интеллектом и значительным запасом знаний прилежание, то для учителя именно конкурентность в знаниевом уровне часто становится поводом для преследования ученика-жертвы. Интересные параллели обнаруживаются при анализе боссинга в системе высшего образования. Так, потенциаль-

ной жертвой, с точки зрения С.А. Пакулиной [29] и С.А. Дружилова [13], является высококвалифицированный, компетентный, способный творчески преобразовать свою деятельность, самостоятельный (субъектный), способный стоять перед собой сверхзадачи и самодостаточный преподаватель высшей школы. Очевидно, что такие преподаватели-профессионалы не редкость не только для высшей, но и общеобразовательной школы, но запускается процесс моббинга в том случае, если на кафедре (в школе) наблюдается «застой» (в этом случае босс видит в более сильном преподавателе опасность, угрозу своему авторитету) [13], или если руководство вуза (школы) не рефлексирует организационные и образовательные процессы, а следовательно, проявляет управленческую некомпетентность [29], или если организации свойственны аддиктивные характеристики [21; 23].

Запуск процесса моббинга, конечно же, определяется наличием определенных характеристик управленца (будь то учитель, директор образовательного учреждения, заведующий кафедрой, начальник какого-либо подразделения или командир роты) и характеристик организации. В конце концов далеко не каждый класс, кафедра, департамент и даже воинское подразделение лелеет мобберов и использует механизм травли выбранных жертв для поддержания иерархии и обеспечения управленческих процессов, основанных на страхе. Тем не менее, масштаб и «степень накала» моббинг-процессов в современной российской реальности, на наш взгляд, сегодня уже невозможно свести только к выше обозначенным факторам.

Нам представляется, что в настоящее время в российском обществе наличествует очень «благоприятная питательная» среда для интенсивного развития моббинг-процессов. В первую очередь это связано с тем, что активным поиском групп-мишеней, позволяющих канализировать тревогу и «расправиться» с собственными страхами, люди, как правило, занимаются в ситуации экономической и/или политической нестабильности, выраженного социального неравенства, угроз социальному благополучию [1; 3; 15].

Т.В. Дробышева и Т.П. Емельянова в публикации 2015 года «Коллективные чувства представителей разных групп общества в отношении значимых социальных явлений» убедительно показывают, что представители разных групп российского общества обнаруживают тенденцию к переживанию чувства беспокойства, разочарования и несправедливости [12]. В 2015 году в России фиксируется всплеск преступности, в том числе и подростковой, причиной которой ряд исследователей называет экономическую ситуацию и резкое социальное расслоение [10; 11]. В этом же 2015 году в 14 городах России среди подростков

11, 13 и 15 лет проводится исследование отношения школьников к своему здоровью. Общее количество участников социологического опроса составляет почти 10 тысяч человек (9 730 анкет допущено к обработке); в городе Новосибирске опрошенных подростков – 791 (подробная процедура проведения и анализ полученных результатов представлены в источниках – 22; 46). Мы остановимся лишь на части данных, полученных в исследовании, позволяющих проиллюстрировать изучаемую проблему.

Если ещё в 2013 году в аналогичном российском исследовании только 10% 15-летних мальчиков и 18 % 15-летних девочек сообщали о том, что плохое настроение у них бывает чаще, чем раз в неделю, то уже в 2015 году – 22 % мальчиков и 42 % девочек заявили о наличии этой проблемы (среди новосибирских подростков – 23% и 44 %). Мы вправе предположить, что чувства беспокойства, разочарования и несправедливости, переживаемые взрослыми [12], внесли свою лепту в переживание эмоционального неблагополучия подростками, что вполне согласуется с данными Н.Я.Большуновой и О. А. Белобрыкиной [6].

Не случайно К. Левин к наиболее важным динамическим характеристикам группы относил «социальную атмосферу», «социальный климат», сутью которых являются чувства, доминирующие в социуме [26].

В 2015 году фактически ежедневное чувство подавленности среди новосибирских школьников в 11 лет испытывают – 5% мальчиков, 6,2% девочек, в 13 лет – 2,7 % мальчиков, 16,4 % девочек, в 15 лет – соответственно, 5% и 14,2%. Жертвами оскорблений и унижений на протяжении двух месяцев, предшествующих опросу, становились среди 11-летних – 61,8% мальчиков и 56,2% девочек, 13-летних – 51,4% мальчиков и 55,5% девочек, 15-летних – 37,2% мальчиков и 40,6% девочек. От кибермоббинга пострадали среди 11-летних – 15,7% мальчиков и 13,10% девочек, 13-летних – 18,5% мальчиков и 22,8% девочек, 15-летних - 14,9% мальчиков и 14,3% девочек.

О своем участии в оскорблении и унижении других учащихся сообщают среди 11-летних – 50% мальчиков и 40 % девочек, 13-летних – 54% мальчиков и 49% девочек, 15-летних – 53% мальчиков и 36% девочек, об участии в драках – среди 11-летних – 64,9% мальчиков и 20,3 % девочек, 13-летних – 50,7% мальчиков и 22,5% девочек, 15-летних – 27,6% мальчиков и 13,5% девочек.

Нам представляется очевидным, что многие подростки не в полной мере рефлексируют собственные поведенческие паттерны как средство унижения и оскорбления других (с учетом цифр, полученных в этой же выборке по переживанию опыта жертвы), и, кроме того, агрессивные действия достаточное ко-

личество подростков воспринимает как нормативные (судя по количеству драк и особенно участию в них девочек).

Т. П. Емельянова, анализируя коллективные чувства в психологии больших социальных групп, справедливо замечает: «В условиях нарушения привычного хода повседневной жизни социальные тревоги посредством коллективного коупинга стимулируют конструирование когнитивных феноменов (социальных представлений, новых схем, сценариев и т.д.). Эти феномены обеспечивают объяснение кризисных ситуаций на уровне здравого смысла и создают удобный образ происходящего, который уменьшает остроту переживания тревоги» [15, с. 8]. Мы полагаем, что и в данном случае включаются новые схемы и сценарии поиска и наказания виноватых за собственный дискомфорт. Взрослые (не независимо от образовательного ценза и социального статуса) выискивают «группы-мишени» и зачастую вербализуют агрессию, а дети её инструментализуют.

Добавим к этому, что подростки – участники опроса продемонстрировали кризис доверия (более 50 % не доверяют учителям, более 50 % – сверстникам, более 48 % – отцам, более 20% – матери) [22]. В своем недоверии подростки правы. Удивительный факт, но только 10% взрослых участников опроса по опыту моббинга, из имеющих сиблингов или детей школьного возраста, знают о том, что факты моббинга встречаются в образовательном учреждении, где учится родной им человек (и это не взирая на то, что сами во время обучения столкнулись с травлей в той или иной форме в 95% случаев).

В ситуации, когда чувство безопасности нарушено, мир, включая родителей, воспринимается как угроза, в соответствии с концепцией Э.Фромма [43], агрессия подростка становится отчаянной попыткой не дать миру расправиться с ним самим. Тем более, что современная российская реальность активно тиражирует именно агрессивные модели и каналы тревоги, и разрешения проблемных ситуаций.

Общество предлагает множество готовых агрессивных паттернов: начиная с агрессивной политической риторики, с известного президентского – врагов «мочить в сортире» или депутатского – «старуха злая Меркель», продолжая откровенной травлей жертв в СМИ (будь то проигравшие и даже зарвавшиеся футболисты или попавшие «под подозрение» педагоги или врачи) и заканчивая вознаграждаемыми государством (через ордена и преференции) выраженно агрессивными действиями на всё и вся «оскорбляющихся» представителей или сторонников РПЦ.

Отдельного внимания в формировании установки на допустимость самых жестоких форм травли, так активно практикуемых сегодня подростками или

служащими-срочниками, на наш взгляд, требует роль «тюремной уклада» в формировании норм и правил социальной жизни. Дело не только в том, что в современной России явно популярна «тюремная романтика», тиражируемая через многочисленные и весьма популярные фильмы про заключенных, преступников, воров в законе (или «про жизнь», но с одним из главных персонажей – «вором в законе», чью роль в сериале «NEXТ» исполняет обаятельный А. Абдулов), через шансон специфической тематики. Дело в том, что «зона», с её ценностями и фигурами речи, как следует из статьи Ю. Е. Пермякова «Пацанский разговор: лагерная стратегия выживания» [30] стала органичной частью социальной реальности, вошла в активный лексикон депутатов и представителей правительства. Л. Преснякова в работе «Скромное обаяние криминала против тщетных усилий тюрьмы» констатирует: «... сегодня, в условиях интенсивной экспансии уголовно-криминальной субкультуры в обыденную жизнь россиян, у социума остается немного каких-либо социальных ограничителей, позволяющих противостоять этой экспансии. Нормативная система преступного мира, активно ретранслируемая через СМИ и продукцию массовой культуры, находит благодатную почву в обществе, испытывающем дефицит социальных ценностей (ценностную аномию) ...» [32, с. 50]. Это как раз свидетельствует о том, что тюремные способы выстраивания социальной иерархии тоже становятся всё более нормативными. И жестокие формы травли, практикуемые подростковой АУЕ («Арестантский уклад един»), явившиеся реальной причиной подростковых суицидов в Иркутской области (в отличие от пресловутого «Синего Кита») [41], распространившиеся, как минимум, на 17 российских регионов, имеют все шансы стать привлекательной для подростков моделью поведения. Так же, как и методы АСАВ (от английского All Cops Are Bastards, «Все копы – ублюдки»), более популярный у подростков в европейской части России [28].

Распространенная в России практика – привлекать в качестве воспитателей кадетских классов бывших работников пенитенциарной системы – оптимизма по поводу формирования адекватных моделей социального поведения у подростков так же не внушает.

Существует еще один, вполне правильный и благородный посыл государства, содержащий тем не менее социальные риски активизации травли групп и отдельных людей – формирование патриотизма. Кто же против того, что прививать любовь к своей Родине – правильно? Делать это, безусловно, нужно, вопрос в том: как и какими средствами? Проблема заключается в том, что из трех возможных типов патриотизма: 1) неконструктивного, или «имперского»; 2) конструктивного, или проблемного и 3) конформного, рассматриваемых

в типологии А.Н.Лебедева и О.В. Гордяковой, политики и СМИ активно демонстрируют и задают как вектор развития именно первый тип. «Неконструктивный тип патриотического поведения характеризуется чрезмерной, часто демонстративной активностью и даже агрессивностью субъекта, его подчеркнутой «инициативностью», отсутствием рефлексии и самокритики; нечувствительностью к логическим противоречиям, нежеланием слушать оппонента и неспособностью его услышать; безапелляционностью суждений, показной обидчивостью, чрезмерной морализацией, «ущемленным» чувством собственного достоинства; ...поиском внешних и внутренних врагов, нетерпимостью к чужой точке зрения и пр.» [25, с. 32]. Очевидно, что в такой модели, «загруженной» ин- групповым фаворитизмом, поощряющей деление мира на «своих» и «чужих», усугубляются не только риски всплеска национализма и предубеждения к другим, «не нашим» группам, но и закрепления паттернов агрессивного поведения в повседневной жизни, снижения способности к рефлексии своих действий. В этом случае саркастический рассказ Е.И.Замятина «Арапы» имеет все шансы стать описанием повседневной жизни не только казаков, воинствующих представителей церкви и их последователей, но и большинства социальных групп, а формы практикуемого моббинга будут способны достичь масштаба погромов в отношении людей, просто имеющих другую «картину мира». Вера в то, что поощрение агрессивности одних членов общества или в отдельных сферах социального функционирования позволит контролировать насилие других групп или в иных сферах – не более, чем иллюзия.

Нам представляется, что ключевая проблема активизации и ужесточения всегда существовавшего моббинга заключается в формировании «норм травли», демонстрации и поощрении агрессивных форм поведения с целью закрепления определенной социальной иерархии.

Интенсификация моббинга в разных возрастных группах, в организациях разного типа, у людей с разным образовательным цензом и половой принадлежностью, на наш взгляд, является показателем общественного неблагополучия и предиктором деструктивного варианта развития и общества, и личности.

Список литературы

1. Актуальные проблемы социальной психологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Новосибирск, 26 апреля 2017) / Под ред. О.А. Белобрыкиной, М.И. Кошеновой. Новосибирск: изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2017. 269 с.
2. Алмаева Ю.О. Проблемы обеспечения психологической безопасности работников на рабочих местах в процессе исполнения ими профессиональных обязанностей // Национальная безопасность. 2014. № 1 (30). С. 117-127.

3. *Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р.* Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.: ПРАЙМ-Еврознак, 2002. 560 с.
4. *Богатырева Ю.И.* Подготовка будущих педагогов к обеспечению информационной безопасности школьников: диссертация ... доктора педагогических наук. Тула. 2014. 401 с.
5. *Большедворская М.В., Соловьева Е.А.* Моббинг в образовательной среде: мнение студентов и выпускников вуза // Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей победителей VIII международной научно-практической конференции. Пенза: изд-во «Наука и просвещение», 2017. С. 173-177.
6. *Большунова Н.Я., Белобрыкина О.А.* Принципы и направления работы с безнадзорными детьми // Насилие и пренебрежение по отношению к детям: профилактика, выявление, вмешательство: Материалы научного симпозиума /Отв. ред. О.Н.Боголюбова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2009. С. 10-11
7. *Бочавер А. А., Хломов К.Д.* Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал ВШЭ. 2013. Т. 10. № 3. С. 149-159.
8. *Бочавер А.А.* Травля в детском коллективе: установки и возможности учителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2014. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Vochaver.phtml> (дата обращения: 05.08.2017).
9. *Бочавер А. А., Хломов К.Д.* Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. Т. 11. № 3. С. 177-191.
10. *Волкова Е.Н., Скитневская Л.В.* Анализ современного состояния исследований по проблеме подросткового буллинга //Человек в современном мире: тенденции и потенциальные возможности развития: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти академика российской академии образования Давида Иосифовича Фельдштейна /редкол.: Л.В. Филиппова, Е.А. Дрягалова, Е.Н. Касатова. Н. Новгород: ННГАСУ, 2016. С. 38-40.
11. *Гурьев М.Е.* Социально-психологическая характеристика подростков, имеющих девиантное поведение: способы его профилактики и пути преодоления // Наука и современность. 2017. № 51. С. 94-103.
12. *Дробышева Т.В., Емельянова Т.П.* Коллективные чувства представителей разных групп общества в отношении значимых социальных явлений [Электронный ресурс] //Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 4 (июль – август). URL: http://zpujournal.ru/e-zpu/2015/4/Drobysheva_Emelyanova_Collective-Feelings/ (дата обращения: 22.05.2017).
13. *Дружилов С.А.* Психологический террор (моббинг) на кафедре вуза как форма профессиональных деструкций [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. № 3 (17). URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/485-druzhilov17.html> (дата обращения: 20.05.2017).
14. *Дружинин В.Н.* Варианты жизни: очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Иматон-М, 2000. 135 с.
15. *Емельянова Т.П.* Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 3-22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).

16. *Иванченко Р.Б., Соловьев В.С.* Современные подходы к определению и классификации школьного насилия [Электронный ресурс] // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-opredeleniyu-i-klassifikatsii-shkolnogo-nasiliya> (дата обращения: 02.07.2017).
17. *Иванько Ю. Ю., Белобрыкина О.А.* Психологический моббинг в образовательных учреждениях: причины и следствие // Проблемы развития: наследственность и среда: материалы X Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Актуальные проблемы специальной психологии в образовании». Новосибирск: «НГУЭУ-«НИНХ»», 2011. С.87-96.
18. *Колодей К.* Моббинг. Психотеррор на рабочем месте и методы его преодоления / Пер. с нем. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. 368 с.
19. *Кон И.С.* Что такое буллинг и как с ним бороться? // Семья и школа. 2006. № 11. С. 15-18.
20. *Кон И.С.* Мальчик – отец мужчины. М.: Время, 2009. 704 с.
21. *Кошенова М.И.* Конформизм управленцев организаций разного типа [Электронный ресурс] // Наука. Мысль. 2016. № 6-2. С. 88-97. URL: <http://wwenews.esrae.ru/38-419> (дата обращения: 20.07.2017).
22. *Кошенова М.И.* «Проблемные зоны» сохранения психологического и социального здоровья школьников в период подростничества // Инновации в медицине, психологии и педагогике: материалы VII Международной научно-практической конференции (Вьетнам, Муй Нэ, 27 апреля – 7 мая 2016 г.) / Под науч. ред. М.Г.Чухровой, О.А.Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во ООО «Немо Пресс», 2016. С. 229-234.
23. *Кошенова М.И.* Работоголизм: путь к совершенству или дезадаптация? [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2. С. 152-164. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document351.pdf> (дата обращения: 25.07.2017).
24. *Лаукс Г., Мёллер Х.-Ю.* Психиатрия и психотерапия: справочник / Пер. с нем.; под общей ред. академика РАМН П.И. Сидорова. М.: Медпресс-информ, 2010. 510 с.
25. *Лебедев А. Н., Гордякова О. В.* Теоретические и методологические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально ориентированного поведения [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 23-40. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document197.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).
26. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. 408 с.
27. *Лейн Д.А.* Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / Под ред. Д. Лейна и Э. Миллера. СПб: Питер, 2001. С. 240-274.
28. *Надеждин И.* За понятия с пеленок: Малолетки сбиваются в стаи, чтобы грабить и убивать [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 19 августа 2017. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/08/19/minor/> (Дата обращения 20.08.2017).
29. *Пакулина С.А.* Преодолевающая адаптация в условиях моббинга в педагогическом коллективе [Электронный ресурс]. URL: http://www.edit.muh.ru/content/mag/trudy/03_2010/07.pdf (Дата обращения: 05.08.2017).
30. *Пермяков Ю. Е.* Пацанский разговор: лагерная стратегия выживания // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2012. № 1 (11). С. 74-82.

31. *Петросяну В.П.* Проблема буллинга в современной образовательной среде // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 6. С. 151-154.
32. *Преснякова Л.* Скромное обаяние криминала против тщетных усилий тюрьмы // Социальная реальность. 2006. № 1. С. 38-50.
33. *Прохорова М.В.* Кибербуллинг в социальных сетях // Социокультурные корни насилия в современном обществе /Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2013. С. 151-158.
34. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Уроки социальной психологии /Пер. с англ. В.В.Румынского; под ред. Е.Н.Емельянова, В.С.Магуна. М.: Аспект Пресс. 1999. 429 с.
35. *Руланн Э.Г.* Как остановить травлю в школе: Психология моббинга. М.: Генезис, 2012. 264 с.
36. *Сидоров П.И.* Синдром моббинга: ментальная экология деструктивного профессиогенеза //Экология человека. 2013. № 6. С.33-40.
37. *Скавитин А.В.* Проблема притеснений на рабочих местах: по материалам зарубежных исследований // Менеджмент в России и за рубежом. 2004. № 5. С. 118-126.
38. *Собкин В.С., Смылова М.М.* Жертвы школьной травли: влияние социальных факторов //Труды по социологии образования. – М.: Ин-т социологии образования РАО. 2012. Т. 16. Вып. 28. С. 130-136.
39. *Соловьев А.В.* Моббинг: психологический террор на рабочем месте [Электронный ресурс] // Kadrovik.ru: электрон. журн. 2009. 21 сентября. URL: <http://www.kadrovik.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=10496> (Дата обращения: 20.06.2017).
40. *Чикер В. А., Почебут Л. Г.* Теоретические и методологические основы изучения моббинг-процессов в организациях [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 139-161. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document224.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).
41. *Чимбулатов И.* АУЕ – не детские игры сибирских детей: Новая криминальная субкультура захватывает российские школы [Электронный ресурс] //Четвертая власть. 2 июня 2017. URL: <http://www.4vsar.ru/articles/kolokol-rossii/90400.html/> (Дата обращения 19.08.2017).
42. *Чумичева Н. В.* Формы проявления и профилактика горизонтального моббинга в педагогическом коллективе высшей школы // Научный вестник ИЮМ. 2014. № 4. С. 88-92.
43. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ. 2016. 624 с.
44. *Шевко Н.Р., Исхаков И.И.* Особенности проявления кибербуллинга в социальных сетях //Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. Т.2. № 1 (3). С. 19-22.
45. *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. 147 p.
46. *Koshenova M.I.* Results of questioning «behaviour of school-aged children concerning health» in the city of novosibirsk in the context of interregional resear // Science today: from theory to practice Proceedings of the 7nd International Academic Conference «Innovation in Psychology, Pedagogy & Medicine», Mui ne (Vietnam), 27 April – 7 May, 2016 /Ed.: prof. E.V. Markova, prof. M.G. Chukhrova, prof. M.Milankov. Saint-Louis, Missouri, USA: Science and Innovation Center Publishing House, 2016. Pp. 50-51.

47. *Leymann H.* Mobbing: Psychoterror am Arbeitsplatz und wie man sich dagegen wehren kann. Hamburg: Rowohlt, 1993. 192 p.
48. *Leymann H., Niedl K.* Mobbing: Psychoterror am Arbeitsplatz. Ein Ratgeber fuer betroffene. Wien: Verlag des ÖGB, 1994. 132 p.
49. *Olweus D.* Bullying at School: What We Know what We Can Do. N.Y.: Blackwell, 1993. 140 p.
50. Webster's new encyclopedic dictionary. Encyclopedias and dictionaries. I. BD&L (Firm) AG5. W3853. 1992. Pp. 1788.

2.3. ХИРШЕМАНИЯ КАК ФОРМА АДДИКТИВНО-ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАУЧНЫХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Проблема человеческих зависимостей стара как мир и, соответственно, в историогенезе цивилизационных процессов общественного развития закономерно инициирует возрастание численности и вариативности видов не только естественных (абсолютных и относительных) зависимостей, но и патологических, центральным компонентом которых выступает их психическая форма. Психологическая зависимость, являясь неотъемлемым атрибутом современной реальности, ставит проблему феноменологии психологической аддикции в ряд наиболее актуальных и остро дискуссионных научно-практических проблем.

Примечательно, что, несмотря на всю остроту и распространенность явления психологической (психической) зависимости, в научном сообществе сегодня отсутствует его общепринятое определение. В то же время, ряд ученых сходятся во мнении, что «зависимость» (аддикция, англ. addiction – склонность, привычка) – это навязчивая, трудно регулируемая потребность человека в чем-либо, удовлетворение которой осуществляется вопреки возможным неблагоприятным последствиям (чаще всего медицинского, психологического или социального характера) [6; 7; 11; 24]. Состояние зависимости возникает в случае, когда человек, находящийся в ситуации стресса, ищет наиболее эмоционально комфортные и наименее энергозатратные для себя способы снятия напряжения. По мысли Л.Б.Шнейдер, любая форма психологической (психической) зависимости – есть «процесс маргинализации и рождения направленных необратимых деконструктивных изменений личности, разрушения и отмирания ее смысловых образований» [25, с. 66].

Традиционно считается, что состоянию зависимости менее всего подвержены эмоционально устойчивые и социально зрелые личности. Иными слова-

ми, к категории группы риска возникновения аддикций в большей мере относятся дети, подростки и юноши, личность и социальное развитие которых находится в стадии становления [15; 25]. Вместе с тем, в последние несколько десятилетий, называемых «эпохой постмодерна», фиксируется значительное увеличение доли конативных деструкций, маркеров неблагополучия и зависимостей (так называемые «голизмы» – от брит. «hole» [həʊl] – слабое место, пробел, дыра, изъян; знак неблагополучия, патологической зависимости от чего-либо) социально-психологического характера, возникающих у взрослых людей: ониомания или шопоголизм (непреодолимое желание что-либо покупать без необходимости, ради удовольствия самого процесса покупки), товарный фетишизм (патологическое коллекционирование и накопление предметов), геймерство (зависимость от компьютерных игр), нета- (интернет-зависимость) и вебоголизм (компьютерная зависимость, пристрастность к конкретным сайтам, социальным сетям), телефономания (зависимость от мобильного телефона), шоу-мания (зависимость от просмотра различных телевизионных шоу), трудоголизм (влечение к работе, вытесняющее все другие интересы и потребности человека), ургентная аддикция (зависимость от состояния постоянной нехватки времени), перфекционизм (мания совершенствования), прокрастинация (сознательное игнорирование выполнения конкретных важных дел) и др. [7; 8; 13; 15; 27]. Причем многие из этих аддикций являются профессионально детерминированными. К такого рода аддикциям, в частности, можно отнести, не достаточно рефлекслируемую научным сообществом и фактически не охарактеризованную в научной и справочной литературе, но реально существующую, – хиршиманию.

Ситуация расширения диапазона профессиональных аддикций в настоящее время становится чрезвычайно обостренной и в связи с тем, что интеграция России в мировое научное и образовательное сообщество привела к довольно противоречивым последствиям. Так, с одной стороны, фокус внимания сосредоточился на интенсификации разработки и внедрения информационных технологий, которые, в свою очередь, привели к тотальной реформации научно-образовательной сферы, тогда как, с другой, – доминанта на инновационной парадигме способствовала актуализации множества профессиональных дефектов, обусловленных вынужденностью функционировать в системе новых требований. В частности, Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», в соответствии с которым нормативно задан высокий удельный вес наукометрических показателей при формировании рейтингов университетов и мониторинге вузов,

включая ужесточение требований ВАК к составу диссертационных и экспертных советов. Данный документ, по сути, на официальном государственном уровне высветил проблему, которая активно обсуждалась в России в последние годы – проблему качества научно-образовательной деятельности (организации в целом, и каждого специалиста, в частности) и поиска релевантных критериев и способов его оценки.

Общепринятым и активно внедряемым в современном российском научном сообществе наукометрическим показателем научной продуктивности был принят индекс Хирша, используемый, в том числе, в рамках Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Проект стартовал в 2005 г., а официально и полнофункционально РИНЦ вступил в действие в 2010 г. Именно с этого периода данные публикационной активности авторов «нашли свое место в отчетных документах Минобрнауки, в рейтинговых и мониторинговых показателях, в грантовой деятельности» [5, с. 247].

За десятилетие (первые и единичные публикации датируются в отечественной базе цитирования 2007-2008 годами) в РИНЦ значимости h -критерия посвящено более 2600 публикаций (0,01 % от общего числа публикаций, расположенных в базе цитирования) (https://elibrary.ru/query_results.asp?pagenum=1), несмотря на то, что в мировом научном сообществе отношение к его информативности довольно противоречиво. Так, объективность показателя индекса Хирша, полагают ученые-математики Р. Адлер, Дж. Эвинг, П. Тейлор, члены объединенного комитета по «Количественной оценке исследований», «может быть иллюзорной. ... Использование только данных цитирований дает в лучшем случае неполное, а зачастую поверхностное понимание научного исследования. ... Даже эпизодические проверки h -индекса и его вариантов показывает, что все они являются наивной попыткой решить сложную проблему анализа списков цитирований. Они охватывают лишь небольшой объем информации о распределении цитирований ученого, упуская из внимания важнейшие данные, определяющие оценку научного исследования» [10, с. 7].

Возможно, что количественная сторона научной продуктивности, действительно информативна для рейтинга отечественных ученых как одна из вариативных форм оценки «признанности» исследователя в научно-образовательном сообществе, однако, она стала не только ключевым показателем качества, превратившегося в номинативно-формализованный параметр (в терминологии В.Васильева, ««симулякр», не позволяющий отличить подлинник от фейка» [23]), но, что самое прискорбное, и источником возникновения одной из разновидностей профессиональной зависимости – так называемой

мой «хиршемании» [9; 26]. На это неоднократно указывают зарубежные специалисты, отмечая, что «такие усовершенствования системы не покончат с одним ключевым аспектом тирании подотчетности – сверхзависимостью» [10, с. 50]. Поэтому, полагает Питер А. Лоуренс, «не должно удивлять, что попытки количественно определить качество научных публикаций привели ко многим поведенческим и политическим изменениям в мире науке» [10, с. 40].

Следует отметить, что термины «хиршемания» и «хиршефобия» появились сравнительно недавно и еще не стали полноправными понятиями в категориальном аппарате современной науки и практики.

С клинических позиций «мания» (греч. *mania* – страсть, влечение) трактуется как психическое состояние сосредоточенности сознания и чувства на какой-либо одной (навязчивой) идее, с резкими переходами от возбуждения к подавленности, с характерным нарушением целенаправленной деятельности. «Фобия» (от греч. *phobos* – страх) рассматривается как сильно выраженный, непреодолимый и неконтролируемый страх; устойчивое переживание чрезмерной тревоги в определённых ситуациях и/или в присутствии (ожидании) конкретного (известного) объекта, вида деятельности, ситуации [4; 6]. Соответственно, под «хиршеманией» допустимо понимать непреодолимое влечение, пристрастие к постоянной проверке персонального индекса цитирования. В свою очередь, «хиршефобию» можно рассматривать как устойчивое переживание чрезмерной тревоги, выраженное чувство страха по поводу недостаточной динамики персонального показателя критерия Хирша. Исходя из представленного содержания понятий (на уровне рабочей терминологии), очевидна принадлежность обозначенной симптоматики к аддиктивному поведению. Однако, в отличие от многих типов аддикций, эти категории на сегодняшний день существуют лишь на уровне метафоры, характеризующей, по мнению А.В.Юревича, «игру» отечественных ученых в научный статус [26]. Метафоричность наблюдается и в том, что в научном сленге существует оборот «Охота на оленя» (*Hirschjagd* нем. *Hirsch* – олень) представляющий собой «шуточное название процесса наращивания *индекса Хирша*» [24, с. 34]. Кроме того, авторы (А.В.Юревич, И.Я.Ерухимович, В.А.Васильев), использующие эти термины, не задают их определения, хотя, по сути, речь идет об одной из разновидностей аддикции. Причем по отношению к аддиктивному и девиантному поведению эти понятия не рассматриваются и не конкретизируются в системе социальных наук – ни в медицине, ни в психологии, ни в социологии, ни в научных направлениях, основанных на их интеграции (например, клиническая психология, социально-психологическая девиантология и др.).

Аддиктивное поведение в современной науке понимается как одна из форм деструктивного (разрушительного) поведения, характеризующаяся стремлением субъекта уйти от реальности путем изменения своего психического состояния либо приёмом каких-либо веществ, либо постоянной фиксацией внимания на определенных предметах или видах деятельности, сопровождающихся развитием интенсивных эмоций [13; 25].

Ц.П.Короленко и Т.А.Донских указывают на формирование аддиктивной установки как совокупности когнитивных, эмоциональных и поведенческих особенностей, вызывающих аддиктивное отношение к жизни [12]. Прибегая к формам аддиктивного поведения, субъект пытается искусственным путем изменить свое психическое состояние, что дает ему иллюзию безопасности, восстановления равновесия. Аддиктивные стратегии поведения, как правило, вызваны трудностями адаптации к проблемным жизненным ситуациям. Именно хроническая неудовлетворенность реальностью, полагает Л.Б.Шнейдер, приводит человека к бегству в мир иллюзий, вымыслов и, как следствие, замене реальных жизненных ценностей и ориентиров искусственными, виртуальными [25].

Можно предполагать, что автор публикации сначала вынужденно периодически, а затем с нарастающей частотой начинает тратить свои профессионально-личностные и временные ресурсы на проверку числовых показателей персональных «научных и/или методических достижений». Достижение высокого показателя индекса Хирша становится самоцелью, идеей фикс, стереотипом подчинения собственных интересов и устремлений значимости библиометрических методов, а не средством достижения реальной академической ценности своих научных трудов.

Очевидно, что Хирш-аддикция априори, «как и всякая аддикция, является бегством от реальности посредством изменения своего психического состояния» [27, с. 108], которое в данном случае достигается фиксацией на значимости h -критерия, использования разнообразных средств для его повышения и, главное, – это постоянное, доходящее до стереотипа на уровне поведенческого действия, его отслеживание в базе РИНЦ. «Хиршеман» становится зависимым от цифрового показателя своего индекса цитирования. По мысли В. Д. Менделевич, Л. Б. Шнейдер, М. И. Кошеновой и других исследователей *зависимость* является базовой характеристикой аддиктивной личности [15; 25; 27]. «Давление на таких людей со стороны социума оказывается достаточно интенсивным, аддиктивным личностям приходится подстраиваться под нормы общества, играть роль «своего среди чужих». Вследствие этого он научается формально исполнять те социальные роли, которые ему навязываются обществом. Внешняя социабельность, легкость налаживания контактов сопровожда-

ется манипулятивным поведением. ... Стремление говорить неправду, обманывать окружающих, а также обвинять других в собственных ошибках и промахах вытекают из структуры аддиктивной личности» [15, с. 80].

Нам импонирует позиция М. И. Кошеновой, исследующей явление трудоголизма, о том, что причины его возникновения предполагают включение как общих, свойственных всем видам аддикций, так и специфических, характерных только для этого вида, особенностей [27]. Мы полагаем, что категории трудоголизма и хиршемании относятся к единому разряду феноменологии профессиональных аддикций. Вероятно, Хирш-аддикту, как и другим аддиктам, свойственен симптомокомплекс, включающий «высокий уровень тревожности, неадекватную самооценку, деформированную или незрелую личностную идентичность и дисфункциональность в межличностных отношениях» [27, с. 108]. Кроме того, наблюдения дают основание полагать, что наибольшую склонность к Хирш-аддикции имеют субъекты, характеризующиеся выраженными чувством зависти к достижениям других, мотивацией власти и нарциссическими проявлениями. Объективность результатов наблюдения подтверждается содержательным наполнением обозначенных характеристик.

По А.Адлеру, многим аддиктам свойственно «стремление к превосходству над другими, [которое] конкретизируется как *власть* над другими, и эта проблема стоит перед каждым [из них] на переднем плане, отесняя все другие и оказывая влияние на [его] душевную жизнь» [1, с. 236]. Стремление к личной власти, полагал ученый, представляет собой одну из форм конкретизации стремления человека к совершенству, которое достигается путем «жесточкого торжества над более слабым». Жажда власти, считает он, – не насыщаемое влечение, соответственно, мотив власти представляет собой устойчивую (интегральную) личностную черту. Причем маркером аддиктивности выступает мотив лично ориентированной власти (в типологии Д. Мак-Клелланда), наличие которой не только приносит субъекту удовлетворение, но и предусматривает стремление ко всё большей концентрации власти в собственных руках. Такие люди используют самые разнообразные средства принуждения окружающих для получения и усиления контроля над ними. Межличностное доминирование для них самоцель, составляющая смысл их жизни. Причем, в ситуации, когда возникают разногласия между притязаниями на руководство и реальными возможностями власти, отмечает А.Адлер, возникает мотивационное напряжение и субъект стремится к увеличению уровня контроля и влияния на других [1].

Чувство зависти, как показало исследование К.Л.Лидина, связано с переживанием «интенсивной тревоги и страха (ужаса, паники), или же оно может принимать более опосредованные формы ситуативной тревоги в виде жадно-

сти, корыстолюбия, честолюбия, властолюбия и т.д. [14, с. 109-110]. Свойственный завистнику «расколотый Я-образ не позволяет личности адекватно оценивать себя и свои социальные успехи в сравнении с другими» [14, с. 110]. Его реакции на успехи других противоречивы – это либо «гнев и раздражение, желание разрушить чужие достижения, интерес и возбуждение, соперничество, высокомерие», либо «презрение и разочарование, униженность и обида» [14, с. 110]. Автор полагает, что «зависть изначально представляет собой болезненное, неадекватное объективной реальности состояние. Как и большинство сильнодействующих стимуляторов, зависть может быть необходимой, но никогда не перестанет быть опасной» [14, с. 111]. Еще большую опасность чувство зависти, на наш взгляд, приобретает в единстве с мотивом власти. Именно в этом сочетании оно наличествует у личности с выраженными нарциссическими характеристиками.

Для *нарциссического типа поведения*, как показано Ц.П.Короленко и Т.А.Донских, свойственно высокое самопредставление о собственном величии, повышенная чувствительность к оценкам других людей и постоянная потребность в чрезмерном восхищении со стороны окружающих и пр. [12]. Нарциссическим личностям так же свойственны тотальное чувство зависти и мотивация власти, стремление к расширению персонального влияния, поэтому они регулярно прибегают к манипулятивным стратегиям во взаимодействии с окружающими и имитационным способам реализации деятельности, включая профессиональную [12; 13; 17]. Очевидно, что зависимость от h-критерия деформирует деятельность хиршемана за счет актуализации механизма ее имитации.

Для «наращивания» персонального индекса цитирования Хирш-аддикт начинает применять разнообразные средства и способы (вплоть до профессионально неэтических). К наиболее распространенным, как показали наблюдения и рефлексия профессионального сообщества, можно отнести следующие:

1) увеличение числа персональных публикаций за счет:

– принудительного приписывания соавторства (чаще всего свою фамилию хиршеман ставит первой в перечне авторов, особенно в случае наличия у него административного статуса);

– подготовки работ способами: а) «*рекле*» (««режу и клею», от «копипейст», где «сору» – копировать; «paste» – клеивать, вставлять» [24, с. 33]), когда «новая» публикация состоит из фрагментов ранее опубликованных материалов, и не отличается особой новизной; б) *текстовой рециркуляции*, представляющей собой «повторение, повторное воспроизведение ранее опубликованных текстов, но с измененным названием» [24, с. 35]; в) «*слайсинга*» (от англ. «slice» – срезать, нарезать) – технология публикации, предполагающая,

что «одно проведенное исследование (один результат) «нарезается» на мелкие кусочки (на две-три-четыре публикации), каждый из которых описывается в отдельной статье для искусственного и техничного создания библиометрического эффекта при «сдвиге мотива на цель»» [24, с. 36].

2) интенсивное «библиосомоцитирование», когда автор в список литературы к своей «новой» статье включает несколько своих работ, или же вписывает в библиографические списки коллег, сотрудников (чаще всего с использованием формы «настоятельной рекомендации», а нередко и без их согласия, что бывает специфично для обладателей функции руководителя подразделения) свои работы, даже если они и не подходят по тематике, формируя, тем самым, персональный «гало-эффект» (от англ. «halo» – ореол, сияние и лат. «effectus» – действие, результат).

– использование разнообразных форм «научного мошенничества», основанного на преднамеренном обмане (например, фальсификация данных, искажение исходных сведений), совершаемом автором для получения незаслуженной либо незаконной выгоды (особенно в условиях функционирования «эффективного» контракта) [21; 24].

Соответственно, ни один из обозначенных способов не имеет непосредственного отношения к «качеству» цитируемой работы. Можно полагать, что искусственное увеличение Хирш-аддиктом своих библиометрических показателей исходит из стремления, прежде всего, искусственно культивировать образ собственного величия у коллег и окружающих. Причем в этой ситуации «самовозвеличивания» происходит наращивание чувства конкурентофобии (лат. сопсигеге «сталкиваться», «соперничать» + гр. phobos – страх), которое Л. Ф. Чупров рассматривает как «перманентное состояние в коллективах членов российских научных сообществ и преподавателей высшей школы, выражающееся в вытеснении из своей среды более способных коллег и специалистов, как несущих своим существованием нестабильность и напряженность для менее способных работников» [24, с. 33]. Любое устоявшееся сообщество, полагает автор, всячески стремится избавиться от сотрудников, проявляющих оригинальность, творчество и реальную, качественно «высокую результативность в основной работе и вольнодумство за пределами своей специальности» [24, с. 33]. По сути, подобная ситуация представляет собой ни что иное, как явление моббинга, распространенное в условиях социальной виктимности [2; 19]. Как отмечает К. Л. Лидин, с одной стороны, «мотивы соперничества, конкуренции, состязательности настолько необходимы современному обществу для его развития, что без них вряд ли можно представить себе успеш-

ный социальный организм» [14, с. 111], тогда как, с другой, – «социум, в котором знаменатель системы ценностей составляет материальное богатство или власть, поощряет развитие зависти» [14, с. 110], расширяя спектр форм внутреннего соперничества, особенно, когда руководитель имеет ярко выраженную склонность к Хирш-аддикции.

Учитывая, что значимость статистических показателей измерения «качества» научно-профессиональной деятельности инициирована «сверху», то библиометрическую зависимость допустимо рассматривать как одну из форм социальной виктимизации личности, а, соответственно, хиршеманию как разновидность виктимного (от англ. victim – жертва) поведения.

Виктимность, по мнению Л.В. Франка, это – повышенная склонность человека в силу его социальной роли и ряда психологических характеристик при определенных обстоятельствах становиться жертвой [22].

В современных условиях функционирования науки и образования «опубликование стало главной целью, потому что это – путь выживания ученого» [10, с. 40]. Наряду с этим, статистика стала своего рода фетишем. С точки зрения Дж. Беста, современная реальность такова, что статистическим показателям стал придаваться «магический смысл, как будто они что-то большее, чем просто числа. Мы относимся к ним как к образцу истины, как если бы они перерабатывали сложность и запутанность реальности в простоту и ясность» [10, с. 29]. Индексу цитирования, основанному на доминанте h-критерия при оценке эффективности научной и/или образовательной деятельности работника, стала в последние годы отводиться действительно основополагающая роль. Как полагает Питер А. Лоуренс, «в результате ученых стали вынуждать отойти от общепринятых целей научного исследования, заменив стремление совершать открытия на желание публиковать как можно больше статей, пытаюсь при этом помещать их непременно в журналах с высоким импакт-фактором. Как следствие, научная деятельность деформировалась, а полезность, качество и объективность статей ухудшились. Эта кардинальная смена приоритетов нанесла вред научной практике, трансформировала мотивацию исследователей [10, с. 39-40]. Вместе с тем, по мнению автора, «имеются и другие последствия использования численных измерений: поскольку такое использование поощряет агрессивное, стяжательское и эксплуататорское поведение» [10 с. 43]. По мысли Д. Арнольд и К. Фаулер, на индекс Хирша влияет закон Гудхарта, указывающий, что «когда достижение некоторого показателя становится целью, он перестает быть хорошим показателем» [10, с. 52], что закономерно «порождает стимул для манипулирования данным показателем. ... Эта плачевная ситуация

имеет огромные последствия. Неверным способом назначаются награды, научная литература и предметные области деформируются» [10, с. 61], но, главное, современный исследователь становится жертвой наукометрических показателей. В этом аспекте нам представляется, что Хирш-аддикция в современных условиях имеет ярко выраженную тенденцию к «групповой» форме виктимности, которой становятся подвержены многие российские ученые. Причем риск тотальной Хирш-виктимизации научно-образовательных кадров, исходя из инициации «сверху» наукометрических методов, ставших частью официальных документов, влияющих на научную деятельность, довольно высок, на что указывает заданная в научной литературе типология, подразделяющая виктимность на *общую* (зависящую от пола, возраста, рода занятий, социального статуса и т.д.) и *специальную* (зависящую от индивидуально-личностной специфики субъекта, особенностей его эмоционально-волевой устойчивости и пр.). Как показывает ряд исследований, при наложении этих двух видов виктимности её уровень значительно возрастает [2; 19].

Опираясь на типологические модели виктимного поведения, предложенные О. О. Андрониковой [2], мы предполагаем, что в ситуации вынужденной необходимости подчинения значимости h -критерия, авторы могут проявлять следующие поведенческие стратегии:

- *Некритичного виктимного поведения*, предполагающего неспособность адекватно оценивать библиометрические ситуации. Некритичность может проявиться как у лиц, обладающих негативными личностными чертами (алчность, корыстолюбие и др.), так и положительными (ответственность, отзывчивость и др.). Самореализация автора в этом случае будет значительно затруднена (так как достижение и самореализация – не одно и то же), что может приводить к неудовлетворенности своими достижениями, чувству досады, зависти.

- *Пассивного виктимного поведения*, характеризующегося неспособностью оказывать сопротивление в силу разнообразных причин: возраста, неустойчивого профессионального, должностного и/или научного статуса, из-за боязни ответственности за собственные действия, и т.д. Субъекты, иницирующие такую поведенческую позицию, не стремятся что-либо делать самостоятельно, перекладывая ответственность на других (коллег, руководителей). Им свойственны нерешительность, конформизм, высокая суггестивность, уступчивость, повышенная потребность в сочувствии и поддержке со стороны окружающих, склонность к зависимому поведению.

- *Агрессивного виктимного поведения*, для которого свойственна склонность к нарушению научно-исследовательских норм, правил и этических цен-

ностей, которыми субъект профессиональной деятельности зачастую пренебрегает, но делает это опосредовано с использованием различных манипулятивных средств. Такие авторы (исследователи) легко поддаются негативным эмоциям (страх, зависть, гнев), они доминантны, нетерпеливы, вспыльчивы, корыстны. Преодоление «жертвенной» позиции они стремятся осуществлять с помощью искусственного повышения персональных библиометрических показателей. Отметим, что, по мнению О.О.Андронниковой, с учетом мотивационной и поведенческой характеристик субъекта агрессивный тип виктимного поведения может проявляться в ряде подтипов: корыстный, скандалист, негативный мститель, клинический (субъект с выраженной симптоматикой психического заболевания) и т.д.

- *Активного виктимного поведения*, характеризующегося наличием у субъекта склонности к риску, необдуманным действиям, последствия которых он может не осознавать или не придавать им значения, надеясь, что все обойдется. С учетом особенностей поведения и отношения к виктимным последствиям, а так же специфики статусного положения автора и условий для реализации его публикационной активности, эта стратегия поведения может преобразовываться либо в агрессивный, либо в самодеструктивный тип, когда субъект умышленно стремится не повышать свои библиометрические показатели, в том числе, и в целях удовлетворения потребности во внимании и сочувствии со стороны окружающих, как это типично для пассивной стратегии виктимного поведения.

- *Инициативного виктимного поведения*, рассматриваемого как социально одобряемого и зачастую ожидаемого. По сути, этот тип виктимного поведения потенциально имеется в любом виде профессиональной деятельности, когда, выполняя функциональные обязанности, субъект труда, так или иначе, вынужден чем-либо жертвовать во имя дела, долга (временем, личностными ресурсами и пр.). Кроме того, по мнению С. Милграма, в каждом человеке глубоко укоренилось сознание необходимости повиновения, подчинения авторитетам, прежде всего, формальным (министерским документам и рекомендациям, административным решениям, руководителю организации или подразделения и пр.), что и приводит к неспособности и/или неготовности многих работников открыто противостоять «начальнику» [16]. Поэтому в случае острых противоречий (каковыми и выступают двойные стандарты качества научно-исследовательской деятельности и способы ее оценки) субъект (автор, ученый) стремится оптимизировать наиболее адаптивные механизмы реализации профессионального функционала. Например, в ситуации обязательств по долж-

ностному положению или ожиданий окружающих он может демонстрировать положительное поведение, с определенной долей условности принимая иницируемые «сверху правила игры» об информативности наукометрических показателей, продолжая свою исследовательскую работу и представление профессиональному сообществу её результатов в соответствии с интернализированной культурой научной деятельности и традициями научной школы [18].

О.О. Андроникова полагает, что лица, склонные к инициативной стратегии виктимного поведения, считают недопустимым уклонение от вмешательства в конфликт, даже если это может стоить им здоровья или карьеры. Последствия таких поступков не всегда осознаются ими. Они обладают определенной смелостью, решительностью, принципиальностью, требовательностью, прежде всего, к себе, готовностью к риску, нетерпимостью к поступкам, противоречащим профессионально-этическим нормам. Их поведение имеет положительные мотивы просоциального характера [2]. Причем именно положительное поведение зачастую и оказывается в фокусе внимания действий агрессора.

Заметим, так как феноменология виктимизации профессорско-преподавательского состава пока не исследована и навряд ли будет предметом эмпирического изучения в ближайшие годы, то рассматриваемые стратегии виктимного поведения носят чисто гипотетический характер.

В целом «хиршеманию» в социально-психологическом контексте можно рассматривать как разновидность информационной зависимости, реализуемой в форме аддиктивно-виктимного поведения. С позиции же медицинской психологии Хирш-аддикция в самое ближайшее время станет объектом пристального внимания клиницистов. Как справедливо отмечает Питер А. Лоуренс, «растущее использование h-индекса, который пытается дать количественное выражение сразу и производительности, и влияния ученого – приведет к зависимости от цитирования и к одержимости им» [10, с. 42], что сегодня наблюдается со всей очевидностью. Нам видится, что имидж российской науки и образования, конечно же, важен, но не менее значимы и последствия, к которым приводят, подобные установки. По мнению А.Ш. Тхостова, «самоценность науки позволяет оторваться от унижающей реальности, но в пределе она может обернуться эскейпизмом. В этом случае конкретная научная деятельность приобретает опасное сходство с графоманией или коллекционированием марок» [19, с. 4]. Поэтому, полагают исследователи наукометрических технологий, «не должно удивлять, что попытки количественно определить качество научных публикаций привели ко многим поведенческим и политическим изменениям в мире науки» [10, с. 40], профессионально-личностным деформациям, включая

их аддиктивно-виктимные формы. Преподаватели вузов и научные работники, поставленные в позицию жертвы и зависимости от формализованных инновационно-информационных технологий [3], по сути, становятся заложниками государственно детерминированных аддикций, к числу которых сегодня с полным основанием можно отнести «хиршеманию» и «хиршефобию».

Список литературы

1. Адлер А. Мотив власти //Наука жить /Пер. с нем. А.А. Юдина. Киев: Port-Royal, 1997. С. 235-241.
2. Андронникова О.О. Формирование зависимого поведения как результата реализации виктимного потенциала личности. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2015. 239 с.
3. Белобрыкина О.А. Понятийный дискурс: семантический экскурс по словарям и психолого-педагогическим текстам // Филология и культура. 2014. № 2 (35). С. 302-312.
4. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов /Под ред. канд. мед. наук С. Н. Бокова. В 2-х т. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
5. Болотов В.А., Квелидзе-Кузнецова Н.Н., Лаптев В.В., Морозова С.А. Индекс Хирша в Российском индексе научного цитирования //Вопросы образования. 2014, № 1. С. 241-262.
6. Большой психологический словарь /Сост. и общ. ред. Б.Г.Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 672 с.
7. Волохова В.И., Солоницына М.А. Эмпирическое исследование взаимосвязи ургентной аддикции и переживания одиночества //Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты: сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Пермь: Центр социально-экономических исследований, 2016. С. 121-126.
8. Гарифуллин Р. Р. Основы постмодернистской психологии. Казань: ИПК «Бриг», 2015. 196 с.
9. Ерухимович И.Я. Хиршефобия и пророк Валаам: как работает наукометрия [Электронный ресурс] //Индикатор: Технические науки. URL: <https://indicator.ru/article/2016/10/18/hirshfobiya-i-prorok-valaam-i-vvedenie/> (дата обращения: 01.07.2017)
10. Игра в цыфирь, или как теперь оценивают труд учёного (сборник статей о библиометрике). М.: МЦНМО, 2011. 72 с.
11. Конструирование девиантности /под ред. Я.И.Гилинского. СПб.: ДЕАН, 2011. 224 с.
12. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск: Наука, 1990. 224 с
13. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Номо Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире: Монография. Новосибирск: НГПУ, 2009. 248 с.
14. Лидин К.Л. Психосемантическое исследование зависти // Развитие человека в современном мире: материалы всероссийской научно-практической конференции /Под науч. ред. О.А.Белобрыкиной, О.А.Шамшиковой. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. С. 102-111.

15. *Менделевич В.Д.* Психология девиантного поведения. Учебное пособие. СПб.: Речь, 2005. 445 с.
16. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2001. 336 с.
17. *Нестерова С.Б.* Эмпирические значения нарциссизма в норме и патологии //Теоретические и прикладные проблемы клинической психологии: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (24-25 ноября 2011 г.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. С. 41-45.
18. *Петровский А.В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998. 528 с.
19. *Руденский Е.В., Руденская Ю.Е.* Дефект социализации личности как базовая категория педагогики критического конструктивизма: введение в социально-генетическую виктимологию. Новосибирск: НГПУ, 2012. 252 с.
20. *Тхостов А.Ш.* Зачем нужна наука [Электронный ресурс] //Инновационный центр «Гуманитарные Технологии»: HT-Line: ЭСПП (экспертное сообщество): Форум. URL: <http://forum.ht-line.ru/threads/net-slov.2114/> (дата обращения: 09.07.2017)
21. *Фрадков А.* Этика и РИНЦ [Электронный ресурс] //Троицкий вариант (03 ноября 2015 г.). URL: <http://trv-science.ru/2015/11/03/etika-i-risc/> (дата обращения: 30.06.2017)
22. *Франк Л.В.* Виктимология и виктимность. Душанбе: ОАО «Кафкак», 1972. 577 с.
23. Хиршемания и хиршефобия: Беседа Н.Деминой с академиком РАН, президентом Московского математического общества Виктором Васильевым [Электронный ресурс] //Троицкий вариант (06.12.2016). URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=ab0bf0d0-c22d-4504-a63a-db3d6614faf8&print=1> (дата обращения: 17.06.2017)
24. *Чупров Л.Ф.* Словарь научного сленга // Наука. Мысль. 2016. № 4. С. 31-38.
25. *Шнейдер Л.Б.* Психология подростковой девиантности и аддиктивности: Учебно-методическое пособие. М.: МПСУ, 2016. 300 с.
26. *Юревич А.В.* «Хиршемания» [Электронный ресурс] //Институт психологии РАН. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/novosti/rus_news1/n8194.html (дата обращения: 11.06.2017).
27. *Koshenova M.I.* Workaholic: perfect, awful or doesn't matter? //Psychological science and practice: State of the Art. Collected papers / Ed. Kostargin A.A. Chicago, 2017. Pp. 107-112.

РАЗДЕЛ 3

СИТУАТИВНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

3.1. ОБРАЗ МИГРАНТА В СОЗНАНИИ МОСКВИЧЕЙ⁷

Исследования ряда последних лет доказывают проявления признаков нарастания «мигрантофобии» у населения России, особенно, по отношению к выходцам из Средней Азии и Кавказа [3]. В России зарегистрировано около семи с половиной тысяч сайтов с экстремистским, националистическим и ксенофобским содержанием. В итоге усиливаются взаимное социальное отторжение и замкнутость, не формируются практики партнерства, осложняется адаптация приезжих. Не последнюю роль в этих процессах играют механизмы социальной перцепции, участвующие в формировании межгрупповых отношений [1; 5]. Известно, что возможные искажения реального положения вещей, зачастую заключаются в усугублении проблем реально существующей ситуации. В частности, было установлено, что жители немусульманских стран склонны завышать реальную долю мусульманского населения и темпы его роста (максимальный разрыв между статистическими данными и оценками коренных жителей во Франции и ЮАР). Страх, связанный с завышением числа мигрировавших мусульман, по мысли авторов исследования, во многом спровоцирован прессой. Перцептивное искажение связано с тем, что негативная информация воспринимается людьми как более яркая, чем позитивная [8].

Оценивая роль российских СМИ в провоцировании межэтнических страхов, исследователи отмечают, что образ мигранта транслируется СМИ, как правило, в двух вариантах: негативный образ, доминирующий в публикациях несет с собой указанные выше проблемы и нейтральный образ – образ человека, борющегося за выживание и пытающегося справиться с направленными против него отвержением и агрессией [7]. При этом не без оснований предполагается, что содержание таких публикаций воздействует на характер восприятия мигрантов коренным населением. Многие авторы склоняются к выводу, что дезинтеграционные процессы в российском обществе преобладают в настоящее время над интеграционными в сфере межкультурных отношений [3]. По мнению Л.Д. Гудкова, природа этнических фобий или неприязни к мигрантам

⁷ Работа выполнена в соответствии с Госзаданием ФАНО РФ № 0159-2016-0008

представляет собой защитную архаическую реакцию на реальные или воображаемые угрозы в ситуациях, когда у населения, по его мнению, ограничены ресурсы выживания или возможности сохранения своих позиций или интересов [2]. Нельзя не согласиться и с А.О. Карповым в том, что в человеческой психике укоренено коллективное чувство этностраха, тесно связанное с инстинктом самосохранения и рождающее этноотвержение [6].

Существующие в научной литературе данные выглядят достаточно противоречиво. С одной стороны, налицо общественная атмосфера «мигрантофобии», подогреваемая СМИ, с другой, тенденция к усилению толерантности, выражающаяся в том, что по данным Л.М. Дробижевой «представления большинства москвичей укладываются в трактовку понятия «межнациональное согласие», содержащуюся в Стратегии государственной национальной политики» [4, с. 83]. Противоречивы и данные опросов, исходя из которых, «около 70% русских москвичей согласны иметь коллег и соседей другой, отличной от их собственной, национальности», однако «к смешанным бракам готовы не более 37%» [4, с. 84]. Подобные разночтения и несогласования рожают вопросы: являются ли представления о мигрантах у коренного населения одномерными? Нет ли внутреннего конфликта в конструировании образа «чужого»? Не обусловлен ли итог такой социально-перцептивной работы с ментальной раздвоенностью в сознании людей, связанной с одновременным действием разных социально-психологических механизмов?

Ввиду таким образом понимаемой научной проблемы в рамках проведенного исследования ставилась цель выявить разные аспекты образа мигранта, конструируемого представителями трех групп жителей Москвы, принадлежащих к трем возрастным когортам: молодые люди и девушки 18-22 лет, работающие взрослые 25-54 года и неработающие пенсионеры 55-81 год по 35 человек в каждой группе (всего 105 человек) с практически одинаковым количеством мужчин и женщин.

Вначале проводился ориентировочный этап исследования, который заключался в написании респондентами краткого сочинения. Впоследствии оно подвергалось контент-анализу. Респонденты должны были письменно обрисовать образ мигранта в целом. Затем респонденты заполняли блок методик, в который входили шкалы, сконструированные по итогам сочинений, для выявления содержания образа мигранта. Кроме того, блок методик содержал методику «Психологическая дистанция» Д.Фелдеса, методику «Баблз» и ряд вопросов для определения социально-демографических характеристик респондентов. Данные обрабатывались с помощью SPSS 17. Была произведена проверка на нормальность распределения.

Предполагалось, что в сознании респондентов существуют как социально желательные, транслируемые на рациональном уровне (эксплицитные), так и скрытые, не вполне отрефлексированные (имплицитные) элементы образа мигранта. Такие сложные, социально детерминированные образы, конструируются людьми под воздействием ряда внешних и внутренних условий жизнедеятельности социальных групп, представителями которых являются респонденты. В нашем исследовании мы сфокусировали внимание на социально-психологическом факторе (степень психологической дистанцированности от социальной группы мигрантов) и социально-демографических (возраст, пол, тип занятости) факторах социально-перцептивных процессов.

По итогам поискового этапа (результатов контент-анализа сочинений) были созданы шкалы, с помощью которых выделялись наиболее высоко оцениваемые респондентами утверждения о характеристиках мигрантов. Полученные результаты показывают, что образ мигранта в трех возрастных группах имеет общие черты. Общие (с высокой степенью согласия) для всех респондентов утверждения сводятся к тому, что у мигрантов есть большие трудности с русским языком, их манера общения сильно отличается от привычной москвичам манеры и характеризуется ярко выраженным культурным своеобразием. Между возрастными группами респондентов выявились небольшие отличия, касающиеся степени критицизма в суждениях относительно мигрантов. Наиболее толерантной оказалась группа молодежи. Другими словами, при прямом оценивании все респонденты в той или иной степени проявили благожелательность и дружелюбие в отношении мигрантов, акцентируя внимание на культурном своеобразии и языковых трудностях приезжих.

Анализ результатов шкалирования в зависимости от пола респондентов показал, что высокие оценки и у мужчин, и у женщин получили утверждения, касающиеся азиатского происхождения большинства мигрантов, языкового барьера в общении с ними, порой отсутствия легальных оснований для проживания в Москве и желания трудоустроиться для заработка. При этом женщины чаще отмечали культурное своеобразие и иное воспитание мигрантов, вынужденный характер их миграции из-за материальных проблем на родине и трудолюбие.

Уточнить эмоциональную составляющую образа мигранта позволил тест на психологическую дистанцию (шкала Д. Фелдеса), с ее помощью удалось обнаружить различия между группами по степени эмоциональной отстраненности в отношении мигрантов. Прежде всего сравнивались три возрастные группы

респондентов. Затем аналогичный прием осуществлялся посредством группирования респондентов согласно уровню дохода и полу. Дистанция в отношении мигрантов различалась в группах молодежи и пенсионеров (значимые различия доказаны через применение критерия Манна-Уитни). У молодежи она оказалась наименьшей из всех групп (5,32), у неработающих пенсионеров – максимальной (6,25), работающие взрослые занимают среднюю позицию (6,1). Между группами работающих и пенсионеров значимых различий не обнаружено. При группировании выборки по признаку пола оказалось, что у женщин психологическая дистанция в отношении мигранта меньше.

Результаты двух представленных методик раскрывали эксплицитное содержание образа мигранта, т.е. хорошо контролируемые респондентами в дискурсе суждения и оценки, имеющие, во многом, характер социально желательных, социально одобряемых. Современная этика диктует респондентам норму терпимого, благожелательного отношения к людям других национальностей и респонденты стремятся ее соблюдать, в том числе, и в ответах на вопросы. При сравнении возрастных групп обнаружилось, что младшее поколение более последовательно стремится соблюдать нормы межэтнических отношений, принятые в России и в развитых странах.

Однако мы предполагали, что в конструируемом образе содержатся не только внешние, заданные социальной нормой, элементы. Возможно, образ более многогранен и содержит некие имплицитные элементы, которые могут обнаруживаться через проективные техники. С этой целью мы применили методику «Баблз», которая, хотя и предполагает речевые высказывания, но, в то же время, допускает более «стереоскопическое» видение предмета и базируется на механизме социальной атрибуции.

Для проведения исследования респондентов просили на отдельном листе бумаги со схематическим изображением человека и «пузырями» ответить на открытые вопросы о том, что мигрант говорит, думает и делает. Ответы респондентов обрабатывались методом тематического контент-анализа. В блоке ответов на первый вопрос «О чем говорят мигранты?» были выделены категории, общие для всех групп, всего их оказалось восемь. Был создан рейтинг категорий, в котором с большим отрывом на первом месте оказалась категория «говорят на своем языке», за ней – «говорят со своими земляками», затем – «мало говорит», за ней – «негативные высказывания в адрес общества» и «говорит о работе». В группе неработающих пенсионеров чаще, чем в других группах обнаруживается категория «работа». В то время, как категория «негатив в адрес общества» чаще встречается в группах студенческой молодежи и работающих взрослых.

Были обнаружены различия между группами в доле встречающихся категорий. В молодежной группе самыми распространенными были категории: «говорит на своем языке» (34,5%), «проявляет негатив в адрес общества» (9,1%). Наиболее распространенными категориями у работающих взрослых были следующие: «говорит на своем языке» (32%), «мало говорит» (10%), «жалуется на судьбу» (10%). У неработающих пенсионеров самыми частыми стали категории: «говорит на своем языке» (41,5%), «говорит о работе» (17,1%), «мало говорит» (9,8%). Можно заметить, что помимо акцентирования внимания на непонятности речи (во всех группах), именно молодежной группой мигрантам атрибутируется негативный дискурс по отношению к принимающему обществу (в опросе молодежь больше других групп придерживалась социальной нормы).

Второй ряд ответов в методике был получен на вопрос «О чем думают мигранты?». Общей и самой распространенной в трех группах респондентов оказалась категория «работа». Другие категории «негатив в адрес общества», «жалобы на жизнь», «о помощи семье», «о доме, родине» и др. представлены несколько меньше. Примечательно, что приписывание мигрантам неприязненных мыслей в адрес принимающего общества характерно для всех опрошенных групп респондентов. Наиболее выражена эта тенденция у молодежной и взрослой групп. Интересно, что в группе работающих взрослых категория «отлынивать» была более выраженной, чем в других группах, по-видимому, из-за того, что эта группа респондентов ближе всего по характеру занятости к трудовому процессу. Если говорить о возрастной динамике атрибутивной логики, категории «помощь семье» и «дом, родина» с возрастом становятся менее выраженными.

В блоке ответов на третий вопрос «Что делает мигрант?» были выделены четыре категории, общие для всех трех возрастных групп: «работает», «совершает преступления», «отлынивает от работы» и «отдыхает». Категория «работает» снова оказалась преобладающей во всех группах. Доля этой категории имеет тенденцию к возрастанию с увеличением возраста респондентов: наименьшая доля у молодежи (36,8%) и наибольшая у пенсионеров (70,5%). Категория «совершает преступления» чаще встречается у работающих взрослых и молодежи, категория «отлынивает от работы» больше всего представлена у неработающих пенсионеров. Эти четыре категории (две из которых представляют собой негативный тип атрибуции) распространены во всех трех возрастных группах.

При группировании респондентов по признаку пола обнаружилось, что у мужчин количество негативно окрашенных категорий почти в два раза выше, чем у женщин. Это объясняется, по-видимому, присущей женщинам тенденции

проявлять большую жалость, сочувствие. Так категории «жалобы на судьбу» и «положительные действия, в адрес общества» встречаются у них чаще. Категории ответов, относящихся к помощи семье, родному дому, также встречается у женщин в два раза чаще, чем у мужчин. Эти данные согласуются с различиями в величине психологической дистанции у мужчин и женщин.

Анализируя результаты исследования, можно видеть, что типичный мигрант в представлении наших респондентов – это преимущественно выходец из стран Средней Азии, приехавший на заработки в Россию. Характерно, что именно этот национальный типаж является преобладающим, затмевая собой выходцев с Украины, Молдовы, Кавказа. В явно выраженных элементах его образа (по данным опроса) отчетливо представлены внешние признаки этого человека: плохое владение русским языком, сильно отличающаяся от привычной москвичам манера общения, ярко выраженное культурное своеобразие. Наряду с этими, в целом, нейтральными характеристиками у респондентов присутствует подозрение, что многие мигранты не имеют регистрации в России, т.е. находятся в Москве нелегально. Атмосферу настороженности усугубляет политика СМИ, которые постоянно поднимают проблему борьбы с нелегальной миграцией. Нужно заметить при этом, что негативно окрашенные элементы образа практически не представлены в общей массе оценок респондентов. По результатам опроса образ мигранта эмоционально нейтрален, но имеет семантические признаки «чужого», «иногo» в национальном и культурном аспектах, а в правовом отношении, возможно, небезупречного.

Элементы, находящиеся на поверхности образа, составляющие его эксплицитный уровень, свидетельствуют о внешне доброжелательном отношении наших респондентов-москвичей к мигрантам. Однако выявленные при помощи проективной методики данные, несколько корректируют этот взвешенный и нейтральный образ элементами скрытой враждебности. Всеми возрастными группами опрошенных респондентов мигранту атрибутируются и недоброжелательное отношение к принимающему их обществу, и склонность к преступному поведению, и отлынивание от работы и проч. неблагоприятные черты. Полученные результаты свидетельствуют, разумеется, не о неискренности наших респондентов, а о многослойности феноменов социальной перцепции. Они отчасти объясняют те расхождения в результатах социологических исследований и противоречия в трактовках отношения местного населения к мигрантам. Архаичная оппозиция «мы» и «они» существует в любом обществе и в разные исторические времена.

Для улучшения характеристик морально-психологического состояния общества, для повышения степени его психологической интегрированности необ-

ходимо знать и учитывать в практической работе эти закономерности социального познания в сфере межнациональных отношений. В программах адаптации мигрантов имеет смысл принимать во внимание существующие у населения элементы образа мигранта, вызывающие наибольшую враждебность: плохое владение русским языком, незнание этикета и культурных традиций российского общества, нарушение общественного порядка. В политике СМИ должен учитываться уровень скрытой психологической напряженности в обществе, и необходимость давать более взвешенные оценки в материалах, касающихся проблем присутствия мигрантов в российском обществе.

Список литературы

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005. 303 с.
2. *Гудков Л.Д.* Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения. 2005. № 6 (80). С. 60-77.
3. *Дмитриев А.В., Пядухов Г.А.* Мигранты и социум: интеграционный и дезинтеграционный потенциал // СОЦИС. 2011. № 12. С. 50-60.
4. *Дробижева Л.М.* Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80-90.
5. *Емельянова Т.П.* Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 476 с.
6. *Карпов А.О.* Диссонансная толерантность как альтернатива позитивной толерантности мультикультурализма // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 152-157.
7. *Скребцова Т.Г.* Образ мигранта в современных российских СМИ [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 3 (23). URL:<http://www.philology.ru/linguistics2/skrebtsova-07.htm> (Дата обращения: 16.07.2017).
8. *Gimpelson V., Treisman D.* Misperceiving inequality // Working Papers. MA: National Bureau of Economic Research. 2015. Pp. 1-41.

3.2. ДЕФИЦИТАРНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ПРЕДИКТОР ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Численность правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних – достаточно надежный индикатор эффективности/неэффективности процесса социализации, осуществляемого всеми его агентами (не только семьей и школой, но и всеми органами и службами, которым вменена ответственность сопровождения процесса становления личности). Подростковая преступность по данным Федеральной службы государственной статистики по-прежнему занимает значительное место в структуре всех преступлений. Кроме того, с 2009 года фиксируется неуклонный рост числа преступлений, совершаемых под-

ростками в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Даже снижение численности населения в возрасте 15-17 лет, наиболее опасном, с точки зрения формирования криминогенности [7], не приводит ни исследователей, ни специалистов, работающих с несовершеннолетними «групп риска», к оптимистичным оценкам и прогнозам в сфере подростковой преступности.

В связи с этим закономерен интерес исследователей, представляющих различные науки, к причинам формирования девиантного и делинквентного поведения, так как без понимания детерминант и логики формирования асоциальной личности и деструктивного поведения невозможно выстроить эффективные профилактические программы или создать адекватные условия для ресоциализации. Статистика неумолимо свидетельствует, что несовершеннолетними (или при их участии) совершено каждое десятое преступление [6], среди подростков преступность в 15 раз выше, чем среди взрослых [7], а, следовательно, именно подростки должны быть в фокусе особого внимания, когда речь идет о безопасности населения (напомним, что безопасность считается одним из важнейших показателей качества жизни). Анализ научного контента показывает, что социологи, психологи, педагоги, представители системы МВД и пенитенциарной системы находятся в активном поиске в надежде обнаружить дифференцирующий «корень зла» девиаций и выстроить адекватную модель предупреждения делинквентного поведения и исправления подростков, уже совершивших преступления.

За последние годы появились качественные аналитические обзоры по российским и зарубежным исследованиям причин делинквентности подростков [5; 11; 19], что, безусловно, важно для понимания, как самого феномена, так и осмысления возможностей профилактики и коррекции. Всплеск преступности в России, в том числе и подростковой, в 2015 году вызвал достаточно большое количество работ, которые констатировали, что ключевой триггер девиаций – это экономическая ситуация и резкое социальное расслоение [6; 7]. Во все времена достаточно много внимания уделялось и уделяется изучению роли семьи в процессах отчуждения и провокативного влияния на асоциальные формы поведения подростка. И у теоретиков, и особенно у практиков (в профессиональные обязанности которых входит профилактика девиаций или ресоциализация делинквентов) весьма популярна идея биологической предопределенности и психопатологической обусловленности девиаций любого рода.

Тем не менее, М.Е. Гурьев, ссылаясь на данные М.А.Ковальчук, И.Ю.Тархановой, утверждает, что среди подростков, совершивших преступления, не более 10-15 % с преобладающей антисоциальной направленностью

личности [7]. Это означает, что большая часть подростков-делинквентов, становятся «случайными участниками преступлений», а дальше, в соответствии с хорошо известными законами стигматизации (Е.Гофман, Г. Фигдор), реализуют программу «преступника-рецидивиста». В связи с пониманием роли периода повышенной доли «провокационного поведения» в формировании девиаций, отсутствием установки в стиле Ломброзо о фатальной предопределенности преступной личности, неуклонно прирастает число исследований, содержащих эмпирическую фактологию, цель которых – обнаружить психологическую (-ие) компоненту(-ы) – «слабое звено», обуславливающее определение маргинального вектора развития.

Так, в качестве «проблемных зон» В. В. Московченко изучает фактор принятия решений [17], В.Е. Купченко, О.В. Ратанина – особенности самоконтроля, импульсивности, агрессивности и эмпатии [14], Л.А.Рассудова – уровень развития рефлексивности [19], Н. В. Цветкова – плохо развитую способность к прогнозированию и недостаточную самоорганизацию времени жизни и смысловой регуляции своих отношений с окружающими [29], М. Л. Мельникова – особенности самоосознания и активизации ресурса самопознания [15], Е.А. Белобрыкина, О. А. Белобрыкина – особенности самоотношения и волевой регуляции [2] девиантных подростков (в данном случае девиантность рассматривается как более широкое понятие, включающее разные отклонения).

Предпринимаются попытки изучения роли качественных характеристик эмоционального и социального интеллекта подростков в формировании отклоняющегося и противоправного поведения.

Так, О.А.Белобрыкина, Р.А.Лимонченко, изучившие особенности эмоциональной сферы подростков, состоящих на учёте ПДН, выявили, что им свойственны сниженная способность к эмпатии и алекситимия [3]; А.В. Дегтярёв, сопоставивший диагностические данные подростков с девиантным статусом (учащихся специализированной школы для девиантных подростков) с данными их социально нормативных сверстников, пришёл к выводу о том, что все данные эмоционального интеллекта статистически ниже именно у девиантных подростков [8].

Таким образом, представленные исследования достаточно убедительно показывают, что способность идентифицировать собственные эмоции и эмоции окружающих и использовать эту информацию для принятия социально адекватных решений, или эмоциональный интеллект [4], может считаться достаточно прогностичным фактором социальной адаптированности подростков или,

наоборот, склонности к нарушению социальных норм (девиантности). Мы полагаем, что специфическая «эмоциональная глухота» очевидно затрудняет процесс социализации, приводит к своеобразной блокировке сопереживания, стыда, вины, и в конечном счёте – просоциального поведения.

При всём том, что дефицитарное эмоциональное развитие часто является следствием первичных этапов социализации [20], исследователи и практики нередко позиционируют эмоциональную дефицитарность как проблему медицинского характера. Яркий пример такого подхода – работа А.Н. Корнетовой, Н.И. Прядухиной, С.А. Моревой, Е.П. Ереминой, Н.И. Головаха, А.В. Силаевой, В.Б. Обуховской «Клиническое значение сниженных показателей эмоционального интеллекта учащихся средней общеобразовательной школы» [12]. Само название статьи представляется не вполне корректным. Словосочетание «клиническое значение» фактически во всех словарях обозначено как «значение, требующее медицинского воздействия, серьёзного лечения». Объективно в статье речь идет о дефицитарном развитии социального интеллекта, недостаточность которого, по экспертным оценкам и результатам, полученным в ходе психодиагностики, коррелирует с неконструктивным копингом, девиантным и делинквентным поведением, что требует не медицинского лечения, а адекватного психологического сопровождения и педагогического воздействия.

Любопытно отметить, что авторы исследования, пусть и с небезупречной методологией, по сути, пытаются «нащупать» некое интегральное образование, определяющее склонность к девиантному поведению детей школьного возраста. Именно этим, на наш взгляд, обусловлено «подтягивание» в психодиагностический блок стратегии совладающего поведения, скорее, как индикатора социальной компетентности, а не признака девиантности.

К такому интегральному образованию, «запускающему» процессы дезадаптации и девиантности неконструктивного типа может быть отнесен, на наш взгляд, социальный интеллект. Под социальным интеллектом в настоящее время большинство исследователей понимают совокупность когнитивных способностей, включающую в себя способность понимать своё и чужое поведение, способность предвидеть последствия поведения и, соответственно, действовать сообразно ситуации. Именно эта совокупность способностей, или интегральная интеллектуальная способность «по имени» социальный интеллект, и определяет, по мысли многих исследователей, успешность общения и социальной адаптации [1; 21; 22].

В то же время необходимо отметить, что число работ, посвященных вопросам дефицитарного социального интеллекта как предиктора девиаций,

в отечественной психологической науке явно недостаточно, особенно работ, содержащих эмпирические данные. В связи с этим нам представляется интересным сравнить результаты эмпирических верификаций гипотез о качественных характеристиках социального интеллекта подростков с разными формами отклонений от социально нормативного поведения, осуществленных разными исследователями при помощи идентичного инструментария, что даёт возможность снять «эффект ожидания экспериментатора» и обнаружить некие универсальные маркёры социального интеллекта девиантов.

Анализ контента трех наиболее популярных в России сетевых научных ресурсов: <https://elibrary.ru/>, <https://cyberleninka.ru/>, <https://scholar.google.ru/> позволил обнаружить незначительное количество статей, содержащих результаты изучения особенностей социального интеллекта девиантных подростков, авторы которых в качестве одного из ключевых инструментов диагностики использовали тест социального интеллекта Д. Гилфорда и М. Салливена [16].

Так, А.Л. Плотникова, О.Г. Родионова в статье «Особенности социального интеллекта несовершеннолетних правонарушителей, употребляющих курительные смеси» [18] представляют результаты диагностики подростков 14-15 лет, резюмируя, что у 74 подростков, эпизодически употребляющих курительные смеси, обнаруживаются сниженные (по сравнению со сверстниками социальной нормы) показатели социального интеллекта. Причем, наибольшие дефициты развития у аддиктов обнаруживаются по таким показателям, как «способность предвидеть последствия поведения людей в определенной ситуации (прогностическая компетентность) и способность к логическому обобщению невербальных реакций человека» [18, с. 518]. Дополнительно исследователям удалось обнаружить, что в группе «потребителей курительных смесей» больше подростков с недостаточно развитой эмпатией (особенно по параметру идентификации) и низким уровнем развития коммуникативных умений. Велико искушение сделать вывод о том, что наркотические пристрастия приводят к снижению показателей социального интеллекта, но в совокупности результаты А. Л. Плотниковой и О. Г. Родионовой с данными, полученными другим исследователем – С. П. Елшанским [10], с нашей точки зрения, скорее свидетельствуют о том, что изначально дефицитное развитие социального интеллекта, обуславливающее проблемы межличностной коммуникации, может приводить к поиску «суррогатных эмоций», «протезированию социальной реальности» (в терминологии Ц. П. Короленко и Т. А. Донских [13]) при помощи наркотика или алкоголя.

Публикация С. П. Елшанского «Коммуникативная дефицитность при зависимостях от психоактивных веществ» [10], отражающая результаты исследо-

вания взрослых (средний возраст – 25,79) пациентов наркологического диспансера (с алкогольной и героиновой зависимостью), содержит схожие результаты. Взрослых аддиктов характеризуют низкие показатели общего уровня социального интеллекта по тесту Д.Гилфорда и М.Салливена (худшие результаты обнаруживают наркозависимые). Детальное изучение статистически значимых достоверных различий, позволило автору сделать вывод о том, что «больные алкоголизмом и наркоманией плохо распознают связи между поведением и его последствиями, хуже, чем здоровые люди, понимают характер, смысл, оттенки и контекст социальных отношений, испытывают трудности при анализе межличностных ситуаций» [10, с. 95]. С.П.Елшанский выявил также низкий уровень эмпатии у аддиктов.

Таким образом, в разновозрастных группах потенциальных аддиктов и аддиктов-стажистов, с официальным статусом наркозависимости, обнаруживаются сходные дефициты в развитии социального интеллекта, ключевым индикатором которого является недостаточно сформированная способность понимать социальные отношения и предвидеть последствия межличностного взаимодействия.

Любопытно, что Н.С. Хомерики, изучавшая индивидуально-психологические особенности подростков 14-17 лет с интернет-зависимым поведением, так же обнаружила именно у аддиктов более низкие показатели и по эмоциональному интеллекту, и по общим показателям теста Дж. Гилфорда «Социальный интеллект», а также по субтесту «Вербальная экспрессия» [28]. Автор связывает выявленные дефекты эмоционального интеллекта с более ранними этапами онтогенеза, а проблемы развитости социального интеллекта – со специфичностью коммуникативных ситуаций, доминирующих у интернет-зависимых подростков. На наш взгляд, объяснение может носить и иной характер: дефицитное развитие и эмоционального, и социального интеллекта, приводящее к напряжению, непониманию и конфликтам в социальных взаимоотношениях, могут провоцировать поиск «суррогатных эмоций», компенсирующих неудачи или вакуум в сфере общения и социального взаимодействия.

Особый интерес в контексте изучаемой проблемы представляет публикация Е.Н.Егоровой «Особенности социального интеллекта у интеллектуально полноценных подростков с девиантным поведением» [9]. В данной работе представлены результаты обследования подростков, обучающихся в специальной школе закрытого типа для несовершеннолетних правонарушителей (число обследованных по тесту Дж. Гилфорда – 51, средний возраст – 13,5). Полученные данные позволяют автору сделать выводы о том, что у значительной части

обследованных подростков характеристики социального интеллекта носят дефицитарный характер (общий показатель – низкий у 36 подростков, средний – у 11, высокий – только у 4). Причем низкие показатели были обнаружены по всем шкалам теста. Е.Н.Егорова делает два ключевых вывода о том, что 1 – причиной низкого уровня развития социального интеллекта является семейно-педагогическая запущенность, и, в первую очередь, – низкий педагогический потенциал семей, в которых воспитывались дети и 2 – низкие показатели развития социального интеллекта «являются предпосылкой для появления асоциальных форм поведения с дальнейшим возможным перерастанием их в антисоциальные» [9, с. 245]. Таким образом, именно подростки, не умеющие распознавать коммуникативную информацию, учитывать социальный контекст и верно его интерпретировать, а также предвидеть последствия межличностного взаимодействия, имеют все шансы стать воспитанниками школ для девиантных подростков.

Необходимо учитывать, что в соответствии с Федеральным Законом Российской Федерации № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [26], статьей 92 УК РФ [24] и статьей 432 УПК РФ [25], в специальную школу закрытого типа подростки в возрасте от 11 до 18 лет могут быть направлены только в том случае, если они не достигли возраста уголовной ответственности и не совершили тяжких и особо тяжких преступлений. Девиантность этих подростков не вызывает сомнения, так как такая принудительная мера воспитательного воздействия всё же избирается судом при неоднократных правонарушениях, отсутствии раскаяния за совершенные мелкие преступления, отказ от выполнения социальных обязательств (например, посещения учебного заведения), игнорирование иных мер воспитательного воздействия. Кражи, хулиганство, употребление психоактивных веществ также часто являются фактами биографии таких подростков. В то же время подростки, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления в спецшколы, как правило, не попадают. Соответственно, они не попали и в фокус исследования, проведенного Е.Н. Егоровой. В то же время эта группа представляет несомненный исследовательский интерес с точки зрения характеристик социального интеллекта.

Исходя из вышеизложенного, наше исследование проводилось с 26 подростками мужского пола в возрасте 15-16 лет, находящимися под следствием за совершение тяжких и особо тяжких преступлений: разбой, преступления против сексуальной неприкосновенности. По решению суда все они в дальнейшем были направлены уже не в спецшколу, а в воспитательные колонии. В кон-

трольную группу (условной нормы) так же вошли 26 подростков мужского пола 15-16 лет, обучающиеся в общеобразовательных школах.

С целью изучения социального интеллекта мы использовали тест Дж. Гилфорда и М. Салливена «Социальный интеллект» (выбор методики обоснован выше). Кроме того, в качестве дополнительного инструментария использовался тест «Эмоционального интеллекта» Н.Холла (понимая ограниченные диагностические возможности методики, мы его использовали именно в качестве дополнительного).

Результаты применения t-критерия Стьюдента при сопоставлении показателей группы подростков-делинквентов с показателями группы условной нормы поведения представлены в таблице № 1.

Таблица № 1. Результаты применения t-критерия Стьюдента при сопоставлении данных экспериментальной и контрольной групп

Шкала		\bar{X}	\bar{Y}	t эмп.
Социальный интеллект Дж. Гилфорда и М. Салливена	Субтест 1 «Истории с завершением»	6,60	11,86	8,45***
	Субтест 2 «Группы экспрессии»	5,40	9,55	6,74***
	Субтест 3 «Вербальная экспрессия»	4,88	9,23	5,79***
	Субтест 4 «Истории с дополнением»	3,47	8,50	11,20***
	Композитная оценка	19,32	38,12	12,63***
Эмоциональный интеллект Н. Холл	Эмоциональная осведомленность	5,20	6,00	0,52
	Управление своими эмоциями	4,28	7,00	1,56
	Самомотивация	7,12	7,55	0,26
	Распознавание эмоций других людей	4,88	6,92	1,85
	Эмпатия	2,20	5,93	2,40*
	Интегративный уровень эмоционального интеллекта	23,28	34,36	2,17*

$$t_{\text{критическое}} = \begin{cases} 2,00 \text{ при } p \leq 0,05 * \\ 2,67 \text{ при } p \leq 0,01 ** \\ 3,49 \text{ при } p \leq 0,001 *** \end{cases} \quad n = 52$$

Примечание: \bar{X} – подростки-делинквенты; \bar{Y} – подростки условной нормы поведения

Наличие статистически значимых различий свидетельствует о том, что у подростков-делинквентов уровень развития социального интеллекта значи-

тельно ниже, чем у их сверстников условной нормы поведения, причем эти различия обнаруживаются по всем субтестам и общей композитной оценке.

Достоверные различия ($p \leq 0,001$) по субтесту «*Истории с завершением*» свидетельствуют о том, подростки с выраженным девиантным поведением, в отличие от подростков контрольной группы, значительно хуже осознают связь между поведением и его последствиями, плохо анализируют реальные ситуации общения, так как испытывают серьезные трудности с пониманием чувств, мыслей и намерений участников коммуникации, и значительно чаще попадают в конфликтные, а, возможно, и опасные ситуации потому, что неверно представляют себе результаты своих действий или поступков других, плохо ориентируются в общепринятых нормах и правилах поведения, что может стать основой для совершения противоправных действий.

Достоверные различия по субтесту «*Группы экспрессии*» ($p \leq 0,001$) свидетельствуют о том, подростки из экспериментальной группы в большей степени ориентируются на вербальное содержание сообщений, могут часто ошибаться в понимании слов собеседника, так как не учитывают (или учитывают неправильно) сопровождающие их невербальные реакции, т. е. по сравнению с подростками из контрольной группы менее адекватно оценивают состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям: мимике, позе, жестам, что существенно снижает способность девиантных подростков понимать других.

Учитывая важность именно фактора познания классов поведения для возникновения девиаций поведения личности в нашей выборке, следует отметить, что чувствительность к невербальной экспрессии (мимике, позам, жестам) существенно усиливает способность понимать других участников коммуникации. Способность читать невербальные сигналы другого человека, осознавать их и сравнивать с вербальными, лежит в основе интуиции.

Известно, что успешность выполнения этого субтеста положительно коррелирует:

- 1) с чувствительностью к эмоциональным состояниям других;
- 2) с разнообразием экспрессивного репертуара в общении;
- 3) с открытостью и проявлением дружелюбия в общении;
- 4) с сенситивностью к обратной связи в общении, восприимчивостью к критике, совестливостью;
- 5) с высокой самооценкой и степенью принятия себя;
- 6) с глубиной рефлексии.

Таким образом, мы можем констатировать, что если подростки условной нормы поведения демонстрируют большую чувствительность к характеру и оттенкам человеческих взаимоотношений, что помогает им быстро и правильно понимать то, что люди говорят друг другу (речевую экспрессию) в контексте определённой ситуации, определённых взаимоотношений, то есть они способны находить соответствующий тон общения с различными собеседниками в разных ситуациях и имеют большой репертуар ролевого поведения (проявляют ролевую пластичность), то девиантного подростка отличает плохое распознавание различных смыслов, которые могут принимать одни и те же вербальные сообщения в зависимости от характера взаимоотношений людей и контекста ситуации общения (субтест «*Вербальная экспрессия*», $p \leq 0,001$).

Так же было выявлено, что подростки, демонстрирующие девиантное поведение, испытывают трудности в анализе ситуаций межличностного взаимодействия и, как следствие, плохо адаптируются к различным системам взаимоотношений между людьми (дружеским, семейным и другим), в то время как их сверстники способны более успешно распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике, предсказывать как человек поведёт себя в дальнейшем (субтест «*Истории с дополнением*», $p \leq 0,01$).

Таким образом, обнаруженные статистически достоверные различия по «*Композитной оценке*» ($p \leq 0,001$) вполне закономерны.

Подросткам с делинквентным поведением свойственны низкая способность извлекать информацию о поведении людей, понимать язык невербального общения, высказывать быстрые и точные суждения о людях, успешно прогнозировать их реакции в заданных обстоятельствах, проявлять дальновидность в отношениях с другими людьми.

Подростки-девианты, как правило, не являются успешными коммуникаторами, им не свойственны открытость, тактичность, тенденция к психологической близости в общении, эмпатийность.

Данные выводы вполне согласуются с полученными результатами по тесту эмоционального интеллекта Н.Холла, где уровень понимания эмоционального состояния другого человека посредством сопереживания, проникновения в его субъективный мир (шкала «*Эмпатия*», $p \leq 0,05$) достоверно ниже в группе подростков, демонстрирующих девиантное поведение.

На наш взгляд, необходимо отметить и тот факт, что даже при отсутствии достоверных отличий, выявлены значительно более низкие средние показатели у подростков с девиантным поведением по шкалам «*Эмоциональная осведомленность*», «*Управление своими эмоциями*», «*Распознавание эмоций других людей*»,

что находит отражение в интегративном показателе эмоционального интеллекта, где различия выходят на уровень достоверности (*шкала ИУЭИ*, $p \leq 0,05$), то есть им в целом свойственен меньший уровень развитие эмоционального интеллекта, чем подросткам условной нормы поведения.

Таким образом, обобщая результаты немногочисленных исследований социального интеллекта подростков с разными формами девиаций (аддиктов, трудновоспитуемых, делинквентов), мы неизбежно приходим к выводу о том, что всех их отличает дефицитарное развитие социального интеллекта. Если учесть, что уровень развития социального интеллекта определяет степень успешности социальной адаптации, то низкий уровень социального интеллекта детерминирует возникновение дезадаптированности личности, что, в свою очередь, в подростковом возрасте проявляется в девиациях. Очевидно, что сам по себе высокий уровень развития социального интеллекта ещё не является гарантией просоциального поведения (о чём свидетельствуют результаты исследования Е. Н. Егоровой [9], выявившей 5 учащихся спецшколы для девиантных подростков с высокими показателями социального интеллекта, и косвенно – данные С. П. Елшанского [10], обнаружившего у героиновых наркоманов не только склонность, но и способность к социальному влиянию через включение обмана – макиавеллизм), но его низкий уровень является достаточно надежным предиктором возможных девиаций разного толка. В пользу этого, на наш взгляд, свидетельствует и тот факт, что бóльшая дефицитарность развития социального интеллекта обнаруживается исследователями именно у подростков с бóльшей мерой отклонений в поведении (от недостаточного уровня развития отдельных параметров у подростков с эпизодическим употреблением курительных смесей до тотальных дефектов в группе подростков-делинквентов).

Учитывая природу эмоционального и социального интеллекта, можно утверждать, что профилактические и коррекционные программы, направленные на работу с подростками, склонными к девиантному поведению, должны предусматривать работу не только с эмоционально-волевой сферой, но и с целенаправленным формированием социального интеллекта. Проблемы потенциальных подростков-девиантов часто связаны с опытом депривации на более ранних этапах онтогенеза, с социальной некомпетентностью родителей, что усложняет процесс эффективного взаимодействия в конкретном социальном контексте, усугубляет социальные риски и провоцирует деструктивные формы выхода из проблемной или вполне обыденной ситуации.

В процессе подготовки материала мы с удивлением обнаружили в сети Интернет значительное количество запросов родителей о том, в какой интернат

или иное учреждение можно устроить ребенка, если он себя плохо ведет и даже учителя в школе с ним не справляются. Ни в одном запросе не звучит мысль о том, что родители не справляются с воспитательными функциями, основная идея – *ребенок получился плохим*, его срочно нужно отдать специально подготовленным людям. Самое удивительное, что такого рода запросы выдают родители не только 12-14-летних детей, но и 8-летних (!). И если специалисты в настоящее время осознают необходимость подготовки сотрудников МВД со знанием психологии и физиологии подростков [6], то родители зачастую готовы просто отказаться от своих детей, как минимум, «сдать на передержку» на период трудного возраста, как максимум – «забыть о неудавшемся проекте под названием «ребёнок»». Родители трудновоспитуемых детей, или тех самых девиантных, судя по поисковым запросам в сети Интернет, обладают, как минимум, минимальной компетентностью в сферах информационных технологий, знают, кому адресовать вопрос о грамотном избавлении от ребенка (чаще мальчика), иногда водят свое чадо в частную школу, но не рефлексиируют по поводу собственной социальной компетентности. Но если проблема неконструктивной мотивации родительства требует своего дополнительного исследования, то вопрос о необходимости организации работы по формированию социального интеллекта со всей очевидностью уже требует своего решения.

Низкий уровень умения правильно интерпретировать ситуацию, ориентироваться в нормах и правилах поведения, обладать ролевой пластичностью и предсказывать поведение человека в дальнейшем (то есть, способность прогнозировать, наблюдать, устанавливать те самые причинно-следственные связи), провоцирует возникновение противоправных ситуаций, а также ситуаций, угрожающих жизни и здоровью как самого подростка, так и других людей, создаёт почву для делинквентного поведения.

Данные, полученные исследователями особенностей социального интеллекта подростков с разными формами девиаций, могут стать основой для создания эффективных профилактирующих программ, не только способствующих развитию и коррекции трудного ребенка, но и снижающих и социальные, и образовательные риски, как для него самого, так и для его сверстников и общественного здоровья в целом. Активизация продуктивного потенциала подростка, обеспечение возможности полноценной коммуникации, восприятия поведения других людей, сформированная способность принимать адекватные решения в конкретной межличностной ситуации – объективный ресурс для предупреждения не только девиаций, но и делинквентного и криминогенного поведения.

Список литературы

1. Андронникова О. О., Герасимова П. С. К вопросу о роли социального интеллекта в социализации личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 120-125.
2. Белобрыкина Е.А., Белобрыкина О.А. Особенности самоотношения делинквентных подростков с разным типом волевой регуляции // Социально-педагогическая и медико-психологическая поддержка развития личности в онтогенезе: сб. материалов международной научно-практической конференции (Республика Беларусь, Брест, 24-25 апр.2014 г.). В 2 ч. Ч. 1. /редкол.: Т.С. Будько, И.В. Прошкина, Е.М. Зданович. Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2014. С. 10-16.
3. Белобрыкина О.А., Лимонченко Р.А. Дескриптивные характеристики социальных эмоций у подростков с отклоняющимся поведением //Смальта. 2016. № 1. С.15-21.
4. Вайсбах Х., Дакс У. Эмоциональный интеллект. М.: Лик Пресс, 1998. 247 с.
5. Васильева Я.С., Змановская Е.В. Проблема детерминации делинквентного поведения в отечественных исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1. С. 166-172.
6. Волков П. А., Ягодин Р. С., Бельский А. И. Предупреждение преступности несовершеннолетних //Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2 (44). С. 105-111.
7. Гурьев М.Е. Социально-психологическая характеристика подростков, имеющих девиантное поведение: способы его профилактики и пути преодоления //Наука и современность. 2017. № 51. С. 94-103.
8. Дегтярёв А. В. Эмоциональный интеллект и особенности социально-психологической адаптации у подростков с девиантным поведением //Психологическая наука и образование. 2014. № 3. С.149-159.
9. Егорова Е. Н. Особенности социального интеллекта у интеллектуально полноценных подростков с девиантным поведением // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. 2013. № 160. С.243-246
10. Елианский С.П. Коммуникативная дефицитарность при зависимостях от психоактивных веществ // Педагогика и психология образования. 2010. № 2. С. 93-95.
11. Козубовская И.В., Сойма Н.Д. Исследование проблемы девиантного поведения несовершеннолетних в Великобритании // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 11-7. С. 141-145.
12. Корнетов А.Н., Прядухина Н.И., Морева С.А., Еремина Е.П., Головаха Н.И., Силаева А.В., Обуховская В.Б. Клиническое значение сниженных показателей эмоционального интеллекта учащихся средней общеобразовательной школы //Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (156). С. 72-80.
13. Короленко Ц. П., Донских Т. А. Семь путей к катастрофе: деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск: Наука, 1990. 222 с.
14. Купченко В.Е., Ратанина О.В. Особенности самоконтроля, импульсивности, агрессивности и эмпатии подростков с делинквентным поведением // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2016. № 2. С. 36-41.
15. Мельникова М.Л. Психологическое сопровождение девиантных подростков с интеллектуальными нарушениями в соответствии с ФГОС //Педагогическое образование в России. 2015. № 6. С.187-192.

16. Михайлова (Алешина) Е. С. Методика исследования социального интеллекта: Адаптация теста Дж. Гилфорда и М. Салливена: Руководство по использованию. СПб.: ГП «ИМАТОН», 1996. 56 с.
17. Московченко В.В. Эмпирическое исследование факторов принятия решений у делинквентных подростков // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 2. С. 140-153.
18. Плотникова А. Л., Родионова О. Г. Особенности социального интеллекта несовершеннолетних правонарушителей, употребляющих курительные смеси // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 11 (55). С. 518-528.
19. Рассудова Л. А. Уровень развития рефлексивности у девиантных подростков // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 3 (50). С. 36-39
20. Романова М.Н. Групповая преступность подростков в современных зарубежных социально-психологических исследованиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. Вып. 4. 2016. Т. 16. С. 443-449.
21. Руденский Е.В. Дефицит социально-психологической компетентности как триггер онтогенетической виктимизации личности // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 217-222.
22. Савенков А.И. Социальный интеллект как проблема психологии одаренности и творчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. № 4. С. 94-101.
23. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В.Люсина, Д.В.Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 176 с.
24. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.07.2017) [Электронный ресурс] //Консультант-Плюс [официальный сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/106e4dcfba154e1041ea975222931bfdbc87dc71/ (дата обращения: от 27.07.17)
25. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2017) [Электронный ресурс] //КонсультантПлюс [официальный сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ac37e4ca51912fa36ec51bccd2ee41e4534bbb0c/ (дата обращения: от 27.07.17)
26. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями; в последней редакции от 07 июня 2017 г.) [Электронный ресурс] //Система ГАРАНТ [официальный сайт]. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения: от 27.07.17)
27. Фигдор Г. «Может ли школа помочь условно осужденным подросткам» // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 30-41.
28. Хомерики Н. С. Индивидуально-психологические особенности подростков с интернет-зависимым поведением. Автор. дис... канд. психол. наук. СПб., 2013. 24 с.
29. Цветкова Н.В. Прогностическая способность подростков с девиантным поведением // Вестник гуманитарного образования. 2015. № 3. С. 32-37.
30. Шнейдер Л.Б. Психология подростковой девиантности и аддиктивности. М.: изд-во Московского социально-психологического ун-та, 2016. 300 с.
31. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. 147 p.

3.3. РОЛЬ ТЕМПОРАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

Проблема социальных рисков становится всё более актуальной и обсуждаемой в современном обществе. И для этого, на наш взгляд, существует как минимум две причины: 1) рост числа рисков обусловлен темпами общественных и экономических изменений, характеризующих сегодня социальную реальность в общемировом масштабе, и 2) рефлексия научного сообщества и сообщества практиков по поводу эффективного менеджмента, которая позволила прийти к достаточно однозначному выводу о том, что любой проект, а тем более стратегия, должны включать предварительную оценку потенциальных рисков с целью предупреждения или смягчения возможных отрицательных эффектов.

Современное российское общество через институты власти позиционирует и законодательно закрепляет (ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», ФЗ «О государственной молодёжной политике в Российской Федерации») заинтересованность в разностороннем развитии людей, успешно социализирующихся и обладающих высоким уровнем социальной компетентности [15]. Именно эти ориентиры заданы в качестве приоритетных для институтов социализации, и прежде всего – институтов образования и молодёжной политики. В то же время по оценке А. М. Молокостовой и Т. В. Бендас проблема социальных рисков в настоящее время является значимой и актуальной. К таким рискам они относят: 1) риск несоответствия возможностей и требований; 2) ролевой риск; 3) риск неопределенности среды, а также 4) риск некомпетентности и 5) риск невозможности достижения результата [10].

В современной психологии рискованное поведение связывается не только с экстремальными условиями, требующими волевого и бесстрашного поведения. В современной общественной жизни риски представляют собой вызовы на неоднозначные возможности, требующие от личности выбора и способности действовать в пока неизвестных условиях. Социальные риски – это оценка личностью коммуникативных ситуаций неопределенности, связанных с возможными выгодами и потерями для нее [10].

В контексте поиска личностных особенностей, способствующих осуществлению результативного риска, мы находим значимость такого качества, как темпоральная компетентность в различных её проявлениях и темпоральной субъектности, которая является частью социальной компетентности.

Темпоральная характеристика человека – это неотъемлемый структурный элемент психики, оказывающий существенное влияние и сопровождающий развитие и становление его в онтогенезе, на развитие и регуляцию образа «Я»,

успешное освоение социальных норм и правил, адекватную идентификацию, в том числе профессиональную, реализацию себя в обществе. Как отмечает А.К. Болотова, *«время выступает системообразующим фактором профессиональной деятельности человека, регулятором эффективного функционирования личности в жизненном пространстве-времени»* [4, с. 8].

Понятие *«временная компетентность»* было введено в оборот психологической науки Э. Шостромом [17], описано специалистом в области экзистенциальной психологии Р.Мэем. Автор рассматривает временную компетентность синонимом психического здоровья и характеризует отсутствием в прошлом обид, сожалений и вины, в то время как настоящее связано с желаниями, которые в свою очередь гибко и реалистично связаны с будущим. Временную компетентность Р.Мэй рассматривал как особый механизм саморегуляции, личностную черту, которая будет определяться высоким уровнем самосознания, развитием критической рефлексии и ориентацией на планирование целей будущего. Временная компетентность предполагает наличие у человека сформированных представлений о своем прошлом и будущем, существующих в каждом моменте настоящего [13].

С точки зрения А. К. Болотовой, временная компетентность включает в себя навыки планирования, умение расставлять приоритеты и определять лимиты межличностного общения, уважать время других людей, в том числе умение поручать дела. Автор определяет временную компетентность как способность налаживать и сохранять в течение определенного времени актуальные социальные контакты, умение увеличивать либо уменьшать временные лимиты в процессе общения, изменять *временное пространство* общения в зависимости от создавшейся ситуации [9], сохраняя психические резервы до завершения деятельности и устанавливая оптимальный ритм труда [4]. Такой подход позволяет рассматривать временную компетентность в более широком представлении, а именно через пространственно-темпоральную организацию психической деятельности.

С точки зрения И.Я. Яскиной, временная компетентность – это совокупность знаний и умений, которые связаны с правильной оценкой времени, умением определять временные ограничения в процессе общения, ощущением течения времени и способностью оптимально использовать временной ресурс в процессе взаимодействия [18].

И. С. Калинин компетентность во времени рассматривает через факторы, которые дают возможность человеку выполнять запланированные дела вовремя. К таким факторам временной компетентности относится четкое понимание своих целей, гармоничная согласованность с целями близких людей и с целями

организации, стабильное планирование своего времени, письменная фиксация задач, сроков, ресурсов, умение перепоручать дела другим, гармоничное соотношение времени, отведенное на работу и на отдых, стабильную работу над собой по приобретению навыков самоорганизации, наличие силы воли, умение контролировать себя, определение показателей внешнего контроля, способность преодолевать препятствия, избавляться от незапланированного хаоса [6]. Как видим, в данном случае автор предпринимает попытку перевести содержательные характеристики временной компетентности в технологические. Такой подход, на наш взгляд, приводит к смешению личностных и деятельностных конструктов, но всё же позволяет выделить дополнительные индикаторы для оценки сформированности темпоральной компетентности.

По мнению К. Роджерса, временная компетентность способствует развитию коммуникативной компетентности, упрощая создание ситуации понимания и принятия, оптимизируя развитие созидательной активности личности в настоящем и будущем [14]. С точки зрения А. Маслоу, под компетентностью во времени понимается способность субъекта жить настоящим, чувствовать связь прошлого, настоящего и будущего, т. е. воспринимать жизнь как единое целое [8]. Как полагает А.В.Махароблидзе, предложенные известными психологами-гуманистами определения отражают данное понятие односторонне, не вскрывают глубинные, сущностные характеристики. Временную компетентность необходимо рассматривать как интегральную характеристику, включающую не только совокупность способностей, знаний и умений, обеспечивающих реализацию алгоритма продуктивной деятельности во времени, но и систему психологических параметров, которые существуют во внутреннем, когнитивном плане и не всегда четко фиксируются и воспринимаются субъектом [9].

Б. И. Цуканов отмечает, что каждый человек оценивает время, ориентируясь на свою субъективную единицу времени. Эта единица носит название «действительное настоящее». Данная единица времени представляет собой субъективный индивидуальный шаг, измеряющий время. Это может выражаться в нетерпении, торопливости, тревожности, постоянном ощущении цейтнота; такие люди могут жаловаться на острую нехватку времени, могут возникать трудности с налаживанием социальных контактов. Другие, наоборот, могут никогда не испытывать дефицита времени, быть медлительными и неповоротливыми, но пренебрегать временем окружающих, неконструктивно распределять временной бюджет [16].

Компетентность во времени, с точки зрения В. И. Дендериной, включает правильную постановку целей с учетом имеющегося времени, грамотное построение взаимодействия в зависимости от временных лимитов, соответственно, его увели-

чение либо ограничение, и умение конструировать проблему во времени [цит. по 9]. С возрастом человек приобретает адаптивную реакцию на неудачу, выражаемую в изменении стратегии, а не в поспешном и неоправданном переходе к другой стратегии. Немаловажным является то, что стратегии поведения с возрастом становятся более сложными в когнитивном аспекте, ориентированными на других, вербализованными и прогностичными. Взрослый человек различает цели ближней и дальней перспективы [15]. Говоря о логике онтогенетического развития времени, необходимо отметить, что с возрастом меняется ценность и ощущаемость личного времени. Тогда появляются разнообразные индивидуальные варианты, которые включают в себя факторы социального развития и социальной ситуации воспитания, которые могут выступать факторами риска.

Анализируя и обобщая различные типологические подходы, мы выделяем четыре уровня темпоральной организации психики, которые в совокупности определяют уровень сформированности темпоральной компетентности. Содержательное наполнение темпоральной компетентности можно представить в схематической форме (рис. 1).

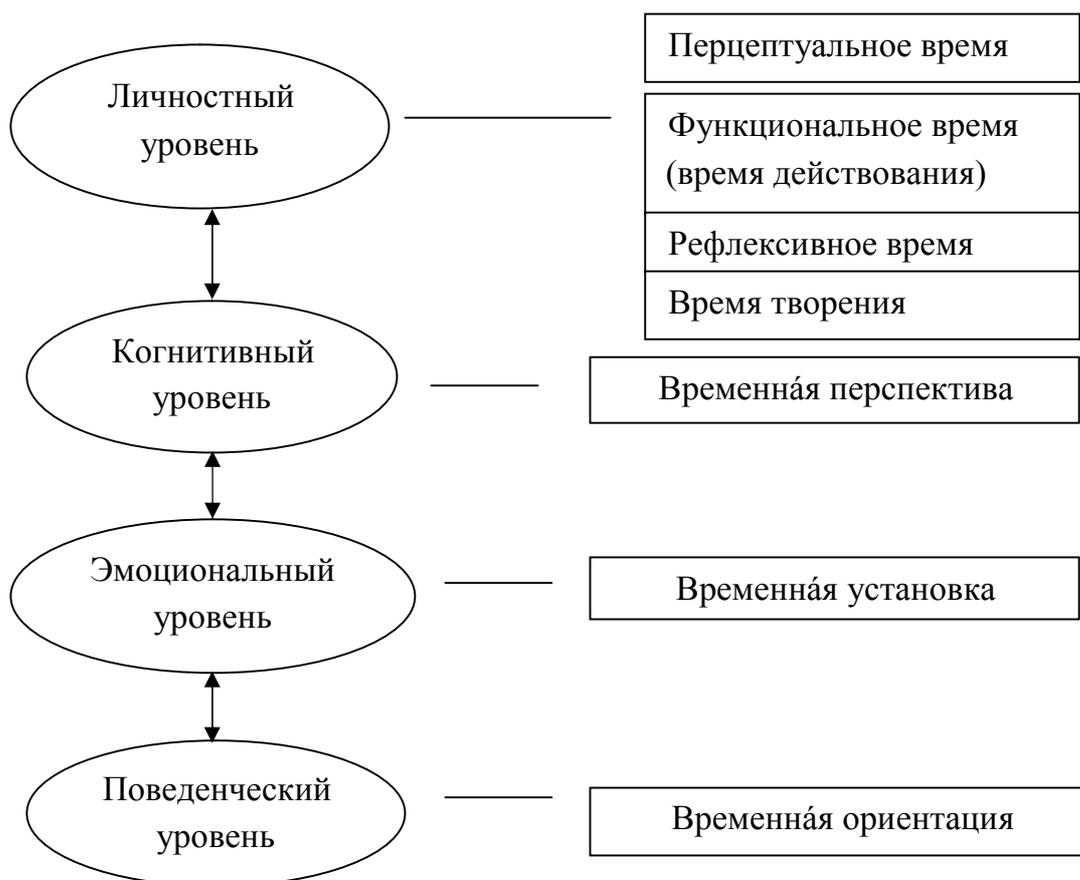

Рис.1. Содержательная схема темпоральной компетентности

Согласно философско-психологическим аспектам исследования категории времени, компонент личного времени выступает как последовательный

синтез психических времен: 1) перцептуальное время, которое происходит на частично осознаваемом уровне – так называемом времени созерцаний и впечатлений; 2) функциональное время, или время действия, – часто происходит на подсознательном уровне; 3) рефлексивное время, или время размышлений, – происходит в сознаваемо-дискурсивной форме; 4) креативное время, или время творения, – происходит на надсознательном уровне [11].

Личностный уровень включает мотивационный компонент представлений о будущем и корректирует с особенностями выстроенной последовательностью образов будущего. Такая способность построить эту последовательность связывается с *когнитивной перспективой* [1]. Так, опросник М.В.Кроза включает в категорию личностной зрелости компонент компетентности во времени. Понятие «сбалансированной темпоральной ориентации» (Ф.Зимбардо) включает идеализированную *умственную структуру*, позволяющую человеку переключаться между модусами прошлого, будущего и настоящего. Тем самым *когнитивный компонент* включает временную перспективу личности как собственные представления о прошлом, настоящем и будущем. В своей работе Р. Орнштейн отмечает, что восприятие времени – это когнитивный процесс, а, значит, подвержен когнитивным иллюзиям [цит. по 5]. Ф.Зимбардо полагает, что осознание собственного отношения ко времени позволит изменить перспективу к лучшему. У. Джеймс определяет временную перспективу как знание о некоторых частях потока, прошлого или будущего, близкого или отдаленного, и это знание всегда смешано со знанием человека о настоящем [цит. по 5].

Эмоциональный компонент включает в себя временную установку как настроенность к восприятию собственных событий жизненного пути.

Поведенческий компонент охватывает временную ориентацию как доминирующую направленность поведения на события прошлого, настоящего и будущего. *Поведенческий уровень* проявляется в организации временной культуры, темпоральной саморегуляции поведения, умении грамотно планировать время в реализации всесторонних потребностей личности.

Совокупность данных компонентов образует способность личности развиваться по траектории социального развития через ориентацию на деятельность индивидуальности, охватывая все уровни временного восприятия, навыков планирования и успешной реализации намеченного плана, оценку собственных ресурсов во временном отрезке времени и оценку социальных рисков при реализации данного вида деятельности.

В рамках социально детерминированного фактора, темпоральная компетентность проявляется в способности осознанно использовать временной фак-

тор для индивидуализации социально-педагогического процесса, через постановку индивидуально-ориентированных целей, подбора соответствующих средств, методов и организации условий, ориентированных на перспективу развития воспитанника и изменения окружающей его среды (семьи, школы, учреждений дополнительного образования, групп сверстников и т.д.) [2]. Таким образом, темпоральная компетентность формируется в процессе обучения и воспитания ребёнка, при котором создаются условия, формирующие навык распределения временного ресурса, оценке первостепенных и второстепенных задач и социальных рисков.

Темпоральные стратегии поведения включают формы и способы жизнедеятельности и ориентированы на определенные свойства и качества социального времени с целью достижения каких-либо поставленных целей. Эти поведенческие поведения являются сложным комплексом когнитивных, эмоциональных и поведенческих элементов, которые складываются под влиянием динамики времени, управляют жизнедеятельностью людей. Данный комплекс лежит в основе самонастраивающегося механизма конструирования жизненных стратегий. Мы можем говорить об особом виде жизненных стратегий, имеющем сквозной, интегрирующий характер, – темпоральных стратегиях поведения [3].

Темпоральное понимание социальной реальности позволяет оценивать ситуации кризиса, конфликта, социальных рисков. Оценка социальных рисков во многом предопределена когнитивными способностями личности, а также ее эмоционально-волевой сферой и направленностью [12], способностью своевременно оценить временной и психический ресурс, темпоральной стратегией поведения. Деформация личностных границ и темпоральная некомпетентность в равной степени могут стать препятствием для осуществления эффективной деятельности и выстраивания конструктивных темпоральных стратегий [7]. Таким образом, сформированная темпоральная компетентность в условиях общества с колоссальным информационным потоком, высокой степенью неопределённости социальных ситуаций обеспечивает способность к самоорганизации и рациональному поведению.

Список литературы

1. *Абульханова К. А., Березина Т. Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.
2. Адаптация личности в современном мире: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5 /под ред. М.В.Григорьевой. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2012. 320 с.
3. *Амбарова П.А.* Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей. Екатеринбург: УрФУ, 2015. 252 с.

4. *Болотова А. К.* Психология организации времени: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2006. 254 с.
5. *Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
6. *Калинин С. И.* Тайм-менеджмент. СПб.: Речь, 2006. 341 с.
7. *Кошенова М.И., Волохова В.И.* К вопросу о взаимосвязи темпоральной компетентности и психологических границ личности // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 6. С. 96-101.
8. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. 425 с.
9. *Махароблидзе А.В.* Теоретические подходы к исследованию временной компетентности личности // Педагогическое образование в России. 2015. № 8. С. 94-98.
10. *Молокостова А. М., Бендас Т. В.* Социальные риски в будущей профессиональной деятельности // Организационная психология. 2015. Т. 5. № 1. С. 59-72.
11. *Москвин В.А., Попович В.В.* Философско-психологические аспекты исследования категории времени [Электронный ресурс] // Credo, теоретический философский журнал. 2008. № 6 (12). URL: <http://www.improvement.ru/bibliot/filos.shtml> (дата обращения: 14.08.2017)
12. Психодиагностика. Теория и практика: учебник для бакалавров /под ред. М.К. Акимовой. М.: Юрайт, 2016. 631 с.
13. *Мэй Р.* Смысл тревоги / пер. с англ. А. Багрянцевой. М.: Институт общегуманитарных исследований 2016. 416 с.
14. *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека /Общ. ред. и предисл. Е.И. Исениной. М.: ИГ «Прогресс», 1998. 480 с.
15. *Учурова С.А.* Развитие социальной компетентности в образовательном процессе. Екатеринбург: УрФУ, 2011. 196 с.
16. *Цуканов Б.И.* Время в психике человека. Одесса: Астропринт, 2000. 217 с.
17. *Шостром Э.* Человек-манипулятор: Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. М.: Изд-во Института психотерапии, 2008. 192 с.
18. *Яксина И.А.* Временная компетентность в структуре межличностного взаимодействия: дис. ... канд. психол. наук. М., 2002. 147 с.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Динамика общественных преобразований вносит коррективы в социальные приоритеты, увеличивая тем самым зоны возникновения рисков во всех сферах жизнедеятельности как отдельного человека, так и человеческого сообщества в целом. Наука, чутко реагируя на эти изменения, не может, да и не имеет морального права, оставаться равнодушной, так как от степени понимания и поиска продуктивных способов разрешения насущных проблем зависит жизнеспособность и общества (страны, государства), и личности.

Очевидно, что умножение социальных проблем раздвигает горизонты научных изысканий и ведет к расширению задач, требующих своевременного решения. Мы коснулись лишь незначительной части актуальных проблем, сосредоточив основное внимание на социально-психологической оценке рисков современной реальности, и лаконично по форме, но емко по содержанию попытались проанализировать глобальные и бытийные факторы риска, общественные и личностные детерминанты дефицитарного или угрожающего психологической безопасности развития.

Данная монография – это и приглашение к диалогу коллег-ученых и практиков, заинтересованных в объективной оценке социальной действительности; это и предложение всем тем, кто профессионально отвечает за процесс социализации человека, к поиску оптимальных и адекватных инструментов оценки реальных и вероятностных рисков, а так же ресурсов и механизмов управления ими; это и апелляция к гражданской и социальной ответственности каждого.

СОДЕРЖАНИЕ

Всякий ли риск – благородное дело? Вместо предисловия	4
Раздел 1. ДИЛЕММЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РИСКА	
1.1. Современные глобальные вызовы и задачи глобальной психологии (А.Л. Журавлев, Ю.В. Ковалева)	8
1.2. Многообразие рисков и факторов их возникновения в обществе постмодерна: теоретический обзор проблемы (О.А.Белобрыкина).....	14
1.3. Миросистемные виктимологические процессы и их влияние на человека (О.О.Андронникова)	31
Раздел 2. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ РИСКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	
2.1. Ценностные ориентации в структуре совместной жизнедеятельности семьи (Ю.В.Ковалева).....	45
2.2. Моббинг как маркер системного неблагополучия современного российского общества?... (М.И.Кошенова).....	53
2.3. Хиршемания как форма аддиктивно-виктимного поведения научных и педагогических кадров в современных условиях (О.А.Белобрыкина).....	69
Раздел 3. СИТУАТИВНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	
3.1. Образ мигранта в сознании москвичей (Емельянова Т.П.)	83
3.2. Дефицитарность социального интеллекта как предиктор делинквентного поведения подростков (М.И.Кошенова)	89
3.3. Роль темпоральной компетентности в оценке социальных рисков (В.И.Волохова).....	103
Вместо заключения	110

TABLE OF CONTENTS

Is every risk a noble business? Instead of Preface	4
Section 1. DILEMMAS OF MODERN REALITY: SOCIAL-PSYCHOLOGICAL DISCOURSE OF RISK	
1.1. MODERN GLOBAL CHALLENGES AND PROBLEMS OF GLOBAL PSYCHOLOGY (A.L. Zhuravlev, Yu.V. Kovaleva)	8
1.2. VARIETY OF RISKS AND FACTORS OF THEIR OCCURRENCE IN POSTMODERN SOCIETY: THEORETICAL REVIEW OF PROBLEM (O.A. Belobrykina).....	14
1.3. WORLD-SYSTEM VICTIMOLOGIC PROCESSES AND THEIR IMPACT ON HUMAN BEINGS (O.O. Andronnikova).....	31
Section 2. SOCIAL-PSYCHOLOGICAL INDICATORS OF RISK OF CONTEMPORARY RUSSIAN REALITY	
2.1. VALUES ORIENTATIONS IN FAMILY JOINT LIFE ACTIVITY STRUCTURE (Yu.V. Kovaleva).....	45
2.2. MOBBING AS MARKER OF SYSTEM ILL-BEING OF MODERN RUSSIAN SOCIETY?... (M.I. Koshenova).....	53
2.3. HIRSCH-MANIA AS FORM OF ADDICTIVELY-VICTIMIZED BEHAVIOR OF SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL PERSONNEL IN MODERN CONDITIONS (O.A. Belobrykina).....	69
Section 3. SITUATIVE AND PERSONAL DETERMINANTS OF SOCIAL CHANGES	
3.1. IMAGE OF MIGRANT IN MOSCOVITES' MIND (T.P. Emelyanova).....	83
3.2. DEFICIENCY OF SOCIAL INTELLIGENCE AS PREDICTOR OF ADOLESCENT'S DELINQUENT BEHAVIOR (M.I. Koshenova)	89
3.3. ROLE OF TEMPORAL COMPETENCE IN SOCIAL RISKS ASSESSMENT (V.I. Volokhova).....	103
Instead of the conclusion	110

Научное издание

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА
РИСКОВ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
ОЧЕВИДНОЕ И ВЕРОЯТНОЕ**

Монография

Коллектив авторов:

А. Л. Журавлев, Т. П. Емельянова, О. О. Андронникова, О. А. Белобрыкина,
Ю. В. Ковалева, М. И. Кошенова, В. И. Волохова

В авторской редакции

Компьютерная верстка – А. В. Богатырёв

Подписано в печать 05.10.2017 г. Формат бумаги 60×84/16.

Печать цифровая. Уч.-изд. л. 6,7. Усл. печ. л. 6,6.

Тираж 500 экз. Заказ № 78.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28

Тел.: 8(383) 244-06-62, www.rio.nspu.ru

Отпечатано: ФГБОУ ВО «НГПУ»